

Роман-газета
№ 11(59)

**АНТОНИНА КОПТЯЕВА
ИВАН ИВАНОВИЧ**

ГОСЛИТИЗДАТ

1950

АНТОНИНА КОПТЯЕВА

Антонина Дмитриевна Коптяева родилась в 1909 году, на глухом прииске, в тайге Дальневосточного края. Отец погиб, когда ей было два года.

В 1916 году мать Антонины Дмитриевны переехала на постоянное жительство в город Зея, Амурской области, где жили ее родители. Антонина Коптяева училась в городской школе. Она рано начала читать и пробовать свои силы в поэзии. Ее стихи помещались в школьной стенной газете, читались в городском клубе.

Мать Антонины Коптяевой работала поденицией. Вскоре она, в поисках заработка, вынуждена была оставить своих детей и уйти на вновь открывшиеся дальние прииски. Антонина с младшей сестренкой стала жить под присмотром бабушки.

Зимой Антонина Коптяева училась в школе, а летом работала у китайцев-огородников. Жилось трудно. Ее маленького заработка едва хватало на самое скромное существование.

В 1926 году, не закончив семилетки, она бросила учебу и вслед за матерью, пешком, отправилась за семьсот пятьдесят километров на Алданские прииски. Здесь Коптяева поступила в контору «Союззолото» ученицей-машинисткой и одновременно работала жен-организатором. Продолжала писать стихи.

По приезде в Москву, в 1930 году, Коптяева прежде всего направилась в литературную консультацию и показала там свои произведения. Стихи ее оказались слабыми, и ей посоветовали писать прозой.

В 1932 году Антонина Коптяева уехала на Колыму, где работала секретарем приискового управления. Суровая красота северной природы, бурное строительство на этой недавно глухой окраине, движение к культуре национальностей севера — все это взволновало ее, и Коптяева решила испытать свои силы в прозе. В 1935 году она закончила небольшую повесть о Колыме, которая явилась как бы эскизом романа «Иван Иванович». Повесть была издана «Молодой гвардией».

Вслед за этой повестью в издательство «Главзолото» вышел сборник «Были Алдана», составленный Коптяевой из записанных ею рассказов алданских рабочих, шахтеров и старателей. Работа над этим сборником дала возможность Коптяевой широко ознакомиться с условиями жизни людей золотодобывающей промышленности, что и послужило толчком к созданию ею своего первого романа «Фарт».

Осенью 1939 года Коптяева сдала экзамены за десятилетку и поступила в Литературный институт им. Горького. Одновременно с учебой Антонина Дмитриевна начала писать новую книгу — роман «Товарищ Анна». Этот роман она посвятила советской семье и женщине, сильной благодаря труду и поддержке коллектива.

В начале Великой Отечественной войны Коптяева уехала из Москвы на Урал. Там она закончила роман «Товарищ Анна» и начала задуманную ею трилогию о советском ученом нейрохирурге. Антонина Дмитриевна поставила перед собой задачу создать образ советского ученого, тесно связанного со своим народом, стремящегося вперед в своей работе и никогда не успокаивающегося на достигнутом. Материалом для первой части этой трилогии — романа «Иван Иванович» — послужили наблюдения в тыловом военном госпитале, где работали нейрохирурги; позднее — в Москве, в нейрохирургическом институте имени Бурденко.

В 1947 году Антонина Коптяева закончила Литературный институт и полностью переключилась на работу над романом «Иван Иванович». В 1949 году этот роман был напечатан в журнале «Октябрь» и удостоен Сталинской премии.

Сейчас Антонина Дмитриевна Коптяева работает над второй книгой романа — о деятельности коллектива советских врачей во время Великой Отечественной войны, главным героем которой, так же как и настоящей книги, будет Иван Иванович.

Роман-газета

11(59)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1950

Постановлением Совета Министров
Союза ССР от 8 марта 1950 года
Коптевой Антонине Дмитриевне
присуждена Сталинская премия
Третьей степени за роман
«Иван Иванович»

Антонина Коптева

ИВАН ИВАНОВИЧ

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Побережье, отдаляясь, развертывалось над водным простором сплошной зубчатой громадой.

«Вот когда его видно по-настоящему. На прощанье явилось перед нами в полной красе!» — подумала Ольга и помахала перчаткой, хотя здания портового города уже замкнулись в излучине бухты.

Еще немного — и осели крутые мысы, окаймленные белизной прибоя; сопки, покрытые тучно зеленевшей тайгой, тоже начали оседать. Казалось, земля медленно погружалась в желтоватые волны океана...

Теперь Ольга смотрела вперед, и свежий ветер, дышавший солеными испарениями, холодил ее щеки. Дней семь придется ей плыть на этом огромном пароходе...

«Как-то устоите вы против морской болезни? — сказала она себе с усмешкой. — Раньше вы имели закалку настоящего спортсмена, но с тех пор прошло около восьми лет. Может быть, не зря оплакивали вас отец и сестры, провожая сюда, точно на край света!»

Ольга любила поездки. Новые места, новые люди странно волновали ее, но сейчас богатство впечатлений превзошло все ее ожидания,

Теперь она находилась там, где рождается утро... Она представила движение зорь, несущих солнце над страной, как эстафету в течение трети суток, и посмотрела на свои ручные часики. Пять утра, на западной же границе дело идет к ночи. За этой границей снова началась война. В мае гитлеровские войска, заняв Данию, вошли в Голландию, а южнее вступили через Люксембург в Бельгию. Там происходили неслыханные воздушные бои... Яркая жизнь полудеревенской Фландрии, знакомой Ольге по картинам знаменитых художников, не вязалась в ее воображении с кружением самолетов, с дымом и грохотом боев. Ей рисовалась мрачная индустриальная Бельгия Верхарна...

— Война! — сказала Ольга вслух, с задумчивостью глядя в даль.

Вот растянутая цепочка берега совсем затонула в море, и оно, освобожденное, еще выше стало вздыматься широкими волнами. Скорее бы, скорее переплыть его!

К полуночи ветер усилился. Когда Ольга поднялась на верхнюю палубу, то с трудом преодолела расстояние от трапа до кают-компании. У дверей она столкнулась с инженером Тавровым. Она встречалась с ним раньше, в агент-

стое треста в Приморске, а потом во время посадки на пароход, и кинула ему дружески просто.

— Мы все еще не знакомы как следует, — сказал он и снял кепи, открыв темнорусые волосы.

— Отчего же? Мы именно как следует знакомы, — возразила Ольга, хотела пройти, однако замедлила, но медлить на пороге двери, в которую буйно ломился ветер, было невозможно. — Аржанова... Ольга Павловна, — промолвила она и протянула руку.

Они сели за столик у самого окна. За окном двигались высокие волны. Отсюда Ольга могла наблюдать, как они поднимают и опускают носовую часть парохода. Но это зрелище не обещало ничего хорошего: Ольга все еще не привыкла к качке, поэтому встала и пересела спиной к окну.

— Так будет лучше, — сказала она и, сняв легкое пальто, положила его на соседнее кресло.

— Сколько солнца вы привезли с собой! — невольно произнес Тавров, взглянув на ее смуглые руки, открытые по локоть.

— Это не загар, — ответила Ольга, поправляя браслетку часов. — Мой дедушка был черен, как грач, а бабка голубоглазая и такая светлокосая, что нельзя было заметить, поседела ли она в старости. Они оставили целое племя смуглых, черноволосых, но голубоглазых людей. Я одна нарушила наследственность, только цвет кожи сохранился.

— Чем же занимаются люди вашего племени? — поплутшуя спросил Тавров.

— По способности. Есть музыканты, учителя, инженеры. Отец мой — профессор-химик, совершенно погруженный в свою работу. На лекциях он бесподобен: даже я, человек, к химии равнодушный, любовалась им, когда бывала в аудитории. Дома он добрый очень, рассеянный... даже трогательный. Он рано овдовел, но остался верен памяти нашей матери. — Ласковая улыбка женщины, вызванная воспоминанием об отце, при этих словах сменилась грустью.

— А вы? Чем вы занимаетесь? — тихонько промолвил Тавров.

— Я? — Ольга нахмурилась, но, взглянув на Таврова, лицо которого выражало искренний интерес, сказала: — Я пока ничем не занимаюсь. То есть я очень хотела бы заниматься, да у меня неудачно все получалось. — Ей стало досадно за себя и человека: ни с того ни с сего пустилась в откровенности. Она прикусила губу, однако потребность досказать, оправдаться, а может быть, и посоветоваться подтолкнула ее. — Я пробовала многое, — нерешительно заговорила она. — Училась в машиностроительном институте и не дочутилась... была на курсах бухгалтеров, потом, по совету мужа, поступила в медицинский, но вскоре ушла: меня отталкивали занятия в анатомичке. Последние годы я занималась на курсах иностранных языков, а закончить тоже не удалось.

Она умолкла. Рассеянный взгляд ее теперь уже равнодушно следил за тем, как отходили от стен тяжелые шторы и как они снова опускались, даже западая между косяками.

— Может быть, вы просто не нашли себя... то, что вам нужно? — мягко сказал Тавров. — Поэтому и получается у вас хождение по мукам. Два института! Да еще курсы — и все зря...

— Зря, — повторила Ольга почти безнадежно. — Мне уже стыдно становится, когда меня спрашивают, чем я занимаюсь!

В это время стаканы и тарелки разом двинулись и, скрежетая у кромки стола, чуть не съехали ей на колени. Придерживая посуду руками, Ольга быстро взглянула на подбежавшего официанта, потом на Таврова.

— Неужели начинается шторм? Пойдемте, Борис Андреевич, посмотрим, я еще ни разу не видела морской бури.

— Вы, оказывается, любительница сильных ощущений! — шутливо заметил он.

— Нет, я трусиха и порядочная. Но интересно же!

Ветер едва не свалил их, когда они вышли на палубу. Волны словно горы ходили вокруг, перекатываясь, обрушивали белые гребни в глубокие водяные воронки. Ветер срывал с них тучи брызг, гнал их, толкал, и волны, обретая огромную силу в движении, бежали, и падали, и снова поднимались, чтобы рвануться вперед. Все видимое пространство моря, поседевшее от пены, бесновалось, вздымая к мутносерому небу кипевшие массы воды.

— Вот расходилось! — сказал Тавров над самым ухом Ольги. — Наверное, где-то прошел тайфун, он и раскачал море!..

— А где... который девятый вал? — крикнула в ответ Ольга и, вы свободив локоть от руки Таврова, вцепилась в перила борта.

— Тот, который ударит крепче, — отвечал Тавров, не обижаясь на движение спутницы, довольно резко отстранившейся от него. — Вот этот, наверно! — промолвил он, отворачивая лицо от брызг волн, хлестнувшей в борт парохода. — Нет, вот этот! — вскричал он, стряхивая с одежды капли воды. — Пойдемте, а то промокнете!

— Ничего! Сейчас тепло. Осенью, наверно, страшнее: можно превратиться в сосульку. Теперь я начинаю представлять, что такое труд рыбаков. Однажды я видела в низовьях Волги, как уходили на зимний промысел в открытое море рыбакские суда. Да какие там суда — суденышки! — Ольга отбросила с лица прядь сырых волос и продолжала с задумчивой энергией: — Был жаркий осенний голубой день. Песчаные дюны светились под солнцем. Весь поселок высыпал на берег — провожать ловцов. И чувствовалась тогда в толпе глубокая озабоченность. Теперь я понимаю... Вот — волны... бешеная слепая сила, и человек, спорящий с нею.

— Да, это трудная работа! — ответил Тавров. — Море любит крепких людей.

Повидимому, было утро. Серый свет просачивался сверху в приоткрытый люк трюма, сбегал дорожкой по ступеням большой лестницы, края которой топули в сумраке, рассеиваясь над грубо, но прочно сколоченными двухъярусными нарами. Пароход качало попрежнему.

Ольга приподнялась на постели, осмотрелась. Никто не торопился вставать, ей тоже некуда было спешить, и она снова опустила голову на подушку. Почти все население трюма лежало впоздалку уже трое суток, а Ольга заставила

себя собраться с силами, и ей польстила похвала Таврова, когда он подивился вчера ее стойкости. Он помещался в другом трюме, по обедать, как и Ольга, ходил в кают-компанию, не очень-то приспособленную для столовой на грузовом пароходе. Тавров, поспешив с поездкой, тоже не стал ожидать пассажирского рейса.

«Симпатичный человек», — отметила Ольга, мельком представив его открытое лицо, затем ее мысли сосредоточились на скором свидании с мужем. Два года работает он хирургом в районе Чажминских присков. А она в это время жила с маленькой дочерью у своих родных в Москве, учась на курсах. Прошлым летом он, получив отпуск, приезжал к ним; обещал нынче вернуться совсем, но обстоятельства сложились иначе.

«Как-то он пережил наше горе? — подумала Ольга. — Нехорошо все-таки мы поступили, расставшись на долгое время. И надо было и нам сюда...» Воспоминание о навсегда исчезнувшем родном существе, о детских ручонках, не отогретых ее материнским дыханием, снова так стиснуло сердце, что у Ольги помутнело в глазах. «Мы не станем больше разлучаться! — решила она, отирая слезы. — Раз у меня ничего не получилось в жизни, я постараюсь посвятить ее на то, чтобы легче работалось моему Ивану Ивановичу».

В трюме между тем началось утреннее движение: кашель, приглушенные разговоры, шорох одежды. А пароход качало... То и дело содрогался он всем корпусом, когда на него обрушивалась очередная волна. Приняв упругий удар, он словно вздохнул, начинал медленно подниматься, а поднявшись, сразу валился вниз, и снова слышался тяжкий гул падающей на него воды.

«А вдруг не доедем!» — подумала Ольга, прислушиваясь к стенам соседок по нарам.

От такой мысли ей стало зябко, тоскливо. Она поднялась, быстро оделась и через несколько минут уже карабкалась по лестнице, то и дело ускользающей из-под ног. Наверх! На палубу!

Море, взлохмаченное белыми космами, буйствовало, как и вчера.

— Да... вот она, «свободная стихия!» — произнесла Ольга и, ухватившись за натянутый канат, уже со страхом посмотрела на волны, на рваные облака, быстро мчавшиеся, казалось, над самыми трубами парохода.

Вид мокрых лошадей, стоявших рядами в открытых стойлах, и мокрых брезентов на грузах, привязанных канатами, тоже не порадовал ее: волны то и дело захлестывали через борт. Но моряки вели себя спокойно; один из них, проходя мимо, даже насвистывал. Значит, им, бывальным, такая буря не представлялась опасной. Это немножко ободрило Ольгу, и она начала пробираться к верхней палубе.

Ветер бил ее в лицо, она задыхалась, но, скав губы, упрямо продвигалась вперед. Она — молодая, сильная женщина, и ветер может беспокоиться вокруг нее сколько угодно.

— Держитесь, а то вас сбросит в море! Постойте, я помогу вам! — крикнул ей сверху знакомый голос, когда она уже взялась за поручни лестницы.

Ольга подняла голову и увидела Таврова.

— Ничего, я сама. Не может быть, чтобы меня унесло, как пушинку.

— Вы не играете в шахматы? — неожиданно спросил ее Тавров после завтрака.

— Что за игра может быть в такую качку? — промолвила Ольга, глядя, как болталась вода в графине, укрепленном в специальном гнездышке.

— А здесь есть морские шахматы, приспособленные: они вставляются в доску.

Первую партию Тавров играл рассеянно и проиграл. Это заставило его играть по-настоящему, но и сосредоточенность не помогла ему. Уже пропгрывая, он спросил удивленный:

— Кто это научил вас так сражаться?

— Мой муж, — ответила Ольга. — Он говорил, что вдуматься в ход болезни, разгадать ее и верно решить задачу хирурга, в серьезном случае конечно, не менее сложно, чем выиграть партию у хорошего шахматиста. Меня это заинтересовало. Я не имею никакой склонности к хирургии и медицине вообще: боюсь крови, но, чтобы представить, как решать трудные задачи, выучилась играть в шахматы.

3

— Значит, ваш муж — хирург? — задумчиво произнес Тавров, когда они через два дня снова сидели на палубе. — Мне помнится, я слышал о нем... Хирург Аржанов... Да, да, помню! Хирургия — это наиболее действенная область медицины. Тому, кто пришел туда по призванию, многое доступно.

— А вы считаете, что для каждого труда нужно иметь призвание? — спросила Ольга.

Тавров даже засмеялся:

— А как же? Вы почему ушли из машиностроительного института? Скучно показалось? Предмет сухой? Скажите-ка это инженеру-машиностроителю! Да еще влюбленному в свое дело... Выучиться, конечно, всему можно, но если кажется неинтересно, то лучше не надо. Можно обмануть кого угодно, даже самого себя, а работу не обманешь: ведь это выбор не на час, не на день, а на всю жизнь. Так же, как любовь! — со страстной убежденностью неожиданно досказал Тавров. — Нет, даже значительнее любви. Мало было сильных людей, которые жертвовали собою ради любви, а ради избранного труда сгорали лучшие человеческие жизни. Ну зачем вас потащило на машиностроительный? — дружески-бесцеремонно спросил он.

Ольга искоса посмотрела на него, хотела обидеться, но раздумала:

— Надо же было определиться куда-нибудь... Окончила девятилетку и пошла в институт.

— И даже не представили, что такое машиностроение? И на заводе не побывали? И с народом, выпускающим машины, не поговорили?

Ольга покачала головой.

— Ну вот! А говорите: скучно? Конечно, скучно... заниматься высшей математикой, вычислениями, формулами да уравнениями и не видеть за ними машины, которая, как радость, как хорошая новая песня, входит в жизнь народа. Вы строите машину в нашей стране, иначе говоря, вы строите социализм, а не просто «определяетесь куда-нибудь».

— Вы злой, оказывается! — тихо сказала Ольга.

— Почему же «злой». Я ведь не к выражению придираюсь. Ну, хорошо, один раз по молодости можно ошибиться... Не продумали, не взвесили. А зачем вам бухгалтерские курсы понадобились? Чем они интереснее? Так ведь можно десять учебных заведений окончить, а толку? — Тавров взглянул в расстроенное лицо Ольги и продолжал с подкупающей сердечностью: — Я мог бы, конечно, польстить вам: вот, мол, какая вы незаурядная женщина, какие у вас запросы широкие, поэтому, дескать, не удовлетворяет вас казенный метод преподавания. Шутка ли — смениТЬ два института! И, батюшки мои, сколько тут можно было бы накрутить — голова вскружилась бы! А я вижу, что вы человек сильный и острый. Взять хотя бы то, как в шахматы играете. А раз вы сильный человек, с вами и говорить можно открыто.

— Ну, если говорить открыто, то я из машиностроительного ушла по семейным обстоятельствам, — неожиданно сказала Ольга. — А насчет сухости предмета... — она помолчала, наступясь, — насчет того, что скучно, это я потом уже придумала. Может быть, для собственного утешения, — добавила она с невольным вызовом. — А сами вы довольны вашей работой?

— Очень. Не собой, конечно, доволен, а специальностью: я обогатитель, металлург. Окончил Московский институт цветных металлов. Знаете, у Калужской площади?.. — На минуту Тавров задумался, вспоминая. — Я очень люблю Москву и свой институт до сих пор люблю. И считаю, что не детство, а студенческие годы — лучшее время в жизни человека, которому посчастливилось учиться. Работу свою я ни на какую другую не поменяю, хотя, может быть, у меня нет к ней того призыва, какое бывает у людей талантливых. Я ведь говорил вам, что еду на Чайму второй раз. Работал на Холоднинке. Потом меня отозвали в главк, пробыл там около года, а теперь отпросился обратно на производство.

— А говорите «люблю Москву!» — все еще хмурясь, сказала Ольга.

— Я ее и отсюда любить буду, — возразил Тавров. — Работа моя настоящая там, где золото, значит Урал, Сибирь. Но Север имеет еще свою особенность: его не забудешь, он зовет к себе.

— Может быть, она зовет? — неосторожно попытила Ольга.

Тавров всхихнул, но сказал серьезно:

— У меня там никого нет.

Они разговаривали, сидя на бревнах, крепко привязанных к палубе. Выше и ниже их, словно в деревне в теплый вечер у окопицы, сидели на солнышке люди. Погода установилась, и народ сразу ободрился, повеселел. От чего делать играли в подкидного, в шестьдесят шесть, тут же пристроился хор — первая проба голосов, — кто-то за стойлами иликал свое на гармошке. Лошади, пегие, булавные, вороные, стоявшие в ряд у кормушек, тоже напоминали о деревне. А за кормой блистала на просторе присмерившая морская волна. Белые чайки мелькали вдали, и паруса белели, как чайки: где-то рядом проплывали неведомые острова.

— А вы... туда, на Чайму, охотно едете? — после небольшого молчания спросил Тавров.

— Да, конечно! — просияв, ответила она. — Но меня зовет туда не Север, а близкий человек. Если Север таков,

как вы говорите, то мне он покажется еще прекраснее. — И Ольга с улыбкой взмотрелась в подвижную линию горизонта. Небо ли поднималось и спускалось там, море ли; они точно дышали, и в ритм этому дыханию плавно и медленно раскачивался пароход.

— Мне чаще приходилось бывать на юге, — заговорила снова Ольга. — Меня с детства баловали, я росла самой младшей в семье, поэтому во время летних каникул сестры создавали мне все возможности для отдыха. Родственников у нас много, народ обеспеченный, и я нигде никому не мешала. — Ольга рассмеялась приглушенным, но приятным смехом. — Хорошо еще, что я не стала неженкой, но условия вырасти Обломовым у меня имелись.

«Вы им и выросли», — чуть не сказал Тавров, глядя на нее и представляя себе, как ее баловали. «Может быть, поэтому и не привыкла доводить начатое до конца», — подумал он.

Ольга была красива, но ему казалось, что не это привлекало его. Он чувствовал себя так, точно они дружили уже давно. Она умела быть насмешливой без злости. Ему нравилось сидеть рядом с нею среди людей, нравилась ее своеобразная манера определять характер человека, поразившего чем-нибудь ее воображение.

— Вот старый бухгалтер, едет из отпуска. Наверно, скупой и ворчун страшный! — говорила она, наблюдая за аккуратными движениями приземистого лысого человека в ярко начищенных сапожках, в попошенном, но чистеньком костюме с пестрым галстуком над вырезом жилетки, восседавшего в группе, где играли в преферанс.

— А может быть, снабженец, — возражал Тавров.

— Нет, те благодущнее, и цвет лица у них свежее.

— Как же вы не побоялись испортить себе в будущем цвет лица, поступая на бухгалтерские курсы? — с добродушной язвительностью напомнил Тавров.

— Как вы думаете, кто он? — спрашивала Ольга, с интересом наблюдая за уверенными движениями бронзовозагорелого парня. — Смотрите, сколько в нем сдержанной силы, и глаза светлые слегка прищуренные, окруженные разными морщинками, глаза человека, привыкшего к открытым просторам.

— Возможно, геолог, — подсказывал Тавров.

— Нет, геолог, наверно, не глядел бы так на море. Мне он представляется рыбаком-мотористом. Вообразите, набегает волна, а этот взгляд зорко устремлен навстречу...

— Похоже, — соглашался Тавров, словно уже видел молодого спутника, похожего и на спортсмена, ведущим рыбакский сейнер.

— А тот в плаще похож на бывшего священника, — говорила Ольга. — Смотрите, какое у него елейное выражение, а глаза так и сверлят, словно буравчики.

— Изволили ошибиться. Это преподаватель литературы. Я с ним вместе садился на пароход и здесь, на пару — соседи.

— Ну, значит, он преподаватель-фарисей. Зло в нем клипит, а наверно, со всем умилением толкует о нравственности и морали.

Тавров смеялся:

— Верно, пожалуй! Я с ним уже схватывался: пре-возносит классиков, а нашу советскую литературу потихонечку охивает. Этот за длинным рублем потянулся на Север.

— Вы чувствуете похолодание в воздухе? — медленно заговорила Ольга. — А ведь день солнечный... Мне кажется, климат уже переменился и цвет моря стал другой.

Она встала и, обходя людей, расположившихся на палубе, подошла к борту. Тавров последовал за ней. Схватившись за поручни, они посмотрели вниз...

Две акулы обогнали пароход, выставив из воды угловатые плавники. Вытянутые тела их промелькнули, как торпеды.

— Этим рыбкам нужны бесконечные убийства, — сказал Тавров. — Некоторые виды акул рожают живых мальков, и новорожденные немедленно начинают хищничать.

— А вы слушали сегодняшнюю радиопередачу? — спросила Ольга. — Англичане окружили немецкие войска в Нарвике и обстреливают их с военных судов. Гитлеровцы сопротивляются упорно. Без стеснения ведут драку на чужом дворе! Хозяева, норвежцы, наверно порадовались бы, если бы их враги, а заодно и защитники потопили друг друга.

— И те и другие заинтересованы в вывозе железной руды из Норвегии, — сказал Тавров. — Каждый из них заботится о собственной выгоде, только о себе, свою рубашку ближе к телу. Какая уж тут защита!

— Заботится только о себе... — повторила Ольга. — Это очень основательно делал всю жизнь норвежец Пер Гюнт... Но думал только о себе, он никогда не был самим собой. Вы читали, есть такая пьеса-сказка у Ибсена?..

— А вы чем больше интересуетесь: литературой или политикой? — неожиданно спросил Тавров.

Ольга быстро обернулась, посмотрела на него зорко: не смеется ли он? Впервые он заметил на ее лице неровно простиравшийся румянец.

— Кто у нас не интересуется политикой? — промолвила она уклончиво. — Даже дети. Каждый видит связь своего маленького «я» с жизнью общества. А общество не живет без политики.

— Ясно, — сказал Тавров улыбаясь. — А как насчет литературы?

— Мы поссоримся! — уже по-настоящему вспыхнув, заявила Ольга и сделала шаг в сторону, по-мальчишески сунув руки в карманы пальто.

— Нет, не будем ссориться! — ответил он с живостью. — Я же ничего дурного не сказал. Мне просто хочется узнать ваши наклонности.

Ольга сердито усмехнулась.

— К литературе, кроме читательского интереса, никаких. Даже стихов никогда не писала. Вот вам! Таланта ни к чему нет: ни к музыке, ни к живописи... И почему вы все разговоры сводите на мои способности?!

— Да мне просто по-человечески обидно за ваши зря потраченные годы, за то, что вы уже опустили руки. Конечно, мало иметь право на образование и работу, надо осуществить это право! А вы выходите замуж и бросаете учебу! Простите меня за резкость, но я знал многих студенток, которые тоже имели семьи, но продолжали учиться.

— Ну, теперь уже столько лет прошло... — заговорила Ольга, беспомощно усмехаясь.

— Совсем сдала! — перебил Тавров с такой искренней досадой, словно Ольга была его младшей сестрой. — Вот так у вас, женщин, и побеждают иногда пережитки

прошлого! Тяга к своему маленькому хозяйству, как у крестьянина-единоличника, готовность подчиниться другому человеку. Недаром подобное воспитывалось тысячелетиями. — Тавров взглянул в лицо расстроенной Ольги и, смущаясь за свою горячность, но не умея дипломатично отступать, закончил тем же: — Вы знаете, ведь только нынче, в тысячу девятьсот сороковом году, у нас в Узбекистане проведен закон о снятии паранджи.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Если бы женщины Узбекистана не потянулись к труду, закон о парандже еще долго не вошел бы в силу.

4

Полдня Ольга сердилась и избегала встреч с Тавровым, но утром первая подошла здороваться.

— Я рассудила, что неприятная откровенность полезнее, чем приятная лесть, — сказала она.

Тавров не успел ответить: оба оглянулись на крик... Над палубой, заваленной бревнами и штабелями бревен, разгороженной вдоль на открытые стойла для лошадей, там, где до сих пор плавно раскачивалась, то поднимаясь, то опускаясь, синяя линия горизонта, забелело снежное поле, покрытое какими-то черными точками.

— Лед! — промолвила Ольга дрогнувшим голосом. — Лед, а на льду тюлени. Этого еще недоставало!

Вскоре раздался первый глухой удар о носовую часть парохода: льдины сдвигались, как будто нарочно заходили с разных сторон, трещали и ломались, натолкнувшись на неожиданное препятствие.

— Они тоже идут куда-то по собственному курсу, — промолвила Ольга, растерянно осматриваясь, — а для нас снова задержка!

— И порядочная, — ответил Тавров. — Такое уж оно, наше море! Почти вся северная часть его покрывается зимой тяжелыми льдами. Теперь этот лед оторвался и пошел кружить по течениям. Он уже пообтаял в пути, стал рыхлее и тоньше, не то плохое было бы наше дело! Да и сейчас наделает он нам хлопот: итти напролом — невозможно, а обходить... Мы и так уже задержались.

Получив небольшую пробоину, пароход в самом деле изменил курс к северо-востоку, но льды выплывали на встречу ему отовсюду, иногда сдвигаясь в сплошные поля. От их ослепительной белизны дни под низким голубым небом стали еще ярче, ночи совершенно посветели, а все вместе ощущалось Ольгой как вступление во вновь открываемую страну. Она смотрела на неповоротливых тюленей, стремительно проворных лишь в полосе чистой воды, и представляла, как волновался бы Иван Иванович: она не знала, что такая крупная добыча не так уж заманчива для настоящего охотника-любителя. Думая о муже, Ольга совершенно преобразилась. Она везла ему столько разных новов и все чаще, сидя на нарах, перебирала эти хорошие вещи, мысленно примеряла их на него и разговаривала с ним.

А Тавров заскучал... Когда он, не видя Ольги, одиноко слонялся по пароходу, то просто не знал, куда деться. Вначале ему показалось, что его томило вынужденное безделье. Он достал из чемодана книги, но ни нашумевший

роман, ни новейшие работы специалистов по обогащению руд не захватили его.

Однажды Тавров проснулся поздно и услышал со стороны палубы странный шум. Он быстро оделся и поднялся наверх по лестнице трюма. На палубе пилили дрова...

«Значит, нехватило топлива, — решил он. — Понятно: мы же почти на пять дней выбились из графика».

Неожиданно среди работавших пассажиров он увидел Ольгу. Подвернув рукава свитера, повязав голову косынкой, она пилила вместе с тем парнем, профессию которого пыталась раньше определить, и оба были явно довольны друг другом. Пилу Ольга держала не совсем умело, но цепко, в каждом ее движении сказывались сила и жизнерадостность.

— А что же вы лодырничаете? — крикнула она Таврову.

Она стояла, опустив пилу, и, придерживая ее в ожидании, пока подкатывали следующее бревно, вытирала тонким платочком разрумянившееся лицо.

По морю густо плыли белые льдины, на которых все так же лежали тюлени. Они лежали неподвижно, раскинув черные ласты...

— Точно пристыли на месте, — сказала Ольга, глянув в ту сторону. — Мне начинает казаться, что это одни и те же кружат около нас. Откуда столько зверей?! Наверно, они слушают, как на пароходе пилият лес...

— Обязательно слушают! — ответил Тавров улыбаясь.

— Почему вы не помогаете, а ходите, словно иностранный турист, и ухмыляетесь? — недовольно спросила она, хотя все ее существование выражало оживление, вызванное освоением простого, но нового дела.

— Глядя на вас, радуюсь, — сказал Тавров.

— А-а! — протянула Ольга не без ехидства. — Нашла, мол, свое призвание...

— Вот злючка, так уж злючка! — произнес он, вдруг оробев почему-то.

Ольга засмеялась:

— Станешь злючкой, проболтавшись столько дней в пути! Разве можно этак тащиться, когда хочется лететь на крыльях? Вот снялась бы и улетела! Еще вредительством приходится заниматься!.. Какой дом сложили бы из этого леса на побережье, а мы сожжем его сейчас. Естественно, мой напарник оказался не рыбаком, не геологом, а рабочим-старателем. — Ольга подняла пилу и уже озабоченно спросила, посмотрев на очередное бревно. — А если нехватит и этих дров?..

— Тогда будем ожидать буксир из ближнего порта.

5

В серенький день в туманной дали показались громадные белые столбы, возникшие над морем, подобно вихрям смерча. Но они не двигались с места. И сразу, разряжая общее напряжение, пронеслось:

— Земля!

«Смерч» оказался снегом, лежавшим в крутых ущельях береговых гор, сурово неприступных и каменистых. Только теперь, вблизи берегов, стало заметно, как тихо двигался пароход.

— Ничего, Глубокое уже близко, — сказал Тавров, заметив нетерпеливое беспокойство Ольги. — Скоро дотя-

нем до бухты, а там остановимся на рейде. По радио сообщили, что в бухте еще держится лед, поэтому подсобные катера не могут выйти.

— Почему же не сообщили раньше?

— Надеялись, что бухта вскроется, а наступило похолодание... Пойдемте сыграем в последний раз в шахматы. Вечером уже будем на месте...

— Да, скоро будем на месте, — облегченно вздохнув, повторила Ольга, поднимаясь за Тавровым по гулкому трапу.

В каютах было тихо, — народ толпился на палубе, глядя на новые берега, — и голос диктора особенно громко прозвучал из репродуктора, молчавшего четыре дня из-за неисправности радиостанции. Передавали международный обзор.

— «Девятая французская армия разбита на линии укреплений Мажино...»

— Ловко сыграно! — пробормотал Тавров, забыв про шахматы.

— «Напболее спланный удар нанесен в направлении Амьена, — продолжал голос диктора. — Город Кале окружён... Капитуляция полумиллионной бельгийской армии открывает германским дивизиям путь на Дюнкерк...»

— Что там творится сейчас! — произнесла Ольга, в раздумье глядя на черный диск репродуктора. — Почему Франция терпит поражение за поражением, имея пять миллионов солдат? Провоеваться в какие-то считанные дни! Пусть немцы сильнее техникой и рвутся к победе, но это не может так быстро решить все. Наверно, французские болтуны продали свой народ!

— Похоже на то. Слышиште: «Главнокомандующий Вейган не начинает мощной контратаки...» А силенки у него есть. — Тавров помолчал, прислушиваясь к голосу диктора, потом, неожиданно улыбаясь, спросил: — Какую литературную ассоциацию вызывают у вас эти события?

Пароход дотащился до бухты Глубокой поздно ночью. Он походил теперь на большое животное, и его голос-гудок глухо прозвучал среди гористых берегов. Пассажиры, утомленные ожиданием, спали. Многие не слышали гудка, не услышала его и Ольга. Ей снился муж. Он шел к ней; переступая по плывущим льдинам, раскачивался на каждой из них, и фонтаны хрустально чистой воды взметывались за nim.

— Ох, как я устал! — сказал он, подойдя к Ольге, обнимая ее.

Барие глаза его смотрели радостно, попрежнему топорщились ежиком темные волосы. Да, это был он, ее муж! Сердце Ольги словно подпрыгнуло от счастливого волнения, и она сразу проснулась.

Пароход стоял неподвижно.

«Неужели мы все еще в море?!»

Она привела в порядок костюм и прическу, выбралась на палубу и чуть не вскрикнула: в глубине бухты, за голубоватым полем льда сияла на берегу россыпь огней. Странно светились они под белесым небом, лишенным блеска звезд. Настоящий город раскинулся там, вдали... Скорее бы попасть туда, пройти по улицам, войти в дом и закрыть за собой дверь, зная: этот дом стоит на твердой земле.

— Приехали! — радостно сказала Ольга, глядя на круто обрывистые почти черные горы, мрачно вздыбив-

шился в воротах бухты. Голый камень. Лишь кое-где деревья, изуродованные штормовыми ветрами. А надо всем опрокинулась белая северная ночь, встревоженная людскими шагами.

«Вот оно какое, Глубокое!» — Ольга подумала о том, что к мужу придется ехать еще куда-то в тайгу, но теперь все казалось ей легко осуществимым.

— Если пароход не пробьется, мы уйдем пешком по льду, — сказала она вслух, затем подошла к борту и посмотрела вниз.

Лед был продырявлен круглыми отдушниками, из которых то и дело высывались темные головы нерп: местами они торчали густо, как пни.

— Пешком итти не понадобится: скоро подойдет ледокол, — прозвучал совсем близко голос Таврова.

— Ах, как вы меня напугали! — сказала Ольга, невольно вздрогнув. — Можно ли так подкрадываться!

— Я не подкрадывался, — ответил Тавров. — Вот и доехали! — добавил он задумчиво.

6

Ольга успела только узнать, когда в тайгу пойдут машины да принять ванну, как ее вызвали к телефону. Звонил Тавров.

— Я думал, что вы уже уехали, — говорил он. — Ведь теперь на побережье, точно в Москве: все делается быстро. Поедемте к морю! Опротивело? Но ведь тут, в Глубоком, оно другое: вид с суши. Посмотрим поселок порта...

Здесь, на далекой окраине, в городе, возле которого еще плавали стада тюленей, оказалась не только гостиница со всякими удобствами, но и автобусное сообщение.

Город Укамчан, расположенный за перевалом, отделявшим его от порта, поражал богатством каменных построек. Шестипартерные дома, асфальт, по-столичному оживленные улицы. Правда, город был хороший! Сколько же таких городов, радующих сердце проезжего человека корпусами заводов, театрами и садами, построено в стране за последние годы! А тут еще горы — сплошной камень, лиственницы, похожие на шпалеры со своими сбитыми макушками и ветвями, спущенными к земле, и снег, лежавший на северных склонах в конце мая, — все это привлекало внимание Ольги. Она опоздала к назначенному часу: Тавров давно ожидал ее.

Солнце светило ярко, но грело слабо. После влажной теплоты Приморска здесь казалось даже холодно, хотя какие-то пичуги весело копошились на оголенных деревьях.

— Вы знаете... — заговорила Ольга, усаживаясь в автобусе у самого окна. — Эти лиственницы³ напоминают... Еще в детстве мне представлялось... не то сон, не то сказка... Такой дом из легкого коричневого дерева. Двери вдвигаются в стены, точно в вагонах. А вокруг деревья: голые ветви в сером небе, как черные молнии. И не знаю... Может быть, я уже потом придумала, но жили там удивительно стройные люди, смуглые до желтизны. И мне всегда казалось, что они существуют на самом деле! Может быть, это здесь где-нибудь?..

— Выдумщица вы, Ольга Павловна! — сказал Тавров, тронутый и странно настороженный серьезностью тона ее фантазии.

Автобус, плавно встряхиваясь, мчался по асфальту шоссе, мелькали по сторонам коттеджи, большие каменные дома, дорожки и деревья парка. Потом с вершины невысокого перевала открылась бухта.

— Она похожа на светлую долину среди этих мрачных гор, — заметила Ольга.

За полем льда, разрезанным пароходами (еще один успел подойти, и теперь оба как черные башни стояли у сирых причалов порта), за полем льда, отодвинутого, но не разломанного движением приливов и отливов, сверкала свободная вода. Там, далеко, искрилась, двигалась, переливалась живым блеском морская волна. Красивым, но чуждым и холодным показался Ольге отсюда этот сплошной простор.

Отлив...

— Смотрите! Море, точно улитка, втянуло под лед прибрежную воду! — сказала Ольга.

У нее опять глаза разбежались, и она чуть не забыла про своего спутника. Широкогрудые кунгасы рыбаков остались на мели, а рыбаки ушли на высоко поднятый лед.

— Пойдемте к ним, прилив, наверно, не скоро начнется, — предложила Ольга и первая свернула с дороги вниз и пошла, легко ступая сапожками по сыпучему песку мимо обломанных ив, мимо опрокинутых лодок.

— Вам нехватает только хлыста! — сказал Тавров, нагоняя ее.

— Зачем же? — спросила она рассеянно. — Разве я укротительницу напоминаю?..

— Да, пожалуй... — ответил он, и оба рассмеялись.

Порт, как и город Укамчан, поражал величиной и юностью. Во времена строительства набережной для причалов в нем был произведен необыкновенный взрыв. Тогда ходили слухи, передаваемые эвенами со слов своих дедов и прадедов, будто бухты не существовало раньше, а возникла она внезапно, и жители поселка, закидывая стекла полосками бумаги пакрест, побаивались, что вместе со взорванной горой ухнут и они куда-нибудь в тартарары, и над ними зашумит море. Но взрыв был проведен мастерски.

Так рассказывал Ольге Тавров, шагая за ней и размахивая руками, словно школьник, вырвавшийся на волю.

— Недавно жители бухты принесли домой бревно... — оживленно говорил он, — погнутое, обросшее мхом, но когда хотели распилить его на дрова, то оно оказалось костью. Понимаете, гигантская кость допотопного животного! Да вот... пожалуйста! — Из песка торчал позвонок, похожий на огромное обломанное колесо. Тавров наклонился, обеими руками поднял и перевернул его. — Вот так косточка!

— Да, это был кто-то большой! — сказала Ольга, шурясь от солнца, отраженного в каждой лужице воды, оставшейся между камнями, где шевелились причудливые растения, похожие на животных, и животные, похожие на растения. Ребятишки сновали кругом, разыскивая камбал, зарывшихся в песок в ожидании прилива, собирая раковины, крабов, мелкую рыбу.

Тавров шагал все дальше от берега к ледянему полю, и теперь уже Ольга шла за ним. Во влажном песке под их ногами шевелились домики раков-отшельников; круглые рты актиний открывались, пуская пузыри. Гладко отшли-

фованные камни уже просохли от ветра. Сытые чайки низко взлетали над взморьем, косо взмахивая белоснежными крыльями, тянули к свободной воде — поплавать, сполоснуть атласное перо.

Ольга ковыряла палкой песок, перевертывала уснувшую рыбку, отбрасывала водоросли. На душе у нее было ясно и спокойно.

— Здесь, на побережье, есть даже розовые чайки, попадаются иногда белые выдры, — говорил Тавров, но неожиданно обернулся и, краснея до слез, громко сказал: — Слушайте, Ольга Павловна!

— Да, — просто промолвила она, ее безмятежный взгляд, на минуту остановясь на нем, как будто лишил его и оживления и дара речи. — Я слушаю. В самом деле чайки кажутся розовыми, но это, может быть, от солнца.

— Возможно, от солнца, — повторил Тавров, прямо и робко смотря ей в лицо. — Но эти обыкновенные, а есть редкостные разновидности... действительно розовые...

По наклонно положенным доскам они поднялись на ледяное поле. У прорубей раскинуты мокрые недавно вынутые сети, в стороне блестели груды еще живой рыбы: головастые бычки, голубая навага, камбала, сплющенная так, что оба ее глаза очутились на одном боку.

— Говорят, она меняет цвет, смотря по обстановке, — сказала Ольга, перевертывая носком сапожка широкую и плоскую рыбину. — Я давно не видела живых камбал. Она совсем белая и гладкая со слепой стороны: Настоящая морская медаль! Сколько здесь еще таких же нескладных странных и мрачных рыб! Наверно, море плохо действует на своих обитателей... А что вы думаете? — Ольга, взглянула на Таврова. — Ведь из рода в род, в течение тысячелетий инет и давит их тяжелая масса воды. А до чего подвижны и стройны речные окуньи, головли и щуки!

— Ничего я не думаю, — со вздохом промолвил Тавров. — Но ваши слова меня почему-то тревожат...

— Опять что-нибудь о моих способностях?..

— Да, опять!

«Как хорошо смотреть на тебя, — вдруг ясно прозвучала в нем не произнесенная вслух мысль. — Как хорошо слушать тебя, милая выдумщица! И как хорошо и во-время ты одним взглядом остановила меня, когда я хотел посетовать на горечь разлуки».

У себя, в номере гостиницы, Ольга сняла сапожки и в одних чулках прошла по ковру: поставила в графин привнесенные ивовые ветки. Она открыла окно и, поеживаясь от прохлады, потянувшись в комнату, присела на подоконник. С высоты она увидела за домами речку и шоссе, уходившее на тот берег, в лесистые распадки, в тайгу. На берегах еще белели глыбы льда, вытолкнутые половодьем, а по ленте шоссе, вслед за проходившими машинами, дымилась сероватая пыль. На побережье только что кончилась зима, и черные лиственицы на горах набухали красноватой желтизной; золотели ивы и тополя. За окном отцевали уже ранние цветы и травы, буйно зеленели леса. А здесь? Как будто сюда, за тридевять земель, за этот мрачный развал камня ушла весна и затаилась в неодетом еще юношеском. Свежий ветер рвался с моря, торопя весну. Пьяный и терпкий, он дохнул и в лицо Ольги, падая от-

куда-то сверху, шевельнул ее искрившиеся на свету волосы. Она сидела, усталая, притихшая, и, мягко блестя глазами, улыбалась чуть-чуть своим мыслям о скорой встрече в тайге.

В это время в номер постучались. Ольга надела туфли и пошла открыть дверь.

В коридоре стоял коренастый, очень смуглый человек, с крупной головой и красивыми чертами лица. Рядом с ним — молодая женщина в дорожном костюме, в шляпке с плоско отогнутыми полями, похожей на детский капор.

— Вы жена доктора Аржанова? — спросил мужчина звучным баритоном и, не ожидая приглашения, шагнул в комнату, протягивая Ольге крепкую руку. — Я Платон Логунов, инженер Октябрьского управления, а это, — он обернулся к своей спутнице, — жена нашего главного бухгалтера, Пава Романовна Пряхина. Мы к вам по поручению Ивана Ивановича. Он сказал, правда, только то, что ждет вас и беспокоится очень, но мы уже сами решили проявить инициативу.

— Ах, я так рада, что мы нашли вас! — быстро заговорила Пава Романовна, тоже пожимая руку Ольги и оглядывая ее всю бойкими глазами, блестевшими, как две черные бусины.

Она сняла мех серебристой лисы, открыв белую шею, сняла шляпку и откинула назад капитановые кудри, точно торопилась продемонстрировать перед присевшей все свои прелести. Она и правда была хороша: румяное, с ямочками, толстощекое лицо и гибкие движения делали ее по-особенному привлекательной. Несколько портили общий вид начинаящий отвисать второй подбородок и слишком ярко накрашенные губы.

— Ах, я так рада! — повторяла она, играя глазами и пшурочками подвижных бровей. — Тут мало культурных женщины. Поговорить не с кем, клянусь честью! Скажите, вы танцуете? Ну конечно, это сразу видно. Ах, как у вас удачно сделаны волосы! Для лета так нарядно — светлые волосы.

— Они у меня всегда светлые, — сказала Ольга и быстро взглянула на Логунова.

Тот, задумчивый, сидел у стола и машинально опципал одну из веток, не вошедших в график. Повидимому, он не принадлежал к разряду дамских поклонников и был утомлен болтовней спутницы.

— Значит, Иван Иванович ждет меня?

— Ах, очень! Он, бедняжка, совсем извелся за последнее время. Все работа, работа, работа! Я столько раз приглашала его к нам немножко развлечься, но он нелюдим... Такой угрюмый, — вы простите меня, но для вас, молодой женщины, это, наверно, очень тяжело?

«Нельзя сказать, чтобы эта миленькая особа отличалась деликатностью! Или она глуповата, или избалована вниманием», — подумала Ольга.

— Не знаю, почему он показался вам нелюдимым, — возразила она с достоинством. — Он очень веселый, любит посмеяться, а без людей просто жить не может.

— Наверно, он стеснялся у нас, — сразу согласилась Пава Романовна.

— Да, Иван Иванович веселый человек, — подтвердил Логунов, обращаясь к одной Ольге. — И сердечный очень. Народ к нему валом валит. За тысячу верст из тайги присажают, — и Логунов улыбнулся не то своему воспоминанию о симпатичном ему докторе, не то выражению искрен-

ней признательности, которое появилось на лице Ольги. — Мы к вам с предложением, — сообщил он. — Завтра, чуть свет, едем обратно из двух легковых машинах. Хотите ехать за компанию? Гораздо быстрее доставим, чем автобусом.

— Ну конечно! — ответила Ольга. — Только не надо сообщать по телефону: я хочу нагрянуть неожиданно.

8

Рано утром в дверь постучал Логунов. У подъезда ожидали две машины. В одной сидела Пава Романовна, а впереди, рядом с шофером, ее муж, Пряхин, такой же румяный, как она, но строго подтянутый, в новом с иголочки военном костюме, правда без знаков различия, зато в ремнях, с сумками и походной фляжкой на боку. И ремни, и сумки, и фляжка тоже были новенькие, и даже лицо его, с яркими крохотными усиками над толстой, ясно очерченной губой, свежевыбритое, упитанное, казалось только что отшлифованным.

«Впервые вижу такого бухгалтера! Вырядился, как мальчишка», — подумала Ольга весело, когда он, выйдя из машины, молодцеватой походкой подошел здороваться.

— Вы поедете с нами, — командовала, улыбаясь всеми своими ямочками, Пава Романовна. — Мы заберем и вещи. Нет, лучше положим вещи в машину Скоробогатова, а Логунов пусть едет с нами, что он там будет позади один! Никанор Петрович, уступите нам Логунова! Это секретарь нашего райкома — наш Петрович, — наконец догадалась сказать Пава Романовна, подталкивая Ольгу к той машине, где сидел Скоробогатов. — Познакомьтесь же!

Ольга подошла к автомобилю и пожала руку, протянутую Никанором Петровичем в открытое окно кабинки. Секретарю райкома было не меньше сорока лет. Лицо у него полное и даже несколько одутловатое. Круглые карие с красноватинкой глаза спокойным, немигающим взглядом посмотрели на Ольгу, и ей стало отчего-то неловко.

«Почему он даже не вышел из машины?» — подумала она, наблюдая, как он разговаривал уже с шофером.

По размышлению ей было некогда: Пава Романовна подхватила ее и начала распоряжаться, кому где сесть. Усевшись между Логуновым и Ольгой, разместив по углам массу пакетов и пакетиков, она все не могла успокоиться и даже на ходу машины продолжала устраиваться.

— Довольно, Павочка, как-нибудь доедем, — сказал Пряхин, которого она затормозила, и Ольга увидела в зеркало впереди, как недовольно сморщилось его лицо.

— Значит, послезавтра мы будем дома? — обратилась она к Логунову.

— Должны быть. Шоссе не хуже ленинградского. Теперь не то, что лет восемь назад. Тогда здесь тянулась тропа. Болота, грязь. Лошади шли только под выском, и на такое путешествие потребовалось бы около месяца.

— Да, подумайте! — торопливо вмешалась в разговор Пава Романовна. — Все-таки как много дала советская власть отсталым окраинам! Какое бурное развитие культуры, какое строительство! — Но тут же лицо ее вытянулось, и она сказала мужу испуганным голосом: — Я замыла купить Кампичке пелеринку!

— Ну, вернись и купи, — ответил он смеясь.

— Тебе хорошо смеяться! — вспылила она. — Тебе, конечно, мало заботы о детях.

— А ты помнишь о них лишь тогда, когда в сумке есть свободные деньги, — ответил он с невольной досадой. — Нашла о чем беспокоиться! Это раньше носили пелеринки... — И Пряхин оглянулся на Ольгу, ища ее сочувствия и словно извиняясь.

— Нет, вы только послушайте, что он говорит! — обратилась Пава Романовна тоже к ней. — Что может понимать мужчина, когда нужно одеть ребенка?

Ольга ничего не ответила: она думала о своей девочке, о ее мягких косах с тугими бантиками, о ее первых успехах в дошкольном учении, так жестоко оборвавшихся.

За водоразделом в тайге стало теплее, появилась зелень. Но кое-где почему-то лежал лед. Местами он тянулся по сторонам шоссе сплошными полями или белел среди леса буграми в несколько метров толщиной. Иногда в ледяных расселинах зеленели молодыми листочками ивы и то-полы.

Утомленная Пава Романовна дремала, дремал и Пряхин, привалившись к спинке сиденья, смешно выпятив красные губы, и Логунов уже без помехи рассказывал Ольге о суровых морозах, образующих зимой огромные наледи — «тaryны», о том, как эти наледи поднимают и сворачивают в сторону полотно шоссе и отрывают от земли деревья, которые стоят потом всю весну на ледяных кочках и падают в жару.

— Вот когда подъедем к Большому хребту, вы посмотрите... — говорил он, осторожно отодвигаясь от горячей, разомлевшей в дремоте Павы Романовны. — Там, у подножья, знаменитая наледь бывает. Каждый год. Просто гора! Это подземные ключи прорываются, когда обычные ходы в почве промерзают. На здешних реках, на перекатах, тоже наледи образуются, но речная вода, прорываясь, разливается по осеннему льду очень далеко. Тогда у нас говорят: «Река кипит». Иван Иванович этой зимой, когда ездил на оленях к больному, искупался в такой наледи... Разве он не писал вам? Чуть не замерзли они с провожатым. Мороз ведь был страшный!

— А олени?

— Олени выбрались, а нарты и вещи утонули. Ну, чего вы? Эх, знал бы, не говорил лучше.

9

Топенькая светолицая девушка якутка, похожая на цветущий мак в своей пунцововой кофточке, легко перескочила через канаву и остановилась у изгороди.

— Вот, Иван Иванович, возьмите! — крикнула она, поднимая над изгородью лопату с длинным прямым черенком. — Я напьюсь чаю и тоже приду помочь.

— Хорошо, Варя! Пей чай и приходи помочь, — отозвался мягkim баском высокий человек средних лет, подходя и протягивая руку за лопатой. — Спасибо, Варюша!

Он был в пополненном рабочем костюме. Темные волосы его топорщились ежиком. Красивая голова хорошо посажена на широких плечах, в твердой складке губ выражение мужественности, а в карих глазах острая, все схватывающая внимательность и доброта, и тонкая, необычная прония человека, любящего посмеяться. Взял лопату, он пошел по задернованной, только что огороженной земле,

а Варвара, болтая тяжелыми косами, побежала к домам поселка.

— Вот сейчас мы увидим, кто кого загонит!.. Держись, Денис Антонович! Собирайтесь с силами, товарищ Хижняк, бывший кавалерийской бригады фельдшер. Я вам покажу, как с землей надо обращаться. — С этими словами Иван Иванович прорубил лопатой дерн и встал у своего края. — Теперь вы уж не скажете, что я даром ем вашу редиску и салат. Отработаю пай и на себя и на Ольгу Назловичу. Я не хочу, чтобы вы хвалились тем, что я объя-
даю вас и ваших трех сорванцов.

Тот, к кому он обращался, только потряхивал рыжим чубом, свисавшим из-под кепи, да посмеивался, сбрасывая с лопатки ровно отрезанные пласты дерна. Это был коренастый здоровяк лет сорока шести, большегрудый, с крупным ртом, широким вздернутым носом и глазами, синими и чистыми, как у ребенка.

— Нечего ухмыляться — продолжал Иван Иванович. — Что это за работа? Почему вы пластины стопками складываете? Так Елена Денисовна только хлеб на стол подаст. Разбивать надо!

— Наше! Наше! — промолвил Хижняк, разбивая ребром лопатки ряды накиданных им земляных пластов. — Но зря, лишний труд: вот пройдет дождичек — и они сами развеются. А нам ведь еще один огород вскопать нужно. Чортова тайга! Если бы не богатая охота, давно плюнул бы и уехал. Разве это земля? Разве это климат? Кроме картошки да редиски, ничего не вырастишь. Вот у нас на Кубани... Сады-то у нас какие! Яблонь одних!.. А цветов, цветов! И дома и при больнице. Помню, я пионы развел... — Денис Антонович даже остановился, опустив лопату, и задумался с нежною улыбкой на широких губах.

— А вы работайте, работайте! — покрикивал Иван Иванович. — Нечего сказки рассказывать про пионы! Пока я ковырял плохой лопатой, вы надо мной издевались, а теперь начинаете зубы заговаривать.

— Так я же о деле, — сердечно возразил Хижняк, снова налегая на лопату. — Климат! Какой тут, к черту, климат! О соловьях не поминай: ворону увидишь — и то событие. Вчера ворону увидел, рад был, ей-богу! А все Елена Денисовна... Говорил ей сразу после женитьбы: давай поедем домой, на Кубань. Так нет! Тут, мол, в Сибири, горы, тут рыба, тут пельмени. А у нас не горы? Не рыба? А пельмени на Кубани нельзя стряпать?! — И Денис Антонович с таким азартом обрушился на новый ряд пластов, что только комки полетели.

— А вы не езжайте теперь, — не без хитрости посоветовал Иван Иванович.

— Теперь?.. Куда же я теперь поеду, когда я в эту Сибирь врос по самые уши? Четверо ребят от сибирячки! Это все равно, что взял я четыре цепи да четыре раза приковал себя к дереву. Разве уйдешь?

— Вот я скажу Елене Денисовне! Она вам задаст!

— А скажите! Она меня знает и характер мой знает. Я хохол вредный, упрямый. Она меня так и зовет «поперечный». Но при всей своей поперечности не смог я ее переутижить. Вот и ногибаю здесь! И удивительное дело. Ездил я на Кубань года три назад. К родне ездил. В отпуску был. И ведь даже не догостил до конца. Загорелось одно: домой! Это в Сибирь-то «домой»! Мы с Леной тогда в Мартайге на приисках работали. Родные уговаривают: «да по-

живи, да погости! Вот, мол, яблоки скоро поспеют... Сливы, вишни — хоть завались!» Нет, хочу домой, да и только! У нас, говорю, в Сибири горы — во! Рыба — во! — Денис Антонович размахнул руками, не выпуская лопаты. — Пельмени говорю... «А у нас, спрашивают, не рыба? У нас не горы? А пельмени?.. Давай сделаем!» И сделали. Я сам фарш готовил, показывал что и как. Да разве те пельмени такие были, как у Елены Денисовны?! Нет, говорю, и то, да не то! И горы не те, и пельмени не те, и поеду-ка я лучше в Сибирь. С тем и уехал... Так и погиб казак! — закончил Хижняк с легким вздохом.

10

Варвара вернулась очень быстро. Но она успела перебраться по-домашнему: в серенькой кофточке с широкой пряжкой на замшевом поясе, в темной юбочонке и простых сапожках она выглядела еще моложе и милее.

— Ну, Варя, — сказал Хижняк, — потрудись, товарищ комсомол, а мы с Иваном Ивановичем покурим ма-ленько. Как там дома? Чем собирается удивить нас сегодня Елена Денисовна?

— Елена Денисовна сделала все, что можно, и даже больше, чем можно, — ответила Варвара грудным голосом, с хмурым лукавством взглядывая на Ивана Ивановича.

Красивое лицо ее с нежно заостренным подбородком горело румянцем.

— У Елены Денисовны обед уже готов, и пирог сидит в духовке. Но сама она опять убежала в больницу: трудный случай в родильном.

— Значит, ее вызвали? — задумчиво спросил Хижняк, доставая добротный кисет.

— Да, ее вызвали, — повторила Варвара, снова значительно глянув на Ивана Ивановича.

— А пирог в духовке?

— В духовке.

— Подгорел, паверно!

— И вовсе не подгорел. В том-то и дело. Елена Денисовна нашла новую повариху.

— Новую... повариху?

— Да, она выдернула ее прямо из машины и заставила стеречь молоко на плите, пирог и Наташку... Это ваша жена приехала, Иван Иванович, — тихо добавила Варвара.

— Ох, Варя! — Иван Иванович, уже насторожившийся, заулыбался, потом побледнел, просыпал табак из бумажки, которую собрался было свернуть, бросил бумажку и, перескочив через изгородь, большими шагами пошел к поселку.

Хижняк поднял лопату, начал вяло копать, но, покопав немного, остановился и спросил:

— Как жена-то, ничего?

— Ничего! По-русски, должно быть, красивая. У нас, якутов, таких нет. Волосы светлые, как у Наташки, а глаза зеленые...

— Хм! Зеленые глаза! Что ж, ты думаешь, это красиво, когда зеленые глаза?

Варвара смущилась, но, помедлив, ответила убежденно:

— Если Иван Иванович выбрал с такими глазами, значит это очень красиво.

Когда Иван Иванович рванул дверь, Ольга уже была на пороге и чуть не упала ему навстречу. Он подхватил ее и, целуя, внес в комнату.

— Родная! Родная! — повторял он одно лишь слово, обеими ладонями сжимая ее голову, любовно всматриваясь в ее радостное лицо. — Оля, родная! Это ты, родная моя? — И он опять целовал ее, а она гладила его плечи и руки, задыхаясь от счастливого волнения. — Почему у тебя земля на щеке? — спросил он удивленно и покраснел тут же. — Это я сам в земле! Милая, прости, я совсем забыл! Мы ведь копаем огород с Денисом Антоновичем. Как я рад! Я рад, как мальчишка! — И Иван Иванович снова обнял жену и рассмеялся заразительно веселым смехом.

Двухлетняя Наташка выбралась из своего гнезда, просторной корзины, где находились ее игрушки, и, подойдя поближе, уставилась на больших смеющихся и целующихся людей.

Ольга глянула в ее круглые, любопытно открытые глазенки, и вдруг уголки ее рта горестно опустились, и она заплакала, прислонясь головой к плечу мужа.

— Ну, что же делать, Оля? — тихо, сразу опечаленный, сказал Иван Иванович. — Не плачь, дорогая, смотри: Наташка, глядя на тебя, тоже плакать собирается. Вот уж губы распустила... Вот и заревела! Видно, и мне плакать придется.

— Что такое? Кто обидел мою хорошую? — весело заговорила с порога статная, очень миловидная женщина.

Хотя на дворе было еще по-весеннему зябко, она, одетая в легкое платье, вся разрумянилась. От нее так и веяло здоровьем. Плакать при ней стало невозможно. Она на ходу прискала дочь, успокоила и даже рассмешила Ольгу, рассказав, как Наташка встретила на-днях Паву Романовну.

— В первый раз увидела вместо воротника целую лису с головой и с хвостом. Вот и подходит к нашей щеголихе и говорит: «Пусти на пол». Видит, что лапки у зверя тоже есть, зачем же его на плечах таскать. Пришлось даже постращать маленько: укусит, дескать.

— К чему пугаете детеныша? — сказал Иван Иванович с грустной улыбкой.

— Так надо же, чтобы этот детеныш хоть чего-нибудь боялся! Они в садиках-то вон какие развитые! — с комической серьезностью ответила жена Хижняка.

Кастрюли и сковородки словно сами собой передвигались по кухне, и все спорилось в ее ловких руках.

Или на минуту не прекращая заниматься делом, она рассказывала:

— Мальчик родился. Такой крупный да славный. Мать-то совсем было замучил, а под конец сам задохнулся. Акушерка дежурила молодая, испугалась, конечно. Я уж скоро двадцать лет принимаю, а тоже струсил: мертвый, да и только! Повозилась с ним порядочно, пока вздохнул. И не успел вздохнуть, закатился ревом. Ну, думаю, реви теперь на добре здоровье, а у меня дома тоже событие, некогда на тебя любоваться!

— Там я «лахлебником», а живу в этой половине, — сказал Иван Иванович, поднимаясь с чемоданами на крыльце дома с другой стороны. — Эти Хижняки — замечательные люди. Вот ты подружишься с ними!.. У них еще девочка живет: Варвара Громова...

— Девушка? — повторила Ольга, опуская свертки и сумки на стул в комнате, явно предназначенный для столовой; она снова обняла мужа, но, прижимаясь лицом к его груди спросила еще: — Та девушка, которая прибегала?

— Да. Бывшая моя пациентка: я ей делал операцию прободного аппендицита. Она учится у нас в школе фельдшеров и работает в больнице. Имеет семилетнее образование (школ теперь в тяжких улусах много), но дикая спичка была, застенчивая, слова не добьешься, а сейчас просто развернулась. И красавица какая!..

— Ты не влюбился?

— Ну, куда мне! Ей и от молодежи отбою нет.

— Только это и помешало? — обиженно отодвигаясь, спросила Ольга.

— Ты сама знаешь, что помешало! — сказал Иван Иванович, смеясь и притягивая ее к себе.

11

Стол к обеду был накрыт; Хижняк, умытый, в выпитой чистой рубашке, раз пять выходил на крыльцо — прислушивался, не хлопнет ли дверь в соседней половине; Варвара уже бросила поправлять накидки, дорожки, запавески и помогала двум старшим мальчикам починять волейбольный мяч, а Иван Иванович с женой все еще не возвращались.

— Я схожу за ними, — заявил, наконец, Хижняк.

— Тебя только там и недоставало! — серьезно отзвалась Елена Денисовна. — То-то, поди, ждут!

— Да ведь поздно... Обед остынет и перепреет.

— Раз остынет, так уже не перепреет. Сделай себе бутерброд да налей заодно стопочку. Совсем изгелся, бедный!

— Еще бы! — закипятился Денис Антонович, обижаясь, точно маленький. — Так поработали!.. С утра ведь...

— У тебя с утра, а там люди почти год не виделись. Если Иван Иванович заставил ждать, значит нельзя иначе...

— Стало быть, нельзя, — уступил Хижняк, хмуро улыбаясь. — Помнишь, как я с Кубани вернулся?..

— Ладно уж! — вполголоса сказала Елена Денисовна, осторожно расчесывая волосы Наташе, сидевшей у нее на коленях, такой же круглой, румянной и голубоглазой, как она сама. — Вот оно мне — возвращение-то твоё! — Она подбросила дочурку и, любуясь ею, пошлепала ее по жирной спинке, подбросила еще и расцеловала, приговаривая: — Ах, ты колобок мой хорошенчик!

Она завязала бант в белокурых локонах дочери, лежавших на ее головке, как пышные кисти черемухи, и, выпрямляясь, концы ленты, снова взглянула на мужа.

— Очень уж просто мы с тобой живем, отец! — заговорила она с ласковой усмешкой. — Ребятишек пазывать по-интеллигентному и то не сучили. Эка певидала: Наталья, Михаил, Павел да Борис! У людей-то вон Алики, да Милорики. А жена Пряхина всех перещеголяла: Ланделяй у ней да Камилочка. Ланделяй! Вот имячко, так конфетами и пахнет! Она и себя из Прасковын в Паву переделала. Все по-заграницному. Собиралась еще фамилию переменить, да сам не согласился. Так и осталась Пава не Пряховской, как ей хотелось, а Пряхицкой...

— Мир дому сему! — провозгласил Платон Логунов, появляясь на пороге с большим свертком в руках. — Как живете, добрые люди?

— Добрые добром и живут, — отозвалась весело Елена Денисовна. — Проходите!

— Да я с тем и явился, чтобы сразу на кухню, — ответил Логунов, кладя сверток на кухонный стол.

Все четыре угла огромной комнаты имели отдельное пазвание: кухни, передней с вешалкой, детской с кроватью двух старших мальчуганов и столовой с просторным столом под светлой клеенкой. Одна дверь из этой комнаты вела в спальню взрослых Хижняков, другая — в маленькую комнатку Варвары.

— И рады бы пригласить в другое место, да больше некуда, — сказала Елена Денисовна на слова Логунова. — Мы с гостинными-то сроду не живали. У нас все тут. Можно бы разгородить, места много, да я не хочу: люблю, чтобы хозяйство находилось у меня перед глазами. Что это вы привнесли? Вот транжира! Все равно не приму на постоянный стол, и не задаривайте: никогда мне, верчусь, как белка...

— Добрая белка... — заговорил было Хижняк, но Логунов бесцеремонно оттер его плечом и сказал просьтельно:

— А может, примст?

— Нет, не могу, и не думайте. Есть столовые...

— Да ведь приятнее по-семейному, — вмешался снова Хижняк, выставляя над плечом Логунова свой рыжий чуб и вздернутый нос. — И разве там приготовят такое!

— Уйди ты, не юли, хвастуша! У меня семьяща, у меня работа, а он готов еще общественную столовую дома открыть. Нет, баста! И для себя будем готовые обеды брать.

— Да ты посмотри, чего он привез: и рыбы, и масла, и лимонов...

— Вижу. За это спасибо. А насчет того, чтобы на стол принять... Невозможно ведь, Платон Артемович! Честное слово! Вот по выходным разве...

— Да хотя бы по выходным...

— Когда я сама не дежурю...

— Конечно, когда не дежурите. А в остальные дни нам Варя будет готовить.

Елена Денисовна добродушно рассмеялась:

— Она уж готовит!

— Да я, правда, не успела освоить это дело, — сказала Варвара, ласково глянув на подошедшего к ней Логунова; она только что зашила покрышку мяча, и большая игла находилась еще в ее узких пальцах. — Мы здесь все лишь помощники повара, — продолжала Варвара, завязывая машинально узелками оставшуюся нитку. — Столовая хорошо, но дома тоже надо уметь. Это хорошо, когда умеешь...

— Да, да, хорошо! — подтрунила Елена Денисовна. — Научись, а потом милый заставит тебя возле плиты жариться.

— Нет, — раздумчиво промолвила Варвара, вдруг опечаленная, посмотрев прямо в лицо Елены Денисовны. — Мой меня не заставит, потому что никогда и ничего такого не будет. А мне... — она повернула иглу, тихонько вткнула ее в сжатый кулечек и тут же вынула ее, как будто любяясь мгновенно выросшей каплей крови, улыбаясь дрожащими маленькими губами, медленно поднесла к ним

уколотую руку. — Мне ведь не больно, — она круто повернулась, так круто, что ее косы хлестнули побледневшего Логунова, и убежала в свою комнату.

— Вот дурная! — сказала обеспокоенная Елена Денисовна. — О чём она?

Жена Хижняка была мастером жизненных дел и знала все, что касалось ее семейства. Она приняла Варвару, как родную, искренно полюбила и до сих пор прекрасно разбиралась в ее настроениях. Впервые поставленная втулик, она остановилась в нерешительности у порога девичьей комнатки. Хотелось войти, расспросить, но чуткость подсказывала повременить с этим, и женщина отошла, тихонько прикрыв дверь.

— Пусть отдохнет, успокоится, — сказала она, дружеским кивком отозвав Логунова. — Очень уж много у нее работы и нагрузок всяких. Теперь еще начала готовиться к поступлению в институт. Нервочки-то и не выдерживают!

12

— А вот и опи! — проговорил радостно Хижняк, ходивший от стола к столу с тарелками и пожом в руках. — Идут! — сообщил он, прикрывая бумагой то, что осталось на «кухне». — Шеф-повар, слово за вами!

— Уже в сборе? — удивленно заметил Иван Иванович, входя следом за Ольгой. — Ну, как дела огородные?

— Еще на хорошую зарядку осталось. Старый-то огород мальчишки одни вскопают, — там мягко. Рассада давно в землю просится, а тепла нет, — и Денис Антонович повел всех в спальню смотреть рассаду.

Рассада, посаженная им в самодельные бумажные стаканчики, зеленела на окнах и в большой комнате, но здесь стояла особенная: тыквы и огурцы уже с цветом, пастурии, астры, левкой.

— На кухне то жара, то прохладно, а здесь климат более умеренный, — говорил Хижняк, любовно прикасаясь к растениям, выращивая завернувшиеся листья, что-то отщипнул, поправил, переставил, почупал землю; лицо его при этом приняло значительное выражение. — Хочу вот вырастить тыкву такую, чтобы на три пуда потянуло.

— А на три фунта не хочешь? — крикнула от плиты Елена Денисовна. — Не будет здесь тыква расти, и зря ты споришь и свет в комнатах загораживаешь... Все ведь окна заколотил своими полками. Подумать надо! — весело жаловалась она, усаживая за стол гостей и домочадцев. — Редиска, лук да картошка хорошо растут, так нет — подай ему тыкву! Не вырастет!

— Вырастет! Выкопаю ямки, положу туда по ведру навозу горячего, сверху — по ведру земли... Оставлю на каждом растении по две пletи, на пletях только по две завязи, да поливать с навозной подкормкой...

— Опять про навоз! — сказала Елена Денисовна, взглянув на Ольгу, — за стол ведь сел...

— И розы цветут роскошней на навозе, — возразил Хижняк. — Какой это поэт сказал?

— Да такой же вот, вроде тебя...

Ольга рассмеялась всех громче. Ей очень понравились и неуклюжий, широкоплечий Денис Антонович, и жизнерадостная его жена, и мальчики, в отца синеглазые и рыжеголовые — не говоря уже о Наталии, — и эта скром-

ная комната с высокими окнами, заставленными зеленью. Ей хорошо было здесь, она чувствовала, что попала домой.

— А где же Варя?

— Ей нездоровится, — тихо ответил Логунов.

— Ах, совсем нет! Я совсем здорова, — произнесла Варвара, неожиданно выходя из своей комнаты.

Она подошла к столу и остановилась, тревожно и по-детски застенчиво улыбаясь одной Ольге. Может быть, детскость придавали ей улыбке проницательные маленькие губы, может быть, открытый, хотя и чуточку насупленный взгляд. Ольга снова отметила ее своеобразную красоту и этот пежинный румянец тугих щек и глянцевито-черные монгольские глаза под легкими крыльями бровей; чуть вкось прорезанные глаза, страстный блеск которых не смягчался ни мерцающей тенью ресниц, ни общим выражением ясной, молодой доброты. Заметила она и то, что особенно украшало лицо Варвары, — умную одухотворенность, говорившую о большой, напряженной внутренней жизни девушки. А все вместе вызвало у Ольги чувство симпатии, которое невольно сообщалось каждому, ктоглядался в это лицо.

— Вот еще одна моя дочка! — сказала Елена Денисовна, освобождая место между собой и Логуновым. — Самая старшая, а второй сын на материке, учится в институте.

Она сказала это так, что Ольга поверила ей, хотя уже знала историю Варвары. Может быть, эта девушка и родилась в тайге на оленьей шкуре, и выросла в чуме или в юрте, но ее родство с Еленой Денисовной, с Наташкой, так и потянувшейся к ней влюбленным взглядом, было совершено неоспоримым.

— А что Борис пишет? — спросил Логунов.

Борис! Ольга сразу представила морской простор, свежий ветер и разговоры с Борисом Тавровым. Она посмотрела на Ивана Ивановича. Он сидел рядом с нею и смеялся глазами, глядя на оживленное лицо Дениса Антоновича. И еще руки его говорили вместо занятого рта; сильные, большие, широкие в кисти, но ловкие, умные, цепкие, которые никогда ничего не роняли и не опрокидывали.

«Вот он настоящий человек!» — радостно подумала Ольга и, положив ладонь на его руку, опустившуюся на стол, крепко сжала ее.

— Что, Оля? — спросил он, обернувшись к ней.

— Я вспомнила своего попутчика, который беспощадно пытал меня всю дорогу, — сказала Ольга с улыбкой. — Меня, правда, есть за что ругать. Но я посмотрела на тебя и подумала: к тебе — и он не сумел бы придраться!

— За что же тебя обижали попутчики? — спросил Иван Иванович поздно ночью, после того как поведал Ольге о собственном житье-бытие.

— Да не попутчики, а попутчик, инженер Тавров. Он, походил на работника, который не терпит, чтобы возле него болтались праздные люди. Он говорил мне такие вещи...

— Какие же?

Ольга задумалась, припоминая.

— Что я растратчица... Что на меня зря тратили деньги, и я сама виновата, если из меня ничего не вышло. Вообще он был не очень-то деликатен. Даже не подозрево-

нился сравнить меня с теми остальными женщиными, которые только нынче сняли паранджу. Да нет, по всем его рассуждениям я оказалась хуже, ведь возможностей-то у меня было больше, чем у них.

— Бедная моя женка! — промолвил Иван Иванович, нежно проводя ладонью по ее светловолосой голове. — Не надо придавать этому значения: ведь иные судят обо всем с насмешкой. Для них не существует никаких исключений из общего правила...

— Я сама не хотела бы стать таким печальным исключением, — с живостью ответила Ольга, охватывая обеими руками широкие плечи Ивана Ивановича и любовно засматривая ему в лицо. — Но ты знаешь, когда меня ругали, я чувствовала себя крепкой и сплтым. А вот сейчас, когда ты меня жалеешь, я как маленькая девочка.

— Не стану больше жалеть! — пригрозил он, но снова обнимал ее, носил по комнате, глядел на нее и не мог наглядеться. Ольга радовалась вместе с ним и плакала и говорила ему тысячу пежинных глупостей, на которые способны лишь влюбленные. Она столько дней и ночей тосковала о нем, о таком вот точно, каким он был теперь возле нее. Если время, прожитое в разлуке, наложило на него свою отметину, то и перемена принималась ею как приобретение, совершение необходимое. Действительно, отдельные черты выглядели чуточку иными, чем в ее представлении, но она любила его, и как бы он ни переменился, она все равно сразу узнала бы его среди сотен других.

— Как хорошо... жить вместе! — проговорила она напоследок счастливым и сонным голосом, уже погружаясь в теплоту сна.

13

Утром, еще не открыв глаз, она почувствовала, что Ивана Ивановича нет рядом с нею. Неужели ушел на работу? Ольга прислушалась. Да, в комнатах тихо.

«Вот, больше года не виделись... Приехала за тридевять земель, а он в первое же утро ушел, — с обидой и недоумением отметила Ольга. — Неужели нельзя попросить отпуск хоть на несколько дней?!»

Она, точно паяву, представила мужа в операционной, в белом халате, внешне спокойного, но увлеченного совершенно, и рассмеялась. Ведь он же всегда был такой, с первого дня их совместной жизни. Сколько сорвало инкапсов и семейных вечеринок! Сколько билетов возвращено в театральные кассы!

Ольга быстро села и посмотрела на столик возле кровати. Там лежала записка.

Так и есть:

«Моя родная! С какой радостью я побывал бы еще с тобой! Но работа зовет меня. Сегодня в десять часов срочная, серьезная операция...»

— Ну, конечно, срочная и серьезная! — задумчиво прошептала Ольга, баюкая записку в ладонях. — Разве может быть иначе?! Ушел и даже не разбудил меня... А я после дороги спала, точно сурок. Наверно, ходил тут на цыпочках.

Ольга вообразила мужа ходящим на цыпочках, рассмеялась и настороженно притихла, засмыгав незнакомые шаги в коридоре.

— Вы еще в постели? — послышался голос Павы Романовны. — Какая же вы лентяйка! Вставайте, а то я все равно войду.

И она вошла в большом пуховом платке с кистями, нахмутом на ее плечи, словно белая бурка.

— Зари любимца, румяное дитя... — сказала она нараспив и тут же пояснила: — Это из стихов Игоря Коробицына, нашего механика. — Он пишет исплохие стихи, клянусь честью, однако он большой чудак, грезит какими-то скрытыми возможностями и не дает себе покоя. Прекрасный работник, на производстве его ценят, но не всякому ведь посчастливится изобрести паровоз или другую подобную оказию. Тогда от изобретений деваться было некуда. Вы понимаете?

— Нет, не понимаю, — ответила Ольга и потянулась за бельем и платьем.

— Я хочу сказать, что самолюбие такой же бес, как, например, ревность. Зачем отравлять свою жизнь?..

— А мне кажется, это очень разные чувства, — промолвила Ольга, не сумев скрыть иронии по поводу немудреной философии гостьи. «И чего умничает, раз бог ума не дал!» — подумала она, продолжая одеваться.

— Вы меня, дорогушечка, не осуждайте, если я что-нибудь не ладно скажу, — с обезоруживающей улыбкой сказала Пава Романовна. — Может быть, я правда глупая, — тут Ольге стало даже не по себе от ее неожиданной проницательности, — и не очень образованная. Я иногда такое ляпаю, что мой бедный Пряхин готов сквозь землю провалиться. Но ведь каждому хочется показать себя с лучшей стороны.

— Ну вы всегда так сразу... разоблачаетесь? — спросила Ольга, сбитая с толку искренним простодушием Павы Романовны.

— А это уж как придется! — отвечала та со вздохом, и обе от души рассмеялись.

— Я до замужества была очень хороша, — продолжала болтать Пава Романовна, бесцеремонно наблюдая, как Ольга натягивала чулки. — Но беременность уродует фигуру. Ужасно! А тут еще запретили abortionы... Нет, это просто несправедливо, клянусь честью! — Она стукнула по столику маленьким кулаком и добавила горячо: — У нас столько говорят о красоте здорового тела, но какая может быть красота у много рожавшей женщины?! Конечно, дети — цель жизни, это и Пряхин мой всегда говорит. — На минуточку поток слов прекратился: Пава Романовна понюхала духи, не вынимая пробки из флакона, и договорила: — Нет, надо серьезно заняться собой, не хочется сходить со сцены к тридцати годам. Я не хочу так рано стариться. — Она опять умолкла и села на стул прямо на шляпку Ольги.

Ольга собиралась положить на место пышило взбитую подушку, но в комнате стало тихо и в тишине раздались всхлипывания. Пава Романовна плакала... Это было до того неожиданно, что Ольга выпустила из рук подушку и остановилась у постели.

Чем еще собиралась огоропить ее эта удивительная женщина?!

— Миличка! — порывисто сказала Пава Романовна и пересела на кровать рядом с Ольгой. — Мне необходимо сделать abortion. Попросите Ивана Ивановича... он любит вас, он вас послушает. Ради бога! Вы знаете, я уже просила его, он отказал наотрез. Я заявила мужу, что я лучше

умру... Он прекрасный человек, но не могу же я сказать... признаться ему, что это будет не его ребенок...

Пава Романовна уловила вспышку почти испуганного удивления на лице Ольги, смущенно усмехнулась, встала и поправила точно сбмела мягкой ручкой белоснежное никейное одеяло.

Ольге опять сделалось неловко.

«Какой цинизм! — подумала она. — И в то же время сколько простодушной веселости, а откровенность просто редкостная».

— Я специально ездила в Глубокое, — с настойчивостью продолжала о своем Пава Романовна, — но знакомый хирург тяжело заболел. Теперь вся надежда на Ивана Ивановича.

— Чем же он поможет? — спросила Ольга. — Он не пойдет на то, что запрещено законом.

— Ах, боже мой! — произнесла Пава Романовна, и черные глаза ее ярко засияли сквозь слезы. — И в наше время приходится иногда обходить законы! Войдите в мое положение... Ведь я на все пойду теперь, к любой знахарке кинусь. А у меня семья: мать больная, детей двое. Неужели нельзя оказать снисхождение человеку?! Ведь и Пряхин пригодится Ивану Ивановичу, клянусь честью! У него такие знакомства, такие связи!

Сльга смотрела на нее в серьезном раздумье: в самом деле, положение не западное!

— Я поговорю, — сказала она нерешительно, — но я уверена, что из этого ничего не выйдет.

14

Долина спускается к речке Каменушке двумя широкими террасами. На нижней, вдоль берега, рощи тополей и заросли живучего краснотала. Там приисковый парк. Кое-где в бледной по-весеннему зелени сереют избушки, окруженные пластинами. На верхней террасе раскинулась вся масса домов поселка. Выше по склонам гор — огороды и еще не раскорчеванные порубки. Над кромкой отступивших лесов поднимаются в небо скалистые серые вершины, покрытые лишь мхом да лишайниками, владения геологов и... медведей.

Ольга стояла у раскрытоого окна и осматривала новую местность, где ей предстояло прожить не меньше двух лет. Она глядела на голызвые хребты и думала о том, что они медленно, но упорно разрушаются и со временем исчезнут, как те огромные животные, которые жили когда-то здесь на Севере. Горы походили на погибающие деревья, сохнувшие с макушек. Не очень-то веселый вид, если бы не этот городок-поселок!

Надо же было поднять столько неудобной целины под огороды! Говорят, раньше на приисках огородничеством не занимались: тайгу считали нежилым местом. Правда, суровая она... но сколько здесь богатств и... где еще можно увидеть такие горы? А лиственницы, голубовато-зеленые, сквозящие серыми стволами сквозь тонкую дымку молодой хвоя? А кедровые стланики, чернеющие в нагорных седловинах?..

— Нет, хорошо. Очень! — сказала Ольга вслух и снова с тряпкой в руке обошла комнаты, сметая невидимые пылинки со стульев и подоконников.

В квартире теперь все блестело. Даже простенькая мебель, передвинутая по соображениям новой хозяйки на другие места, глянула веселее. В столовой белоснежная скатерть, на буфете искусственные цветы в синей с золотом вазе: полевые еще не выросли, садовых здесь нет... Окненные шторы, сделанные покойной матерью, спадают почти до полу. Когда Ольга решила поехать куда-то на край света, отец передал ей часть привычных, дорогих ему вещей.

— Пусть они на холодном севере напоминают тебе о родном доме, о детстве, — сказал он.

Ольгу очень растрогала тогда его неожиданная нежная забота, и теперь она с живостью представила своего ми-лого ученого родителя, далекого от мелочей жизни. В самом деле, как хорошо стало!

Вот так же уютно бывало в комнатах, где хозяйничала покойная мать. Она являлась добрым гением для семьи, а для отца особенно. Это служило оправданием всей ее жизни. Ольга часто сожалела, что была еще маленькой, когда мать властвовала в доме.

Отец отличался редкостной рассеянностью. За него надо следить, как за маленьким. После смерти матери эту заботу взяла на себя ее старая тетка, потом поочередно сестры.

Хорошо, если твои домашние хлопоты действительно необходимы. Пока Ольга имела ребенка, она не ощущала пустоты в жизни. Другое дело теперь... Может быть, подсознательно она сразу ухватилась за новую мысль устроить кабинет мужа в той комнате, где спальня.

Ольга вышла в коридор позвать уборщицу, чтобы та помогла ей перенести вещи, но, ничего не сказав о своем желании перемянить обстановку, прошла мимо и остановилась в раздумье на крылечке.

«Зря я бросила машиностроительный институт, когда родилась дочка, — сказала она себе с горечью, — тем более что училась хорошо. Смалодушествовала, струсила перед трудностью учиться и одновременно воспитывать ребенка. И Вания слишком легко отнесся к моему уходу из института. А ведь другие и учились, и детей имели, и материально хуже нас были обеспечены. Как же мы сплоховали тогда!»

Тревожило Ольгу и обещание переговорить с мужем, опрометчиво данное Паве Романовне. Ольга знала: Иван Иванович не согласится сделать аборт, она сама никогда не подтолкнула бы его на это. Почему же она обещала?

Пава Романовна перед уходом взяла с нее честное слово, что она, Ольга, придет к ним вечером вместе с Иваном Ивановичем. Значит переговорить нужно сразу, как только он вернется с работы. А почему нужно?

«Я ничего не скажу ему, и мы не пойдем туда сегодня», — решила Ольга, увидав Ивана Ивановича, и пошла, почти побежала ему навстречу.

Он быстро шагал по тропинке, окаймленной мелким кустарником, и Ольга еще издали разглядела, как играла на его губах неудержимая улыбка... С минуту они стояли молча, глядя друг на друга.

— Кто пойдет впереди? — спросила Ольга серьезно.

— Конечно ты! Я хочу смотреть теперь только на тебя.

— Нет, ты веди меня, — Ольга посторонилась и про-дela руку под его локоть.

Итти было неудобно, но весело, и оба смеялись, и, заметив их, рассмеялась Елена Денисовна, вышедшая на свое крыльцо.

— Водоносы мои сбежали! — сказала она громко. — Придется самой...

— Давайте, я принесу, — вызвалась Ольга и, шутя, отняла у нее пустое ведро. — Готовлю я неважко: всегда приходилось жить так, что кто-то брал на себя заботу о кухне. Но вы можете использовать меня на любой подсобной работе.

Дом стоял у края верхней террасы. По ступеням, выбитым в каменистой земле, Ольга и Иван Иванович спустились к бывшему руслу. Оно сплошь изрыто старательми, а вода отведена канавами на горное производство. Над грудами речного песка и гальки перекинут мосток. На другом берегу плотный плетень крохотного огорода. Золотой пыльцой осыпались затронутые ветви ив. В деревянном срубе, опущенном в яму, светлела хрустально чистая вода источника, в которой отражался голубой кусок неба, сквозящий между ветвями тополей. Здесь пахло влажной землей и тоцлевыми листьями, еще полуразвернутыми и клейкими.

Ольга почерпнула воды, выпрямилась гибко, молодо.

— Теперь я, — сказал Иван Иванович, берясь за дужку ведра.

— И я! — отозвалась Ольга. — Ты уже потрудился достаточно! Надо же так: жена приехала после долгой разлуки, а он за целый день ни разу не забежал домой!..

— Была очень сложная операция, — ответил он, разделясь упреку.

— А потом?

— Потом переливание крови и еще одна операция. Район у нас огромный, работы иногда очень много. Приезжают ведь и издалека... Даже из соседних областей. Но здесь я работаю главным образом как общий хирург. А ты чем занималась?

— Я все устраивалась и наводила порядок в квартире. У тебя там обжит по-настоящему только письменный стол.

Так они прошли по гладко утоптанной прибрежной дорожке и через мостики, толкая друг друга большим ведром и расплескивая воду.

У крыльца столпилась вся семья Хижняков.

— Ну как, Иван Иванович? Успеем сегодня в городки сразиться? — спросил Хижняк. — Парод уже идет на площадку...

— Не мешало бы, но я с утра не видел свою женушку! Теперь часы отдоха надо планировать по-иному.

— Зачем же! — горячо заговорила Ольга. — Я очень люблю смотреть, когда играют, я и сама стану играть, не в городки, конечно, а в теннис, волейбол... Но... — в глазах ее дрогнуло беспокойство. — Я обещала жене Пряхина, что мы будем у них сегодня...

Иван Иванович поморщился.

— Прасковья поплызать любит, — заметила с усмешкой Елена Денисовна. — Пава-то Романовна, — пояснила она, поймав недоуменный взгляд Ольги. — У них все вечеринки-складчины. Она сама-то ничего не владывает, кроме хлопот. А на хлопоты горазда. Вообще активистка: ни одного спектакля в клубе не состоится без ее участия. Бедовая!..

— Мне вообще не хочется идти, — заговорила Ольга, принимая за скрытый намек последнее выражение Елены Денисовны. — Но ведь надо же.

— Ну, конечно, надо, — уже серьезно сказала Елена Денисовна. — Вместе ведь придется и жить и работать.

15

— Ты понимаешь, как у нее трудно получается? — спросила Ольга, засматривая в лицо Ивана Ивановича.

Он сидел у стола, положив перед собою сильные руки, и молча смотрел в окно. Брови его были насуплены.

— Я понимаю только одно: это мерзость, — сказал он наконец. — В мерзостях же я никогда не участвовал. Ты можешь не мучиться тем, что выдала мне чужой секрет... Этот секрет мне давно известен: тут все живут на виду, точно под стеклянным колпаком. И трудных переживаний у Павы Романовны нет. У таких людей все легко.

— Нет, она очень переживает, — промолвила Ольга, вспомнивая проштодушную искренность Павы. — Она раскапывается... Она говорила, что готова умереть.

— Вряд ли!..

— Она плакала! — сказала Ольга, желая оправдаться за взятую на себя миссию посредницы.

— Слезы у таких женщин — рефлекс условный, выработанный годами притворства, — спокойно возразил Иван Иванович. — Я очень прошу тебя: не вмешивайся ты в это грязное дело. Есть у них протеже — мой коллега Гусев, пусть к нему и обращаются.

Дом, в котором жил главный бухгалтер прискового управления Пряхин, был построен в виде коттеджа и обнесен певысокой сквозной оградой. От ворот к террасе желтела широкая дорожка со следами автомобильных шин на песке. В круге, очерченном ею, зеленел дерн и чернели еще пустые клумбы. За тонкими ветвями молодых лиственниц виднелись в углу ограды новенькие сараи. Новизна всего сразу напомнила Ольге чистенького Пряхина.

На террасе Ольгу и Ивана Ивановича встретила Пава.

— Ах, как я рада! — заговорила она, бойко повернувшись от одного к другому красивую головку, блестя каштановыми кудрями. — Пряхин тоже будет рад. Очень! Очень! — И она пошла вперед, яркая, словно только что вылупившаяся бабочка, в своем платье из пестрого щелка. никаких следов слез, грусти, раскаяния не замечалось в ее сияющем лице.

— Вот, познакомьтесь! Это жена нашего уважаемого Ивана Ивановича, — обратилась она к группе мужчин в столовой, среди которых Ольга узнала секретаря райкома Скоробогатова и Пряхина, подтянутого даже в домашней обстановке.

Все встали, подошли здороваться, и трое, в том числе сам хозяин, поцеловали руку Ольге.

— Игорь Коробицын, — представился один из этих трех, выпрямляясь перед ней.

Она вспомнила о том, что он хороший механик, и поглядела на него с любопытством. Может быть, он учился в одном институте с нею? Но виду он из породы маленьких сыновей: тонкий, впалогрудый, не выхоленный, а захолеленный до хрупкости. На бледном лице его выделялись темные ласковые глаза и маленький рот;

он больше походил на поэта-неудачника, чем на хорошего механика.

— Пойдемте, я покажу вам свое потомство, — предложила Пава Романовна и, подхватив Ольгу под руку, потащила ее в другую комнату.

В нарядно убранной спальне, с розовыми абажурами, с бантами на никелированных кроватях, с пышно взбитыми постельными под круженными покрывалами, она с неожиданной силой повернула к себе Ольгу и, тормозя ее, вся побледнев от волнения, спросила:

— Ну, как?

— Он сказал... — Ольга растерянно посмотрела в гладкий лобик Павы Романовны.

— Да не тяните! Ну, ради бога, что он сказал?

— Он сказал: это невозможно.

Руки Павы Романовны сразу ослабели... Слезы хлынули из ее глаз. Она поднесла ладонь к лицу, точно защищаясь от удара, провела ею по мокрой щеке и, вцепившись в свои мягкие кудри и теребя их, опустила голову.

— Как же мне быть? — прошептала она, делая успокоительные разрывы в слезах.

«Нет, она все-таки страдает, — подумала Ольга, глядя на нее, — и похожа теперь на красивого зверька, попавшего в ловушку».

Она хотела сказать что-нибудь утешительное, но пока раздумывала, та уже перестала плакать. Сдернув с кресла косынку, Пава Романовна быстрыми, мелкими движениями осушила глаза и вместе со слезами как будто стерла злое выражение с лица, затем начала прихорашиваться перед большим зеркалом.

Когда они вернулись в столовую, так и не повидав «потомства», Пава Романовна потребовала музыки для танцев...

— Я хочу плясать, — заявила она, выходя на середину комнаты. — Игорь, включите электролу! Дайте мне гонака.

И она начала плясать... Она точно летела по кругу, отчаянно сверкая глазами и смеющимися ртом, радостно вскрикивала, взмахивала руками. С увлечением выбивала она ногами невиданные Ольгой коленца, и все у нее плясало — и плечи, и разлетавшиеся кудри, и нитка граинатов на щеке.

«Вот... бешеная!» — подумала Ольга, невольно восхищаясь бурной пляской. — Ведь наверно же страшная тяжесть на сердце...»

Отступая в сторону, она увидела у двери за портьерой толстую старуху в черном платке и темном платье. Равнодушное сходство ее лица с лицом Павы Романовны привлекло внимание Ольги. Казалось, сама Пава, вдруг постаревшая, стояла в коридоре.

— Ох, бесстыдница! Ох, хулиганка! — шептала старуха увядшими губами, покачивала головой, вздыхала скрученно, а глаза ее так и светились озорными огоньками.

«Видно, ты тоже не отличалась раньше степенностью», — мысленно сказала ей Ольга и снова обернулась к плясунье; потом взглянула на мужа.

Иван Иванович сидел на диване, сдвинув брови, угрюмо и чуть растерянно смотрел на цветной вихрь, носившийся по комнате.

«Как можно веселиться с такой нечистой совестью?» — прочла Ольга на его лице.

Рядом с ним сидел Скоробогатов, скрестив на груди руки, и тоже смотрел круглыми внимательными глазами, но снисходительно, как человек пропицательный, вполне уверенный в своих качествах.

«Вам хочется потанцевать? Пожалуйста! Это ничему не повредит, хотя и пользы не принесет», — говорило выражение его большого лица, еще увеличенного породичной лысиной.

Скоробогатов не гил вина, не играл в карты, не ухаживал за женщинами, поэтому с полным основанием считал себя кристаллически чистым и принимал за должное, если перед ним немножко заносились. В районе знали о прежних заслугах Скоробогатова, отмеченных орденом Красного Знамени, и все-таки его недолюбливали. Не любил его и Иван Иванович.

«Тебе скучно?» — спросила взглядом Ольга.

Иван Иванович дрогнул бровью и слегка отвернулся.

16

По утрам Ольга поровняла встать пораньше и спешала на кухню приготовить кофе. Иногда она пекла оладьи или крохотные блинчики. Ее практика в кулинарии была незначительна, и оттого всякое достижение в этой области она переживала с гордостью.

Утро принадлежало ей.

— Как мне не хочется расставаться с тобой! — серьезно говорила она, провожая Ивана Ивановича на работу.

— Надо и тебе заняться чем-нибудь, — сказал однажды Иван Иванович.

— Чем же я займусь, если ничего не умею.

— А английский язык?

— Так я же не закончила курсы. Мне еще самой надо учиться.

Иван Иванович любовно заглянул в грустное лицо Ольги: он-то хорошо знал, почему она не доучилась.

— Ну, погуляй пока, — промолвил он ласково. — Отдохни. Я рад душевно избавить тебя от всяких житейских забот. Вот если бы ты подарила мне сына или дочку... А сидеть дома одной, конечно, нехорошо... скучно.

— Очень нехорошо! — горячо откликнулась Ольга. — И не так скучно, как стыдно. Ведь меня не то угнетает, что ты занят целый день, а то, что я сама бездельничиваю... убрать в квартире, картошки начистить — разве это занятие для меня! И получается в нашей жизни страшный разрыв. Ты говоришь: отдохни. А от чего мне отдохнуть, после каких трудов? Я вот приехала сюда и смотрю, сколько вы здесь понастроили!.. Асфальтированные дороги, заводы, города настоящие. Ведь на диком, голом месте! Логунов рассказывал... да и сама вижу: все новенько — и мне за видно. Радостно и завидно, — ведь это без меня создано. Я тоже хочу делать что-нибудь нужное. Ну, посоветуй, пожалуйста, ты же хорошо знаешь, для чего я здесь могу пригодиться. — Ольга остановилась на дорожке и, крепко сжав обеими руками локоть мужа, задержала его.

Больница находилась уже рядом, и озабоченный взгляд Ивана Ивановича, хирурга и заведующего этим богатым лечебным учреждением, устремился туда, а за ним все его помыслы. Но женщина — жена — стояла рядом и ждала ответа. Можно ли было дать вот так, на ходу, серьезный

совет! Однако Иван Иванович любил ее и на минуточку еще вернулся к ней.

— У тебя очень увлекающийся характер, Олеся, — сказал он с доброй улыбкой. — Не надо разбрасываться. Раз уж ты остановилась в последнее время на курсах иностранных языков, то и постарайся закончить их, хотя бы заочно. А для практики переведи для меня одну научную работу с английского. Сам я с ней никак не справлюсь.

Иван Иванович стоял возле постели недавно оперированного им якутского мальчика.

Мальчику Юре, сыну учительницы из паслуги, было пять с полосиной лет, но он так серьезно посматривал на всех, так не по-детски вдумчиво рассуждал, что доктор не шутя называл его иногда Юрием Гавриловичем.

— Как чувствуешь себя, Юрок? — спросил Иван Иванович, бережно забирая с подушки слабую, чуть влажную ручонку.

— Лучше, — медленно проговорил мальчуган. Он хорошо владел русским языком. — Пальцами уже писаю.

— Ну вот видишь! Еще достижение! — Иван Иванович присел на табурет у койки и, взглянув вопросительно на дежурного фельдшера Хижняка, откинулся на спинку. — Да ты молодец совсем, — проговорил он, осторожно пробуя выпрямить ноги мальчика, до сих пор судорожно скрещенные в лодыжках и поджатые к животу.

— Определенно лучше, — сказал он и обратился к Хижняку. — А как движения в бедрах?

— Чуть-чуть, но начинается ясное расторможение, а пальцами шевелит во-всю. Я ему наказываю — действуй больше, и действует. Это же боевой парень!

Улыбка, расцветшая в синих, мохнатых от ресниц глазах Хижняка, словно перепорхнула в чернущие раскосые глазенки «боевого парня», и он сразу превратился в обычного пятилетнего ребенка.

— Скоро разрешим тебе сидеть, — пообещал Иван Иванович, с грустной нежностью присматриваясь к своему пациенту, который неожиданно напомнил ему собственную утрату. Правда, у его дочки случилось другое: тяжелое осложнение после скарлатины, но, паверно, такая же серьезная лежала она в подушках. Дети страшно взрослеют во время болезни, а этот начал болеть, когда ему было всего три года.

— Попробуй разогнуть ногу сам, — предложил Иван Иванович и, чуть искривясь собственной гримасой, прошел за усилием ребенка, послушно преодолевавшего боль в онемевших мускулах.

Только капельки испаринки выступили над поджатой губой и на краю лобику Юрия Гавриловича да глаза, будто помогавшие движению, выразили напряженное внимание.

— Я же говорю — боевой! — пропизнес Хижняк, вздыхая с радостным облегчением; он тоже, вместе с подошедшими невропатологом Валерьем Валентиновичем, всей душой принимал участие в испытании.

Валерьян Валентинович был похож на позолоченного Петрушку: золотые очки, острый нос в золотых веснушках, золотистые пряди длинных волос. Он любил детей, и они платили ему теплой взаимностью, подкупаемые его добротой и сказочной внешностью.

— Вот как я теперь умею! — похвалился мальчик и призательно посмотрел на докторов, вполне разделявших его неподражаемое торжество.

— Сегодня назначим тебе лечебную гимнастику, — решил Иван Иванович. — Денис Антонович станет с тобой заниматься. Будешь дрыгать ногами, точно лягушонок. Потом ползать начнешь.

— Хорошо! — с торопливой готовностью отозвался мальчик.

Ему опротивела постель, он устал болеть и соглашался на все, лишь бы поскорее начать бегать. Больше двух лет он пролежал в гипсе с парализованной нижней половиной тела.

Хирург Гусев, бывший до приезда Ивана Ивановича заведующим больницей, определил у него туберкулез позвоночника и очень упорно отстаивал свой первичный диагноз. Только когда ребенку стало совсем плохо, он согласился на консилиум с мнением невропатолога и Ивана Ивановича, имевшего уже нородочный опыт по нейрохирургии.

После полутора месяцев клинического наблюдения маленького больного положили на операционный стол, и Иван Иванович ударили ему кисту в позвоночнике, которая сдавливала спинной мозг. Никаких туберкулезных явлений здесь не оказалось.

— Чудный малыш! — гвоздил говорил невропатолог, выходя вместе с Иваном Ивановичем из палаты. — Недаром мы все за него так переживали! Теперь есть реальная надежда, что он со временем встанет на ноги.

17

— Вам ребятишек завести бы штук пять-шесть, — сказала Елена Денисовна, глядя на то, как Иван Иванович играл с Наташкой.

Иногда он приходил из больницы возбужденный, но рассеянный, задумывался, отвечал невпопад. В такие минуты и Ольга и Хижняки догадывались, что он, сделав трудную операцию, все еще переживает ее, беспокоясь о состоянии больного. Случалось, что подобные настроения принимали затяжной характер — значит, шла тяжелая полоса, и хирург работал с большой нагрузкой и душевной и физической. Но чаще Иван Иванович возвращался домой веселый. Тогда он шутил с Ольгой и возился с ребятишками Хижняков, поднимая, по выражению Елены Денисовой, «дым коромыслом».

Так было в этот раз.

Рассерженная им девочка уже не в шутку била его мягкими ручонками, хватала за волосы, тут же по-ребячью «жалела», смеялась и спаса визжала от страха, когда он перекидывал ее через плечо, придерживая за крепкие ножки и перехватывая рукой, пока она, растрепанная, не съезжала ему подмышки.

— Будет тебе мучить ее! — попросила Ольга, блаженно-сияющими глазами глядя на него. — Ты с ней играешь, словно конка с мышонком.

— Да ведь ей нравится!.. Пожалуйста, я перестану. — Он опустил Наташку на пол и сказал совсем серьезно: — Довольно! Иди к маме! — и не скрыл торжества, когда Наташка побежала не к матери, а за ним. —

Видите, она сама! Отчаянная девчонка! Она, наверно, вырастет летчицей.

Ольга смотрела на его оживленное лицо, па расторопно-ловкие движения и думала:

«Да, нам нужен ребенок! Это заменило бы хоть немножко нашу утрату».

— Нет, вам нужно завести полдюжины ребятишек, — точно отвечая на ее мысли, повторила Елена Денисовна. — То-то хорошо у вас будет!

Изредка они играли партию-другую в карты. На колени Елены Денисовой сразу взбиралась Наташка и глядела то на Ивана Ивановича, то на карточный веер в руках матери — она терпеливо ожидала шумной ссоры. Ожидание ее всегда сбывалось. Иван Иванович любил «сразиться в козла», но еще больше любил посмеяться, поэтому жульничал, забавляясь искренним негодованием Елены Денисовой.

— Нет, с вами невозможно играть! — вскипала она, находясь под клещами спрятанные им карты. — Что за мальчишество в самом деле?

— Вот, ей-богу, не видел! Как они туда попали? Просто удивительно! — смириенно уверял Иван Иванович, а веселые чортики так и прыгали в его глазах и рука невольно отгибала уголок сдаваемой карты.

Если сдавал его партнер Хижняк, то Иван Иванович движением бровей или пальцев показывал, кому дать карту, и в зависимости от этого тот подкладывал по одной или по две.

— Туда, туда! — не выдерживая, вслух озорничал доктор. — Честность в карточной игре — дворянский предрассудок, — говорил он, с огорчением глядя на карты, смешанные в кучу энергичной рукой Елены Денисовой.

— Вы настоящий шулер! — возмущенно объявила она паколец. — Баста! Я не хочу портить себе первы.

А Иван Иванович смеялся от всей души:

— Карты для того и существуют, чтобы плутовать. Иначе это скуча!

18

Каждый день, проводив Ивана Ивановича в больницу, Ольга занималась английским: много читала, работала со словарем, добросовестно переводя для Ивана Ивановича научный труд известного английского хирурга. Но тишина квартиры угнетала Ольгу. Ей нехватало общения с людьми. В последнее время она начала подозревать, что работа, которую она выполняла по просьбе мужа, не так уж необходима ему. Может быть, он предложил ее лишь с целью дать жене занятие.

— Благодетель какой напался! — обиженно сказала Ольга, когда додумалась до этого, и разом охладела к заданию. В самом деле, зачем забивать себе голову всякими ненужными терминами??

В солнечный, яркий день она очутилась далеко за прииском. Похожая на пароход, пловучая землечерпалка-драга с лязгом и скрежетом передвигалась перед ней в огромном котловане. Ряд ковшей-черпаков, поблескивая выветренными козырьками, с плеском выходил из мутной воды и бесконечно тянулся вверх, заглатываемый угробой машины. Черпаки шли конвейером; золотоносная порода, разжиженная водой, с чавканьем шлепалась через края переполненных ковшей обратно в котлован. Иногда

куст с размытыми корнями, а то и дерево с обрушенного борта забоя косо пристраивались на конвейере, но рабочий, дежуривший с шестом в руках, сталкивал их вниз.

Ольга стояла и смотрела, охваченная странным волнением. По ту сторону долины серели, ясно вырисовываясь в голубизне неба, каменистые вершины гольцовых гор. На этих горах тундра: мох, лишайники, карликовая береза, ниже — непролазная лиственничная тайга с подлеском ольхи и кедрового стланика... Глухь. И вдруг изумительная машина, настоящая пловучая фабрика! Только привезти сюда такую машину — настоящий подвиг.

— Если бы я не бросила учебу в машиностроительном институте, я могла бы стать хорошим механиком, — сказала Ольга, любуясь драгой. — Чем лучше меня Игорь Коробицын? Теперь я работала бы и на сборке драг. Потеряла профессию и ребенка потеряла. Когда-то еще владею английским языком, а время бежит, бежит!..

Ольга подошла к сходням, сброшенным на минуту с борта драги на берег котлована, и, с любопытством взглянув на женщину в комбинезоне, произнесла просительно:

— Покажите мне, как вы здесь работаете. Меня это очень интересует.

Домой Ольга вернулась за полдень, усталая, задумчивая; помогла Елене Денисовне, прибывшей со службы, сделать заготовку к сбруе, присосла ей воды, дров и отправилась на свою пологину.

— Вот день и прошел! — проговорила она, поднимаясь на крыльце и слегка покусывая палец, в который попала заноза. У нее были сильные узкие в кисти руки, не боявшиеся грубой работы. — Вот день и прошел, — повторила Ольга решительнее, войдя в комнату и вытряхивая на стол содергимое корзинки, где хранились разные мелочи: она искала игольник...

— Вы собираетесь рукодельничать? — спросила забежавшая Пава Романовна.

— Нет, вынимала запозу.

— Первая медицинская помощь! — промолвила Пава Романовна, отглядывая веселый ералаш на столе. — Ах, что за кружево! Я не встречала подобного!

— Если оно вам нравится, могу подарить.

— Нет, правда?! Вам не жалко?

— Немножко жалко, но это ничего. Возьмите, — Ольга помолчала, потом заговорила с некоторым раздражением: — Вы не замечаете, как затягивают нас всякие бабы мелочи, когда мы сидим дома!

— А я почти не сижу дома, — простодушно ответила Пава Романовна, прикладывая кружевной лоскут к высокой груди. — Я сделаю из него такую штуичку вот сюда... Это освежит платье, в котором мне придется играть в «Бешеных деньгах». Шить новое я пока не буду: смотрите, как меня распирает. А все ваши изверг Иван Иванович!

Ольга рассмеялась.

— При чем же тут Иван Иванович?

— Он мог бы окказать нам услугу... Он ведь не из пугливых, вроде Гусева. — Пава Романовна повернулась еще перед зеркалом. — Все-таки мне идет и беременность! — сказала она самодовольно. — Я просто кругленькая, но исполнить на сцене роли девушек уже не могу. Это большой урон для нашего драмгружка. Если бы вы заменили меня...

— Я никогда не участвовала в постановках.

— Ничего не значит! — решительно заявила Пава Романовна. — Было бы желание. Может быть, вас не пускает Иван Иванович? Да, как вы отноитесь к тому, что у него случилось сегодня? — спросила она, бережно пряча в сумочку кружево. — Неужели вы не знаете? У него же сегодня огромная неприятность!

У Ольги дрогнуло сердце.

— Что с ним?

— Криминальный случай: он при операции вместо фибромы, мышечной опухоли матки, вскрыл живот женщины, у которой беременность в начале пятого месяца.

— Не может быть! — почти крикнула Ольга.

— Однако это случилось, — возразила Пава Романовна с нескрываемым злорадством. — Он слишком самоверен и иногда препеняет исследованием. Гусев не дал бы себя так одурачить.

19

Хирург Гусев числился теперь заместителем Ивана Ивановича. Ольга познакомилась с ним у Пряхиных на второй день после своего приезда. Он напомнил ей чем-то чеховского человека в футляре: высокий, сутулый, с большим носом и тонкими цепкими руками. Глаза его смотрели настороженно, узкое лицо выражало брюзгливое недовольство: он словно обнюхивал каждого, кто впервые подходил к нему.

— Мы с ним не дружим, — пояснил Иван Иванович Ольге, когда познакомил их. — Он опытный врач, но очень уж осторожничает, и это доводит его до перестраховки. Такому нельзя быть хирургом. И вообще врачом нельзя быть.

— Зачем ты скориешься со своими коллегами? — учрекнула Ольга.

Иван Иванович нахмурился:

— А какая может быть дружба с человеком, который вместо совета и помощи одергивает тебя на каждом шагу? Если у нас решается вопрос о нейрохирургической операции, у него начинаются нервные колики, хотя его никто не просит вмешиваться.

В этот раз Гусев был потрясен совершил. Он не выскажался ни единим словом, а просто остолбенел возле стола. Но он мог вести себя как угодно, поскольку даже не ассистировал, а присутствовал случайно.

Другое дело Иван Иванович. Когда он обычным порядком вскрыл брюшную стенку и увидел увеличенную матку с особенно развитой сосудистой сетью, лицо его загорелось таким румянцем, словно он получил пощечину.

В первый момент он вспылил, бросил инструмент и пошел из операционной. Он даже не зашипал, как гусь, что случалось с ним в минуты напряженного, злого волнения, а просто выругался и зашагал прочь. Но, не дойдя до порога, он собрал все свое самообладание хирурга, вернулся к растерявшемуся ассистенту и стал зашивать рану. Хорошо, что он не затронул матку, что женщина и теперь может родить. Но он чувствовал себя страшно оскорблением.

Руки его, развитые словно у блестящего пианиста-виртуоза, действовали с привычной ловкостью и точностью, а в душе кипело...

Наложив последний шов, он склонул в предоперационной комнате белоснежный колпак, маску, клеенчатый фартук, швырнул перчатки и большими шагами пошел по коридору, разевая полы халата, не замечая больных, суетливо расходившихся по местам при появлении его прямой, высокой фигуры. Но уже на выходе он столкнулся с сестрой, вынесшей из палаты помойное ведро, и точно опомнился, остановился. Маленькое нарушение больничного распорядка просто взбесило его сегодня.

— Поставьте ведро! — сказал он резко. — Я говорю: поставьте ведро! Есть на то санитарки, есть поломойки...

Упоминание о санитарках вернуло его мысли к той, которую только что сняли с операционного стола, и он, болезненно хмурясь, отвернулся...

Свет и блеск июняского дня только усилили в нем поюще сознание совершившегося позора. Он не мог простить себе легкомысленной доверчивости. Было заключение невропатолога и терапевта, подтверждающее диагноз опухоли. К гинекологу женщина категорически отказалась итии. Она была такая суровая старая дева, что ни у кого, тем более у самого Ивана Ивановича, не появилось подозрения на беременность.

— Вот баба! — сказал он, поднимаясь через две ступеньки на высокое крыльцо поликлиники, смежной с больницей. — Обошла, как мальчишку!

В кабинете Иван Иванович крепко хлопнул дверью, благо час был непринятный, опрокинул табурет и, дав ему хорошего шика, присел к столу.

— Чортова баба! — повторил он, все больше разгораясь. — Тоже мне девушка!!

Он вспомнил некрасивое лицо санитарки, ее большие руки... Смиренная, работящая старая дева, она была на хорошем счету среди медицинского персонала. Ее расторопность и старательность вошли в поговорку. Иван Иванович доверял ее уходу тяжелейших больных. Он снял у нее с глаза катарауту. Он верил в ее добродородочность — и вот такая страшная, испепленная история!

«Дуркая баба! Как она посмела выдать беременность за опухоль матки?! Зачем? Ведь не от пужды. Ведь не из боязни общественного мнения! Наоборот... и помогли бы и поддержали. Что за озорство отчаянное!.. А тебе так и надо! — с озлоблением бросил Иван Иванович вслух по собственному адресу. — В другой раз будешь осмотрительнее».

После полудня его вызвали в райком. Надев пиджак и кепи, он вышел из больницы, но за порогом неожиданно столкнулся с Ольгой.

Она взволнованно, робко и нежно посмотрела ему в лицо:

— Я попла тебя встретить. Ты домой?

— Нет, в райком, — сказал он глухо, не глядя на нее.

— Я пойду с тобой... провожу, — просительно произнесла Ольга, беря его под локоть.

— Хорошо, пойдем, — ответил Иван Иванович, и она увидела, как дрогнуло что-то жалкое в его мужественных чертах.

— Ничего, Ваня... пройдет, — сказала Ольга, крепко сжимая ему руку.

Он вздохнул всей широкой грудью:

— Конечно, пройдет. Хотя ошибка недопустима. Меня другое волнует. Я не пойму, как она смела... как она

могла обмануть меня! Так глупо, так дерзко лезть под нож! Она все во мне оскорбила!..

Он не знал, зачем его могли вызвать к секретарю райкома именно сейчас, после позорного для хирурга промаха. Возможно, Скоробогатов решил вмешаться. Иван Иванович ожидал всего и потому вошел в райком очень решительно.

Скоробогатов, конечно, уже знал о случившемся, по принял Ивана Ивановича неожиданно ласково.

«Радуешься, что меня есть на чем прижать!» — сообщили тот, отвергая ласку крутой складкой бровей и сурово-независимым видом.

— Я насчет ваших фельдшерских курсов, Иван Иванович, — мягко заговорил Скоробогатов, не изменяя благожелательного выражения, странно не идущего к его властному лицу. — Что это вы там с Логуновым проводите свою особую политику? Да, политику, не согласованную с общей линией райкома партии!..

— Я не понимаю, — промолвил Иван Иванович, невольно смущаясь под проницательным взглядом секретаря. — О чём речь?

— О том, что вы устраиваете лекции и на политические темы, рассчитанные не только на ваших слушателей: они посещаются в массовом порядке. Вы даже перепосыпте их из помещения курсов в зал клуба, и все это без согласования с райкомом ни по тематике, ни по времени и месту проведения.

— Я думал, что поскольку Логунов был выделен для этих лекций райкомом, постолько... — Иван Иванович споткнулся на сказанном слове, — постолько, — повторил он упрямо, удивляясь сам нелепости своего выражения, — вы должны быть осведомлены о том, что именно он читает. А читает, то есть говорит, он прекрасно. Фельдшера наши им предводители. В большой зал клуба мы, правда, иногда перекочевываем: не выгонять же народ, который приходит послушать. У нас тепло... Натискаются, прямо стены трещат!

— Нехорошо! — сказал Скоробогатов и уже строго сжал тонкие губы. — Вы оба члены партии, а меня как секретаря райкома ставите в неловкое положение. Я назначаю доклад на открытой сцене в парке, прихожу, а вы в это время устраиваете лекцию на такую же тему в клубе.

Иван Иванович промолчал. Тут он ничего не мог возразить. Действительно, случилось подобное совпадение. И, конечно, Скоробогатову неприятно, что все ушли на лекцию Логунова. Хоть кому было бы неприятно! Вообразить не приходилось.

Молчание доктора несколько смягчило Скоробогатова. Он глянул опять ласковее и потянул какую-то бумажку из-под настольного стекла.

— Вот у меня еще заявление есть, — сказал он. — Это Бельтова, палатная сестра из хирургического. Она протестует против неправильного увольнения.

Иван Иванович встрепенулся, возмущенный.

— Она может протестовать сколько угодно, я о ней даже слушать не хочу!

— Когда с вами говорит секретарь райкома, вы обязаны слушать. Разве я стану поддерживать человека, не стоящего внимания? Во-первых, она страшно нуждается. Я сам лично обследовал ее положение...

— Если бы она нуждалась, она не относилась бы ханально...

— Она передовая активистка и член партии.
— У нее нет партийного билета, — быстро возразил Иван Иванович.

— Документы у нее утонули вместе с вещами на переправе.

— Вы в этом уверены?

Красное лицо Скоробогатова еще больше побагровело.

— С каких это пор вы стали недоверчивы? Попались же на удочку санитарки!..

Иван Иванович даже подскочил, больнее задеть его сейчас было невозможно.

— Ошибся. Сам себя готов избить за оплошность. Но выгораживаться не памерен.

— Еще бы! Это ведь не только оплошность, но и подсудное дело!

— Совершенно верно! Но сейчас вы напрасно говорите со мной так. Подвели мы вас с докладом? Точно, подвели. Правильно я уволил эту вертихвостку, которая и сама дела не делала и других разлагала? Правильно! А от того, что правильно, я еще никогда не отказывался.

— Вы идете против партии? — угрожая взглядом, спросил Скоробогатов.

— Не против партии, а против вашего пристрастного мнения. Вы только секретарь райкома — точка на огромном теле.

— Я? Точка?

— Да-да-да! По сравнению со всей партией только точка.

20

— Что он тебе сказал? — спросила Ольга, ожидавшая с нетерпением на крыльце.

Красные пятна на лице мужа, его горящие глаза и дрожащие губы испугали ее.

— О чем вы беседовали? — спросила она настойчивее, беря его под руку и почти насилием заставляя замедлить шаги. — Ты что-нибудь наговорил ему? — опасливо допытывалась она.

— Да, я ему, кажется, наговорил!.. — вздохнув, сознался Иван Иванович, останавливаясь на дорожке с пасынченным видом. — Я ему наговорил... разного, — добавил он загадочно, с сердитой усмешкой. — Теперь он там рвет и мечет.

— Значит, не так страшно... то, что получилось у тебя в больнице? Значит, ты не боишься?

— Чего же мне бояться? Кроме тюрьмы, ничего не будет, — попуттил он, по шутке прозвучала серьезно. — Смешная ты! Я поддался с секретарем райкома не оттого, что чувствую себя правым. Вина моя не уменьшилась, но нехорошо, непереносно, когда хотят прижать этой виной даже там, где ты прав.

— Вот как! — промолвила Ольга растерянно.

— Да уж вот так! Но ты не расстраивайся. Понимашь? Не нервничай, будь умница. А за себя я постоять сумею. Не стану, сделав один проступок, от страха соглашаться на другой.

«Еще и хорохорится!» — подумала Ольга с улыбкой на озабоченном лице.

— И надо же было тебе забиваться сюда! — сказала она с невольным упреком.

— Надо. Я бы даже постановил, чтобы каждый спе-

циалист отработал известное время в местах отдаленных не только тогда, когда он еще зелен, неопытен, а в пору расцвета. А то опыт мы получаем, практикуя на периферии, а тратим его в больших городах. Конечно, там все возможности для научной деятельности, но в принципе это несправедливо. Вот послужу здесь еще и тогда с чистой совестью буду проситься в докторантуре в Московский нейрохирургический институт.

— А потом?

— Потом закончу докторскую диссертацию, намечу себе творческую задачу и стану добиваться ее осуществления.

— А когда добьешься?

— Тогда возникнет что-нибудь еще. Жизнь так движется. Че удивительно, если лет через пять в нашем областном городе Укамчане будет основан медицинский институт.

— И ты поехал бы сюда опять на постоянную работу?

— Поехал бы, — сказал Иван Иванович с мечтательной убежденностью. — Вот погоди, поживешь на Севере — увидишь, как он притягивает. Жить везде интересно. Чем труднее, тем интереснее. Вон у Дениса Антоновича даже здесь тыквы цветут. Успел уже высадить. По три пуда должны вырасти. Да-да-да, меньше невозможно. Кстати: сегодня паша очередь поливать, — вспомнил Иван Иванович, уже совсем успокаиваясь. — Я очень люблю это: землю, сырую, темную, рыхлую, и зелень, когда она только начинает пробиваться. Знаешь, есть стихи: «И бесшумными взрывами всходит горох на грядах...» «Бесшумными взрывами!» А? Чудесно! Именно так, — Иван Иванович, увлекаясь, вскинул руку с пальцами, сжатыми шепотью, и сразу раскрыл их. — Взрыв. Земля взорвана и рассыпается комьями. «Бесшумными взрывами всходит горох...»! Да-да-да, чудесно сказано! — и Иван Иванович радостно улыбнулся, точно сам это придумал.

— Ах ты, милый мой! — прошептала Ольга. — «Несуразный мой! — добавила она про себя, невольно заражаясь радостью, исходившей от него. — Натворил бог знает чего и сияет!»

— Гуляете в рабочее время? — шутливо укоряя подошедший к ним Пряхин.

Иван Иванович сразу потускнел:

— Рабочее время уже кончилось. Пора обедать.

— Ну, как говорится, приятного аппетита. А нам сегодня и пообедать некогда. У нас горячка. Ожидаем приезда начальника треста. Приедет еще новый директор фабрики, инженер Тавров... Борис Андреевич.

— Вот новости! — весело сказала Ольга, — Валя, это, наверно, тот самый Тавров, с которым мы вместе ехали на пароходе. Помнишь, я тебе о нем рассказывала.

— Как он критиковал меня! — говорила Ольга, когда они отошли от Пряхина. — Но я все-таки не в обиде на него. Меня, правда, есть за что ругать!

— Если признаешь ошибки, значит имеется надежда на исправление, — попуттил Иван Иванович.

Вечером на городочном поле было шумно. Ожесточенное сражение городочников привлекло почти всех зрителей с соседних спортивных площадок. Команда Хижняка, в которой играл Иван Иванович, «разносилась» противников. Иван Иванович, без пиджака, с засученными рукавами воистину заслуживал внимания. В городки он играл честно, серьезно и страстью.

Бороткий взмах руки верно посыпает тяжелую палку — «биту». Она летит прямо в дружную семью толстеньких «городков» и, раскатив их, выносит за черту сразу несколько штук. Темный сажик на голове Ивана Ивановича топорщится после этого еще задорнее; глянув на кислые лица противников, он разражается смехом.

Но вот «бита», брошенная Хижняком, поднимается «на попа» почти у самой цели и в облаке пыли перелетает через рюхи. Иван Иванович тоже «пылит».

— Эх вы! Мазила вы несчастная! — кричит он Хижняку басовитым голосом.

Ольге, отдыхающей на скамейке после волейбола, даже смешно становится при виде его лица, обожженного, злого и страдающего.

Однако он тут же стихает, ревниво глядя на противника, переходящего в действие. Ольге кажется, что он не выдержит и вот-вот ахнет «под руку». Но если бы так получилось на самом деле, он сгорел бы от стыда.

— Что азарт-то делает! — сказала подошедшая Елена Денисовна. — Кричат и ссорятся, как мон сорванны. Играли бы я в городки... Ох, и отомстила бы Ивану Ивановичу за его плутовство в картах, — продолжала она, усаживаясь с Наташкой на уступленное ей место рядом с Ольгой. — Сколько он мне нервов попортил! А если ему сейчас такое?

— Здесь, пожалуй, не спутуешься! — сказала Ольга, любясь Наташкой и забирая в свои ладони ее толстенькие ручинки. — Какая хорошая девка! Ну что за девка! — приговаривала она. — Так и хочется ее пощелкать.

— Да уж не говорите! — с грубоватой исхностью к дочери возразила Елена Денисовна. — Эта девка уже и симпатию себе завела! Как же! Есть у нас один «майчик» в больнице — Юрочка... Видите! — она подмигнула на сразу оживившееся и даже покрасневшее лицико Наташки. — Папа папа занимается с ним лечебной гимнастикой, ну и разговоры дома, конечно. И правда, чудо, что за мальчик! Так ему, бедненькому, хочется выздороветь — все задания вдвое выполняет. Наташка наслушалась о нем и прямо одолела: покажите «майчика». Пришлось познакомить.

— А как эта женщина?.. Которой сегодня... которую сегодня Баня оперировала?

— Эта? — Елена Денисовна закусила губу, словно с досадой. — Что сна? Да ничего. Зашили обратно. Наложили швы, по всем правилам. Рожать будет. Была я у нее перед вечером, хотела отругать, да пожалела: пусть окрепнет маленько. Вот они тихони-то!

Ольга промолчала. Ее тоже почему-то некоторые считали тихоней. Совсем неожиданно она подумала о завтрашнем приезде Бориса Таврова, и мысль о нем вызвала у нее неосознанную тревогу:

«Странное совпадение — отчего именно сюда, в это приписковое управление, он едет, когда в крае столько других приписков?!»

— Сама себя чуть не искалечила, — продолжала Елена Денисовна, — Ивана Ивановича подвела. — Ведь я-то опытный воробей, а тоже верила, что у нее опухоль. Мы же эту санитарку давно знаем, она старая дева. Словом, два раза дура! — добавила акушерка почти с озлоблением. — Вы не подумайте, я за грех не осуждаю: живая душа. Но подличать-то зачем? Разве помешает ей ребенок? Да он ей всю жизнь украсит. Вот знала я одну бобыльку, убогую. Рука у нее с детства изуродованная и левый бок... так и выросла одноручкой кособокой. Работала в артели

инвалидов. Сирота одипокая. Замуж никто не берет. И вот приходит в родильный дом... И пришла я у нее девочку... Дочка родилась вроде моей Наташки. Санитарки собрались и говорят между собой: «Дал же бог счастье, кому не надо! Куда ей с ребенком?!» А она ребенка жмет к груди, а у самой глаза-то горят, глаза-то светят!.. Глянула я в эти глаза, подкатило у меня к горлу: смотрит, так вот и брызжет из них материнское. — Елена Денисовна задумалась. — Правда, только одни глаза и хороши у нее были. А лет через пять родила она еще мальчишку. Тут уж я не вытерпела: напросилась к ней в гости. Пошла после работы, винку кой-чего «на зубок» захватила. Гляжу: внучка моя уж большенькая, хорошенская такая, бойкая, меньшего в зыбке трясет, нянчится. Всейцей в комнате пемного, да спрятто все, и куклы у дочки есть. Подивилась я и спрашивала свою роженицу: «Как же ты не побоялась ребятишками обзавестись?» А она улыбнулась на меня, словно на глупую, да и говорит: «То я жила просто инвалидка, а теперь мать своим детям. Настоящая женщина!» Вот и возьмите се! Сама при деле, ребятишки в яслях. Разве осудишь такос??

21

Курсы фельдшеров на Каменушке открылись полтора года назад после того, как Иван Иванович вместе с секретарем райкома Озеровым, который работал до Скоробогатова, объехали самые отдаленные уголки района. Помимо лечебной помощи, в тайге требовалась культурно-бытовая, оздоровительная работа. Иван Иванович осматривал больных, Озеров разговаривал с председателями артелей и наследных советов, с местными комсомольцами и коммунистами. Предложение выучить фельдшеров из якутов и эвенков они встретили восторженно. Известие об открытии курсов разнеслось по тайге задолго до получения ответа из области, и каждый таежный район захотел иметь фельдшеров своей национальности. Желающие учиться нахлынули на присек Каменский отовсюду.

Презжая, они оставляли где попало оленей и нарты и, загорелые, бронзоволицые, пахнущие морозом и дымом костров, вваливались в меховых одеждах в бараки, отыскивая доктора Ивана.

Иван Иванович просил их повременить, отсылая к Озерову, в сельсовет, в дома для приезжих, но они, покрутившись по присеку, упрямо возвращались к нему. Якуты уговаривали его квашенным замороженным молоком, ячменными лепешками, сырой оленевой печенькой; эвенки вынимали из кожаных выюков сущеную рыбу и ту же оленину и те же оленины печеньки. Иван Иванович поневоле уступил им часть своей квартиры и проводил с ними целые вечера, расспрашивал, присматривался, заранее отбирая самых толковых. Требовалось человек тридцать, а наехало более пятидесяти. Некоторые привезли «подарки». Они никак не думали, что дело обойдется без подарков. Получившие отказ обиделись. Озеров, очень испившийся с идеей открытия курсов, устроил непринятых на горные работы, и в конце концов все остались довольны. На курсах начались занятия. В числе слушателей была и Варвара Громова.

— Какой хороший человек был! — не раз говорил Иван Иванович, вспоминая Озерова. — Каждому умел подойти. Тоже не обходилось без грозы и молнии, да разве так, как у Скоробогатова? Этот только на грозу и надеется.

Иван Иванович привычно отыскивал простые, доходчивые слова и в пояснение чертил мелком на доске. Эвенки и якуты слушали его, как дети слушают сказку. Недавно страшное, загадочное, становилось понятным, даже доступным для воздействия, и радость познания расширяла непроницаемо-черные глаза курсантов, румянила их широкоскульные молодые, смуглые лица. Глядя из слушателей, Иван Иванович разгорался и увлекался сам и уже не следил за своей речью, но, и не следя за ней, говорил доходчиво потому, что говорил от всего сердца.

— Я отдыхаю здесь, — сказал он в перерыв Варваре, когда она подошла к нему и спросила, не устал ли он. — Я смотрю на вас и думаю: «Вот люди, которые помогут своему племени полностью приобщиться к культуре, к большой жизни русского народа». Я уверен, что вы будете хорошими работниками. Правда, Варя?

— Правда, — сказала она с паиной серьезностью. — Мы стараемся... Из-за вас стараемся.

— Почему же из-за меня? — почти огорченно спросил Иван Иванович. — Стрематься надо из любви к делу.

— Мы и хотим хоть немножечко походить на вас — настоящего доктора. — Варвара задумалась, потом заговорила быстро. — Эти две старые женщины-якутки, которым вы сделали глазную операцию... которые стали снова видеть после трахомы... Они сложили песню. — Варвара протянула руку вниз ладонью и, подняв к потолку продолжавшие в разрезе глаза, будто изображала слепую, произнесла песенку:

Трава почериела, утонули во тьме и деревья.
Я слышу только их щорох и запах,
Когда черный ветер рвет с меня черное платье
И обжигает мое лицо черным осенним холодом...

— А дальше слова о вас, ах, какие хорошие слова!

— Зачем же это? — смузнился сказал Иван Иванович, по лицу его покраснело от удовольствия! — Ничего особенного, самая пустая операция.

— Не говорите! — перебила Варвара негодующе. — Вам так кажется, потому что вы умсете. Очень хорошо, если старушки придумали такую песню. Ведь к нам в тайгу теперь будут приезжать. Надо же убедиться в том, что они правда видят. И тогда споют эту песню и увезут ее с собой. Потом каждый переделает ее по-своему, но радость передаст всем. Вы понимаете?

— Да, немножко, — сказал Иван Иванович. — Нет, понимаю, — поправился он, замстив недоумение Варвары. — Конечно, это очень хорошо.

22

— Нейрохирургия решает проблемы, которые лет пятнадцать, даже десять назад считались неразрешимыми. — Иван Иванович быстро прошелся по кабинету, легко повернулся; открытое лицо его выражало оживленную сосредоточенность, которая и позволяла ему забыть, что жена его мало интересуется хирургией. — Кроме операций на центральной и периферической нервной системе, мы начинаем вмешиваться и в вегетативную нервную систему, влияющую на работу наших внутренних органов, — продолжал он с доверчивым увлечением и, должно быть, вспомнив одну из своих удачных операций, улыбнулся. — Сколько нового открывается! Взять, например, самопроизвольную

гангрену... Гангрена это вроде пожара на торфянике, бурная, злая штука. Если почерили пальцы на ноге, нужно ампутировать до бедра. Иначе придется резать повторно. Что же здесь дает нейрохирургия? Я удалю кусочек симпатического нерва, идущего вдоль позвоночника, с двумя поясничными узлами, и уже на операционном столе нога больного теплеет. Часто уже на другой день она становится нормально розовой, синюшность проходит, и вся болезнь может окончиться тем, что омертвевые кусочки ткани сойдут, как усохшая корочка. Такие же операции мы делаем в тяжелых случаях гипертонии и при трофических язвах, не заживающих годами. Многое еще не разрешено. Надо работать да работать! Но когда я представляю будущее нейрохирургии, меня охватывает страх, что я такничко мало сделал и не успею ничего внести от себя. Тогда мне и во сне и наяву мерещатся операционные московского института, богато оборудованные кабинеты и лаборатории, научные конференции, общепись с выдающимися нейрохирургами. И я спрашиваю себя: все ли ты сделал здесь, что мог?

— Ты же очень много работаетешь, — напомнила Ольга. — Разве это не удовлетворяет тебя?

— Много? Да. Но в другой области. Общая хирургия — она, конечно, дает огромное удовлетворение. Тут сразу видишь реальный результат своего труда. Взять любое: операцию аппендицита, язвы желудка, тяжелое ранение. Человек выздоравливает на твоих глазах. Но здесь уже все известно, пути проложены, выработан подход в каждом случае, а там труднейшие поиски, большая психологическая и физическая нагрузка на оператора, — зато есть и научная перспектива. Работы для нейрохирурга много и в местной практике. У нас нет отказа первым больным. Но я хочу целиком отдаться нейрохирургии и чувствовать себя теперь, как пружина, завинченная до отказа. — Иван Иванович, взболнованный, остановился перед Ольгой и посмотрел сверху на ее приподнятое лицо, выражавшее серьезное внимание. — О чем ты задумалась, дорогая?

— Я слышала от одной развитой женщины, что человек в сорок лет уже не имеет перспективы духовного роста.

— Ну, это сказала развитая дура, вроде Павы Романовны.

— Погоди, — промолвила Ольга. — Может быть, она права, имея в виду людей, ничем не проявивших себя до этого возраста. Но вот я смотрела на тебя и думала: ты в тридцать шесть лет живешь и чувствуешь моложе, чем я в двадцать восемь!

— Мне никогда скучать, дорогая! Вот эта самая перспектива роста... Она огромна. Работа страшно много требует, но и дает не меньше. Я занят и горю, живу своей занятостью. Оборвесь она — оборвется лучшая половина моей жизни: я уже не человек тогда. А сейчас я счастлив, счастлив вдвойне: тобой и работой.

— Вот видишь! — проговорила Ольга, — а у меня никакой перспективы.

— Но ты же учишься! — возразил Иван Иванович, показывая на ее книги и тетради, сложенные горкой в углу дивана.

— Учусь, конечно, — ответила Ольга, — но после того как я упала с настоящей учебы (а ведь была уже на третьем курсе), я начинаю все сначала в четвертый раз, и у меня уже нет убежденности, что я на правильном пути. Заполнит ли мою жизнь толкование иностранной грамматики?? Конечно, это — тоже нужное дело, и я буду

стараться выполнять его хорошо. Только когда я представляю, как я сама обеднила себя, мне делается очень грустно.

— Значит, тебя привлекает что-то новое? — с невольной улыбкой спросил Иван Иванович.

— Почему ты говоришь со мной, как с глупенькой девочкой? — довольно резко спросила Ольга, обиженная его тоном. — Ведь речь идет не о выборе игрушек, а о работе, которая у тебя, например, так счастливо сложилась, что составляет лучшую половину твоей жизни. Я не такая способная и умная, как ты, но в меру своих сил и я хотела бы иметь хоть немножко такой счастливой занятости.

— Кто же тебе мешает? — уже серьезно спросил Иван Иванович.

— Никто не мешает, но никто и не помог. Зачем я потеряла год в медицинском институте, зачем меня потащили на курсы бухгалтеров?.. Просто кидалась, очертя голову, куда попало. Конечно, выучиться всему можно, но если это не интересует, то лучше не надо, — тут Ольга сообразила, что она говорит словами Таврова, но, не в силах остановиться, закончила так же: — Работу не обманешь: ведь это выбор на всю жизнь.

— Значит, я виноват что не помог тебе выбрать специальность? — спросил Иван Иванович, подавленный упреками.

— Да! Конечно, ты был очень занят... Поэтому благодушно отнесся к моему уходу из института, когда у меня родился ребенок. Почему ты не настоял, чтобы я закончила тот, свой институт?

— Ты же сама ушла...

— Этой «самой» едва исполнилось тогда двадцать лет. Ей казалось: у нее впереди целая вечность, и она все успеет сделать. А ты ведь старше был и опытней, но не нашел ни времени, ни настроения по-товарищески побеседовать со мной, подсказать, посоветовать. Наоборот: ты тоже оправдывал меня, ссылаясь на обязанности матери. Пусть бы нам жилось труднее, пусть у меня прибавилось бы забот и хлопот! Не надо было жалеть меня тогда!.. Ну, если бы твоя младшая сестра бросила учиться, неужели ты не поговорил бы с ней?! Ведь на работе-то вы помогаете отстающим, а кто с ними должен заниматься дома, в семье?!

23

Ольга отложила в сторону карандаш и тетрадь, в которую выписывала незнакомые термины из научной работы английского нейрохирурга: перевод подвигался успешно, но Иван Иванович ни разу не спросил о нем.

«Если он хотел просто занять меня, то надо же хоть изредка подогревать мой интерес сотрудника, — подумала Ольга. — Правда, он не много потерял, забыв о своем задании: все тут ограниченно до тупости и в то же время крикливо, точно в науке не существовало ничего до «мудрого» сочинения этого мистера. Жаль, что я плохо разбираюсь в вопросах медицины... Однако здесь явно чего-то нехватает. Чего же?» — Ольга закусила губу, стараясь сосредоточиться, но почему-то в ее памяти всплыло смуглое лицо Платона Логунова и сдержанные, энергичные движения его крупных рук (в последнее время Ольга не пропускала ни одного полизапятния, которые он проводил с активом).

— При чем же тут Логунов? — сказала она вслух, уже улавливая возникшую у нее мысль. Представление о Логу-

нове живо напомнило Ольге ее интересы во времена студенчества и дальнейшей беспорядочной учебы. — Училась же! Считалась способной.

— Что за этим лбом Аристотеля? — сказала однажды преподавательница математики, легонько постучав согнутым пальцем по высокому выпуклому лобику девушки.

— Пустота! — весело пошутила тогда сконфуженная и польщенная Ольга.

— Пустота! — с горечью промолвила она теперь, со-средоточенно всматриваясь в развернутый перед нею научный труд. — Но все-таки и я вижу: мистер неправ. У него человеческий мозг не одно прекрасное целое, не материя, способная мыслить, а просто первая ткань, где этот мистер распределяет разные центры, управляющие функциями нашего тела. Советские ученые рассуждают не так. — Ольга припомнила, что говорил по этому поводу сам Иван Иванович. — Да, он ничего не потерял, забыв об этой книжке, но обо мне-то не следовало бы забывать! Я, конечно, закончу перевод и преподнесу его Вам с поучительным автографом. Вот так же мимоходом он уговорил меня пойти в медицинский институт, когда подросла дочка. Другого института в том городе не было, а подходило мне такое или нет, мы оба об этом не подумали.

Неожиданно Ольге стало стыдно. Ведь она свободная советская женщина, почему же ей требуется какой-то толчок со стороны? Разве она не может решать самостоятельность?

«А зачем тогда семья? К кому же обращаться за советом и помощью?»

Ольга собрала со стола свои книги, поставила на место пыщущую машинку Ивана Ивановича и разложила по порядку его бумаги.

— Может, он прав, желая иметь во мне сотрудницу, — сказала она вслух. — Это было бы прекрасно, если бы отвечало и моим наклонностям!

Нет, раньше, при жизни ребенка, ей не приходили в голову такие горькие мысли о любимом человеке. Ребенок все заполнял и скрашивал. Ольга вспомнила болезнь дочки и ее угасание. Сколько дней и ночей сердце матери надрывалось от бессильного отчаяния...

Ольга вышла из комнаты. Далеко за поселком серела среди зелени изогнутая лента шоссе. Шоссе уходило в горы. Окрашенный закатом воздух, прозрачный и красноватый, заполняя долины, смягчал резкие очертания гор.

По гладкой тропинке, протоптанной в траве, Ольга перебежала на крыльце Хижняков.

Их огромная комната тоже залита розовым светом. Окна открыты настежь, рассада теперь высажена в грядки. Елена Денисовна уже вернулась с работы и ошипывает уток у стола, заляпанного кляксами чернил, где мальчишки готовят уроки. Ее пестрый фартук и белые руки до рукавов, закатанных выше локтей, облечены итическим пухом. Даже на лбу и на румяном подбородке светлеют пушинки.

— Что же вы не позвали меня? — сказала Ольга с упреком.

Она сняла с гвоздя свой фартук, подсела к столу, выбрав самую крупную утку, и начала ошипывать с нее сизое оперение.

— Ну, какова дичь? — весело спросил Иван Иванович, входя вместе с Хижняком в квартиру (это они, двое, охотились на зорьке, отстреливали на ближнем озере селезней, одиноких в начале лета).

— Хороши. Точно домашние! — ответила Елена Денисовна, взвешивая на ладони тяжелую птицу.

— А вот маленький! — сказала Ольга, посмотрев на мужа, явно довольного проведенным днем.

— Это чирок, — пояснил Иван Иванович.

Он прошелся по комнате, глянул на забытое гаданье, разложенное женой Хижняка:

— Елена Денисовна, а какой я?

— Лучше всех... — отозвалась та, доставая с полки кастрюлю.

— Нет, по масти, по картам?

— Трефовый король.

— Трефовый? Скажите пожалуйста! И король! Не хотите ли вы попросить о чем-нибудь короля?

— О чем же, в самом деле! — Серьезно произнесла Елена Денисовна. — Разве ведро воды попросить...

вич присел рядом на край колодца. Словно впервые увидел он ясную очерченность ее лица, обрызганный родниковой водой и влажного, и, казалось оттого, еще более яркого.

— Славная моя женка! — сказал он, любуясь ею. — Честное слово, обойди шар земной, не найдешь лучше!

— Где уж найти! — ответила Ольга с ласковой усмешкой и слегка отстринилась: кто-то шел, приближаясь по аллейке за кустами ив.

Одним удачным движением она подцепила ведро, подтянула его и, перехватив свободной рукой, выпрямилась.

— Вот как мы! — пошутил Иван Иванович, помогая ей перенести ведро через сруб колодца.

Оба они повернулись при этом и одновременно увидели проходившего возле них человека.

— Здравствуйте! — сказала Ольга. — Ваня, ведь это Борис Андреевич Тавров.

— Добрый вечер! Рад познакомиться, наслышан о вас очень, — произнес Иван Иванович.

— Правда, добрый вечер, — ответил Тавров, лишь мельком взглянув на Ольгу. — И mestность у вас удивительно красива! — Он протянул руку Ивану Ивановичу и, заливвшись ярким румянцем, улыбнулся. — Я тоже много слышал о вас, когда работал раньше в соседнем районе, а по дороге сюда от вашей жены. — И он обернулся к Ольге, по-почему-то холодно.

Иван Иванович смотрел на него все с большим доброжелательством.

— У нас вечером жареные утки будут, — сообщил он. Найдется и коньячок. Приходите к нам. Мы тут живем просто и дружно... В своей компании, конечно.

24

Иван Иванович и Ольга спустились к роднику вдвоем, как в первый день ее приезда.

Ольга оперлась рукой в край низкого сруба и наклонилась над колодцем. Упавшие с плеча волосы мягким крылом завесили ее лицо. Она почерпнула воды, успев рассмотреть каменистое дно, и быстро выпрямилась, но мокрая дужка выскользнула от резкого рывка из ее пальцев.

— Что, Оля? — спросил Иван Иванович, оборачиваясь на шумный всплеск.

— Я утопила ведро! — сказала Ольга, смеясь и отряхиваясь.

Она присела на колодезное бревно и палкой, похожей на багор, стала ловить дужку ведра.

В заходившей кругами воде заколыхалось отражение зеленых ветвей и в просветах между ними красноватое небо, а у стеки сруба задрожали блеклыми белое платье и светлые волосы и протянутая голая рука с пальцами-удочкой.

— Так я, маленькая, однажды «ловила рыбку» в какой-то яме, — промолвила Ольга, задумчиво улыбаясь. — Вот так же тепло было и свежо, пахло влажной землей и зеленью... Тогда дождь прошел, и я убежала из дома босиком... До чего же приятно показалось мне бегать по лужам! А потом меня отшлепали в первый раз в жизни. И я плакала навзрыд не потому, что сильно побили, а потому, что жалела испорченное развлеченье. Смешно, правда??

Ольга умолкла, прислушиваясь к просветленным лицом к широкам уходящего дня.

«Как хорошо быть молодой, здоровой, любимой! — прозвучал в ее душе жизнерадостный взгляд. — А сколько еще прекрасных дней впереди!»

Даже то, что никуда не надо спешить, ни о чем не надо заботиться, — вызвало у Ольги чувство радостной и нежной признательности ко всему.

— Ну как? — поинтересовался Иван Иванович. — Может, помочь тебе?

— Нет, я сама! — ответила она, но не шевельнулась, завороженная полнотой открывшихся ей ощущений.

— Я тебя очень люблю! — сказала она серьезно, обращая на мужа открытый взгляд. — Когда у нас снова появится ребенок... нет, я в самом деле согласна иметь их полдюжины!.. Тогда мы будем очень, очень счастливы.

Взволнованный ее глубокой искренностью, Иван Иван-

25

Ольга решила заняться домашним хозяйством по настоящему.

— Я сама стану готовить обеды, — заявила она мужу. — Мне просто стыдно, что мы эксплуатируем Елену Денисовну, у которой и так хлопот полно рот. Невелика премудрость сварить суп да поджарить котлеты.

— А может быть, в столовую... — нерешительно возразил Иван Иванович. — А то ты опять начнешь упрекать меня...

— Ну вот еще! — сказала Ольга, осердясь.

Павла Романовна, забежав к ним на следующее утро, застала Ольгу в разгаре хозяйственных действий. На кухне все блестело чистотой, огонь пылал в печи, стол был занят кастрюлями и пакетами, а Ольга с необычно раскрасневшимся лицом, в белом фартуке и туго повязанной косынке, под которой исчезли ее пышные волосы, сидела в раздумье с поваренной книгой в руках.

— Что это значит? — спросила Павла Романовна, осматриваясь с таким любопытством, точно попала в лабораторию. — У вас будут гости?

— Нет, у нас теперь всегда так будет, — произнесла Ольга.

Ее почти торжественный тон и вид рассмешили Павлу Романовну.

— Бросьте, милочка! — сказала она бойко. — Ведь у вас не семеро по лавкам, чтобы погибать возле плиты. Это даже как-то несовременно...

— Я и не собираюсь погибать, — ответила Ольга,

отмечая закладкой нужное место в книге. — Просто хочу использовать свободное время. Вот вспомнила, что Ивану Ивановичу нравились раньше миндальные пирожные. Почему не доставить ему такое удовольствие?

— А сумеете? — спросила Нава Романовна, однако тут же добавила глубокомысленно: — Чем меньше миндальничать с этими мужественными созданиями, тем лучше.

Ольга промолчала, занятая деловыми расчетами:

«Сахару, муки, масла...»

Суп уже кипел, мясо тушилось в духовке. Уроки Елены Денисовны не пропали даром.

Ольга хлопотала с таким увлечением, что Пава Романовна тоже взялась помогать ей чистить орехи:

— Мне самой не терпится, если можно отведать сладкого.

И полетели дни. В конце недели Ольга объявила:

— Кажется, я выдержала испытание на хозяйку. Иногда пересолю, иногда пережарю, но в общем, дело идет.

— Может быть это Иван Иванович выдержал испытание! — пошутил Логунов, запедший с Тавровым после работы.

— Похоже, вы напрашиваетесь на обед! — сказала Ольга с вызовом от некоторого смущения. — Что же, пожалуйста! — храбро добавила она.

Волосы, запросто подобранные в пучок, не закрывали ни ее ушей, ни гладкой, словно выточенной шеи.

«Вот я какая! — казалось, говорило каждое движение Ольги. — Что же поделаешь, если такая хорошая уродилась!»

Логунов смотрел на нее с веселым расположением, Иван Иванович ласково, Тавров — чуть угрюмо. Они сидели за столом и спорили до хрипоты об организации труда и дисциплине на производстве, пока вмешательство Ольги не напомнило им о времени.

— Значит, вы посвятили себя служению домовому? — спросил Логунов, наблюдая, как она расставляла на белоснежной скатерти обеденные приборы и тарелочки с закуской.

— Частично. Но вы знаете, я хотела заниматься хозяйством между прочим, а получается наоборот: теперь я так занята, что мне даже учиться становится некогда. И странно: мне нравятся эти хлопоты. Я, например, уже со спортивным азартом закупаю разные разности.

«Вот с них все и начинается! — подумал Логунов, недобritoельно глянув на Ивана Ивановича и тут же представив, как бы был бы счастлив он сам, если бы Варвара так же трогательно заботилась о нем. — Нам приятно, чтобы за нас ухаживали, и ради мелкой, эгоистической радости мы иногда незаметно губим своих подруг!»

— Я говорил Оле, чтобы она не тратила время на возню с кухней, — серьезно сказал Иван Иванович, как бы угадывая мысли Логунова. — Она не слушается, но в выходной день я просто не разрешаю ей заниматься этим.

— Что же, голодовку объявляете? — смеясь глазами, спросил Логунов.

— Нет, заказываем в столовой или довольствуемся подогретыми обедами.

— А я с тем и пришел, чтобы отбить вас от кухни, — сказал Логунов, обращаясь к Ольге. — Бросьте вы это дело! Еще никто не оценил домашнюю каторгу, на которую по доброй воле обрекают себя женщины. Мы организовали кружок для изучения иностранных языков. Все взрослые, серьезные люди и раньше уже занимались не-

множко. Немецкий будет преподавать Сергутов, он язык знает отлично, а англичанку никак не найдем. Та, что преподает в десятилетке, не соглашается: слаба здоровьем и... у нас бесплатно. Если бы вы согласились?.. Как общественная нагрузка. А? И для вас хорошо иметь практику, ведь языки так быстро забываются.

Ольга посмотрела на Ивана Ивановича: должно быть, он сам подсказал Логунову это предложение после недавнего разговора с цю.

— Хорошо, — решилась она. — Конечно, мы не имеем права забывать... Как вы думаете, Борис Андреевич?

Тавров, до сих пор сидевший молча, скромно улыбнулся:

— Я уже высказывал вам свое мнение не однажды. Если угодно, могу повторить и сейчас, но вряд ли оно доставит вам удовольствие.

— Угодно! Высказал! Доставит удовольствие! — передразнил его дружески Логунов. — Что за обращение, когда нужно приобрести нового активиста?!

— Все против меня, даже Пава Романовна! — неожиданно грустно промолвила Ольга. — Все умнее меня!

26

Первое занятие кружка прошло, как говорится, комом, и, приедя домой, Ольга долго не могла отделаться от чувства неловкости.

— В следующий раз я все поведу иначе, — сказала она, привычно растапливая плиту. Ей очень нравилось, когда огонь дружно охватывал поленья, и она постояла немножко, протягивая к нему ладони, наслаждаясь его еще не жгучим теплом.

Ребяташки и старики любят сидеть у огня... Как хорошо, если бы на свете не существовало подлых болезней вроде скарлатины: на днях Леночке испоптилось бы семь лет. Нынче она пошла бы в школу.

Вот она совсем крошка... Маленько, бессмысленное существо, но сколько чувств и переживаний было связано с ним! До ее появления Ольга даже не представляла, как все сложится. А потом куда бы она ни уходила, что бы ни делала, а думала только о том, что творится дома. Постоянное ощущение тревоги и связаннысти.

— Но до чего приятно было так волноваться! — промолвила Ольга, вспоминая, как однажды баюкала дочь, как та приоткрыла глазки, выпростала ручонку и, вынув соску-пустышку из маленьких губок, сунула ее в рот своей молодой маме, как будто говоря этим: посии и ты немножко...

От плиты уже тянуло жаром. Надо разогреть обед, вскипятить чай. Потом потянулись минуты ожидания, из минут складывались часы, а о муже ни слуха ни духа. По телефону ответили, что он очень занят. Ольга несколько раз переставляла кастрюли, просматривала свои тетради, бралась за книги и снова звонила.

Наконец она не вытерпела, одела накидку и, заглянув еще раз на кухню, отправилась в больницу.

Ей дали белый халат и докторскую шапочку.

«Неплохо сделать такой наряд для дома, — отметила она про себя, охорашиваясь перед зеркалом. — Настоящий повар!» — И пошла по коридору быстрой, решительной походкой.

Прекрасная больница, завидная для любого областного города. Ольга уже не раз осматривала ее: свето- и водолечение, рентгенотерапия, обещают даже грязевые ванны. Иван Иванович знал, куда ехал!

Ольга направилась прямо в его кабинет, потом в ординаторскую заглянула и в операционную. Ивана Ивановича нигде не было.

— Он еще не ушел домой, — сказал Хижняк. — У нас сегодня несчастье случилось. Тот маленький хлопчик Юра упал с кровати и ногу сломал. Ненормальная хрупкость костей. Вот Иван Иванович и укладывал его опять в гипс. Оба расстроились, да и мы все расстроились. Ну, и сидят, наверно, вместе.

Хижняк довел Ольгу до предполагаемой палаты, сунулся в дверную щель и, обернувшись, погрозил согнутым пальцем. Ольга подошла, тихонько ступая, и тоже посмотрела. Широкая спина Ивана Ивановича, сидевшего у ближней к двери койки, заслоняла лицо его собеседника. Слышался только тоненький ребячий голос, слабо перекликавшийся с мужским басом.

— Как же это ты, дружище, ходить еще не научился, а ногу сломал?

— Это я вот так... двигался... двигался...

— В кровати?

— В кровати.

— Ну и что же?

Подавшись вперед, Ольга увидела на подушке широконькое лицо и вздернутый носик, вдруг покрасневшие.

— Ну, вот двигался, двигался... сломал.

— Ох и дипломат же ты! — сказал Иван Иванович и тихо, но добром, рассмеялся. — Наверно, тебе кто-нибудь помог упасть. Ну, ладно, оставим это. Не хочешь говорить — не надо.

С минуту оба молчали.

— А теперь мне опять долго лежать? — спросил мальчик.

— Да недельки две-три.

— Долго-о как!

— Ничего! Теперь все-таки меньше тебе придется болеть. Вот будто шел ты домой, целый год шел, совсем уже близко осталось — уж во двор начал входить, да поторопился и в воротах расшибся. Лежишь во дворе: дверь рядом, а войти не можешь.

— Правда, я поторопился...

Ольга осторожно отошла. Странное чувство, похожее на ревность, шевельнулось в ее душе. «Скорее здесь у него настоящий дом», — подумала она. — Находит же он время для чужого ребенка, сидит с ним, как отец, а о жене забыл, пусть она на кухне с кастрюлями возится, пусть ждет. Даже не позвонил. А вчера его вызвали в больницу ночью: тоже с кем-то плохо стало после операции, и все утро он был, как чумной...»

— Отходили, — дошел до ее сознания голос Хижняка, следовавшего за ней по коридору. — Три дня назад удалили опухоль из мозга приезжему шахтеру, все обошлось хорошо, и вдруг температура, резкое ухудшение общего состояния. Иван Иванович всегда говорит сестрам и санитаркам: «Смотрите, голубушки, хорошенечко за тяжелобольными! Наше дело прооперировать, ваше — вылечить». Ну и стараемся. А сам он переживает и за нас и за наших пациентов. Взять хоть с тем шахтером, когда ему плохо стало... Вся же ответственность на хирурге. Тем более,

дело здесь новое. Тут что он не передумает: правильно ли сделал? все ли сделал, не упустил ли чего...

— Денис Антонович, — сказала Ольга, резко останавливаясь. — А его самого кто будет беречь? То у него совещание, то лекцию читает... Он сегодня опять не обедал! Об этом ведь тоже надо подумать!

— Обязательно. Да случай-то какой дурной! Сейчас я позову Ивана Ивановича. Есть у нас одна санитарка — золото, а не женщина, да занята сегодня в послеоперационном, там уход за больными, тоже как за детьми малыми.

27

— У вас все получается вкривь и вкось, — сказал Тавров, глянув через плечо Ольги на эскиз декорации, который та делала по просьбе Павы Романовны.

— Как умею! — неохотно ответила Ольга.

— Вас же учили черчению в машиностроительном институте!

Ольга взглянула на него сердито, но его загорелое лицо, освещенное улыбчивым блеском голубых глаз, было так ясно, что она только вздохнула и, ничего не возразив, снова наклонилась над рисунком.

— Если бы она захотела, она могла бы стать и чертежником, — сказала Пава Романовна, подсаживаясь на ручку кресла, в котором сидела Ольга. — Она умеет выводить всякие шрифты, хотя почерк у нее препротивный!

— Если бы захотела... — тихо повторила Ольга, подчищая резинкой неровно проведенную линию. — «Выводить» шрифты, имея препротивный почерк, — уже принуждение, — добавила она, откладывая свисшую на лоб светлую прядку и глянув снизу на Паву Романовну.

— Вы беспокойное дитя. Вы сами не знаете, чего хотите! — ответила та, обнимая ее за плечи и одновременно ласково улыбаясь Таврову.

Ей очень нравился этот молодой инженер. Правда, он не умел говорить комплименты, смущался, когда она подсовывала ему руку для подскуя, но зато был начитан, смеял в спорах, уверен в себе, когда дело касалось его убеждений и работы. А Пава Романовна любила принимать людей незаурядных.

«Что общего между ними? — гадал он, когда Пава Романовна, словно избалованная кошечка, ласкалась к Ольге. — Одна пустая, взбалмошная бабенка, а другая... Да, какова же другая? По-моему, она умница и с большим характером, но почему они ладят?»

— Шахматы? Опять шахматы! — жалобно вскричала Пава Романовна, увидев клетчатый ящичек в руках Таврова. — Клянусь честью, я выброшу их когда-нибудь за оконшко!

— Ну что же, сыграем! — говорила обычно Ольга, не обращая внимания на суетню Павы Романовны.

Но в этот день она не стала играть.

— У меня дурное настроение сегодня, — сказала она, вытирая комочком бумаги пальцы, выпачканные графитом. — Я ничего больше не хочу и ухожу.

Тавров, отвечая невпопад на вопрос Пряхина, видел краем глаза, как она сходила с крыльца, как, пройдя по дорожке, отбросила нетерпеливым движением затвор калитки... Она никогда не разрешала провожать себя.

— Мне тоже пора, — сказал Тавров, чуть погодя. — Меня сегодня ожидают на руднике у Логунова.

Дурное настроение Ольги было связано с обидой, которую нанес ей Иван Иванович в тяжелую для него минуту. ...Забылась история с санитаркой. Больница получила дополнительное оборудование, в том числе прибор для диагностики и электроотсос — предметы неотступных мечтаний и хлопот Ивана Ивановича. Особенно его порадовал приезд нового, очень опытного глазного врача.

— Это лицо, совершенно необходимое при установлении диагноза черепномозговых заболеваний, — сказал он Ольге, представляя ей немолодого, плотного человека, с зачесанными назад густыми волосами. — Иван Нефедович Широков. Как видишь, тезка, а главное, единомышленник по вопросам медицины.

— Да, теперь здесь почти полностью укомплектовано пейрохирургическое отделение, — шутливо заметил Иван Нефедович, пожимая руку Ольги. — Ведь первые болезни, как это установил у нас в своей практике Николай Нилович Бурденко, требуют комплексного изучения и лечения. Значит, нужны врачи самых различных специальностей. А вы как? С нами или против нас?

— Она никак! — отмахнулся Иван Иванович, обрадованный случаем поговорить со специалистом, только что приехавшим из центра. — Училась в медицинском и сбежала.

— Вовсе не сбежала, а просто ушла, раз это мне не подходило.

— Почему же не подходило? — ревниво вступил Иван Нефедович. — Медицина такое широкое поле действий, что на нем может найти себе поприще человек любого склада. Мужество, воля, точный глаз, послушная, гибкая рука — идите в хирургию; терпеливость в наблюдении, умение делать выводы о больном, построенные на тончайших деталях его поведения, — готовьтесь стать психиатром или невропатологом. Может быть, у вас больше развито эстетическое чувство, любовь к пластике красивого и здорового тела, — валийте на лечебную физкультуру, готовьтесь стать тренером мастеров спорта. Мало вам этого? Есть еще детские болезни, где врач может с особенной полнотой проявить свою гуманность, если он ею обладает. А общая терапия? Блестящая диагностика универсала — знатока человеческой машины?.. Подвижность, ежедневный подвиг повсеместного служения. Да что говорить! Я уже не упоминаю о научно-исследовательской работе.

— А о вашей? — серьезно спросила Ольга.

— О моей? Врачи-глазники еще ждут поэта. Мы все знаем: свой глаз — алмаз. А знаете ли вы хотя бы то, что такое зрачок, вот эта словно дышащая, казалось непроницаемо-черная точка в глазу? Известно ли вам, что с помощью особого аппарата я могу заглянуть в нее, как в замочную скважину?..

— Что же там можно увидеть?

— Я увижу глазное дно, ровное красное поле и в центре его светлый кружочек полуovalной формы — сосок зрительного нерва, входящего в глазное яблоко. Это единственное место нервной системы, которое можно увидеть без операции. Строение зрительного нерва с его оболочками однотично с мозгом, и оттого глазное дно иногда позволяет видеть болезненный процесс в мозгу. Особенно при повышении внутрчерепного давления, которое дает застойные явления в зрительном нерве, когда он теряет четкость очертания и становится как будто размытым.

— Застойный сосок... — произнесла нерешительно Ольга, смущенная и заинтересованная.

— Именно! — весело подхватил Иван Нефедович. — Вот пункт, направляясь от которого я могу держать контакт с пейрохирургами. А вы сказали насчет отношения своей супруги к медицине «никак», — обратился он к Ивану Ивановичу, который слушал его, понимающе помсиваясь. — Я вижу — она в курсе наших понятий.

28

У машинистки приспособленного управления, пожилой, довольно рыхлой женщины, с весны страдавшей головными болями, ослабело зрение и появились странности в поведении.

— Я пришла домой, прошу у нее денег, чтобы сходить за хлебом, а она ничего не понимает, забыла, что такая сумка. Села на стул и смотрит, смотрит... — плачет рассказывала в поликлинике ее десятилетняя дочь Любушка. — Я спросила: ты чего, мамочка? Зачем ты так шутишь? А она меня не узнает, говорит и все слова навыворот. И я тоже ее не понимаю. Потом ей стало казаться разное... Скажет: «Вот какая музыка хорошая играет!» А радио молчит. А то вскочит: «Почему под столом собака тявкает?...»

Женщину положили в больницу, сделали исследование и установили, что у нее большая опухоль в левой лобновисочной области.

Готовясь к очень длительной операции, Иван Иванович не раз продумывал и взвешивал данные диагноза, припомнить споры врачей при обсуждении больной, все анализы, прикидывал, с какого поля лучше подойти к опухоли.

Когда он приближался к операционному столу, он вспомнил и о дочери больной, и о старой ее матери, живущей на Урале. От его действий хирурга зависела теперь судьба этих людей. Как неприятное обстоятельство воспринимался Гусев в роли главного ассистента. Но вот операционное поле — смазанная иодом, гладко прорбитая кожа головы, — окруженнное стерильными салфетками и полотенцами. Иван Иванович легко притрагивается к нему чуткими пальцами, обтянутыми желтоватой резиной перчаток, протягивает руку в сторону хирургической сестры, и она, Варвара, очень серьезная, передает ему шприц с новокаином. Операция начинается, и посторонние мысли Ивана Ивановича улетучиваются. Он страшно сосредоточен теперь и таким останется до конца операции, сколько бы она ни продолжалась: три часа, четыре или семь часов. Он оперирует стоя. Он работает обеими руками: левая помогает правой, правая левой. С одинаковой легкостью они обе выполняют его приказания: разрезают, вспринимают, вяжут узлы. Это результат его длительной большой тренировки. Здесь не то, что при резекции желудка, удалении аппендицса или вскрытии грудной клетки. Там действительно «поле», и если разрез сделан шире на несколько сантиметров, то это не имеет значения. А тут портальной величины костное окно в виде подковы, но дальше в мозг надо идти таким узким ходом, что еле помещается в нем самый тонкий инструмент. В глубине же, освещаемой погружной лампой — светящимся, мягко изогнутым шпательком, — может быть опухоль в несколько раз больше этого хода — и столько осторожности нужно при удалении ее отдельными кусками!

Вскрыта мозговая оболочка, опухоли на поверхности нет.

«Так и есть: внутримозговая! — думает Иван Иванович, — только бы не злокачественная!»

Точным движением шпателей он рассекает кору мозга и идет в глубину. Руки его работают с легкостью и гибкостью, поразительной для такого крупного мужчины. Они действуют как бы независимо от его неподвижного тела. Кажется — это два разумных самостоятельных существа. Есть еще поворот головы; губы произносят приказания, а взгляд все время прикован к ране.

С какой непостижимой ловкостью надеваются крохотные серебряные клипсы на устьица перерезанных крупных сосудов. Миллиметр за миллиметром продвигается из хирурга: операция продолжается уже третий час. И вдруг от неосторожности ассистента Гусева, нажавшего электроотсосом, что-то происходит в ране. Струя крови брызжет оттуда узким фонтанчиком и, окропив лица окружающих, заливает операционное поле.

Гусев сразу опускает руки...

— Я же предупреждал, что в наших условиях нельзя производить подобные операции! — яростно шипит он.

— Отойдите, прошу вас! — властно говорит ему Иван Иванович, с помощью Варвары и Сергутова останавливал кровотечение.

После нескольких томительных секунд хирургам удается обнаружить, поймать и зажать кровоточащий сосуд. Они осушают поле электроотсосом и тампонадой. Операция продолжается. Все глубже погружается шпатель: он ищет, исследует, превратясь в чуткой руке в нечто осязающее, и нащупывает... находит.

— Вот она! — произносит Иван Иванович, увидев, паконец, в глубине багровую массу опухоли, и впервые расправляет с некоторым облегчением. — Но, кажется, злокачественная! — горечею чути слышно шепчет он, всматриваясь. — Скорее всего, злокачественная!

Ловким движением он берет несколько кусочков опухоли, повелительным тоном говоря Варваре:

— Срочно на исследование!.. Смотрите, какие крупные сосуды подходят к опухоли, — продолжает он, обращаясь к своему молодому ассистенту Сергутову. — Тут все прослоило имп. Поэтому такая кровоточивость. Вот опять!..

Из глубины раны, освещенной изнутри погружной лампой, снова появилась кровь, заливая операционное поле.

— Электроотсос! Отсос! Свет дайте! Да что вы, в самом деле?!

— Тока нет, — отвечает курсант якут Никита Бурцев — Свет-то погас!

— Как... погас? — Иван Иванович взглядывает на стоящий за его спиной рефлектор, встречают головой, но лобная лампа тоже не действует... — Чорт возьми! Попшилите за монтером! Я не могу продолжать...

— Тампон с перекисью! — тут же говорит Иван Иванович Варваре, начиная действовать по возможности...

— Ну, что? — спрашивает он санитарку, входящую вместе с запыхавшимся Широковым.

— Короткое замыкание, — отвечают оба в один голос. — Через пять минут наладят.

Нарастающее нетерпение хирурга прорывается в сдержанном взглясе:

— Пять минут! Целая вечность! Я могу потерять большого! — добавляет он уже про себя, и в этот тяже-

лый момент помня о состоянии человека, лежащего перед ним на столе.

Проходит несколько минут мучительного ожидания.

Лицо ассистента Сергутова делается испуганно-сосредоточенным:

— Мозг становится напряженным. Повидимому начинается отек, — шепчет он.

— Вижу, — отвечает Иван Иванович. — Да что же нет тока?!

И в это время вспыхнул свет. С урчанием заработал электроотсос. Но у больной начался эпилептический приступ. Он продолжался две минуты...

— Меркузal! Сто грамм глюкозы внутривенно! — сказал Иван Иванович Никите Бурцеву, который теперь вместе с Широковым следил за общим состоянием больной. — Надо срочно остановить кровотечение.

Операционное поле удалось осушить, однако ход к опухоли так сузился от напряжения мозга, что заглянуть в глубину раны было уже невозможно.

— Давление?

— Двести. Сознания нет.

— Срочно зашивать! Костный лоскут придется удалить. Может быть, еще спасем жизнь...

Руки Ивана Ивановича работают с лихорадочной быстротой, но едва он успевает наложить несколько швов на кожу, как начинается второй приступ. Давление после него падает до пятидесяти, пульс почти не прощупывается. Наступает расстройство дыхания.

— Сделать камфору! Углекислоту! Кислород! Зашибайтесь вы, — говорит Иван Иванович Сергутову. — Я сам посмотрю больную. — Со страшной тревогой в душе заходит он с другой стороны стола, наклоняется, определяет давление и, как будто сразу потеряв интерес к больной, срывая перчатки, направляется неверным шагом из операционной, провожаемый сочувственными взглядами своих помощников.

29

— Она все равно скоро умерла бы, — сказал Гусев в ordinаторской, рассматривая анализ частицы, взятой при операции, — злокачественная опухоль, быстро растущая...

На этот раз Гусев чувствовал себя не очень твердо и избегал прямого столкновения с Иваном Ивановичем.

Зато Скоробогатов решил вмешаться в дело со всей серьезностью. Председатель месткома Хижняк не согласился с его мнением, но что значил фельдшер Хижняк?!

— Треугольник запрещает вам заниматься подобными операциями, — объявил Скоробогатов у себя в райкоме вызванному им хирургу. — Правильно ставит вопрос товарищ Гусев: не место здесь подобным экспериментам.

Иван Иванович выслушал, с трудом сдерживая возмущение.

— Я с вашим запрещением не согласен, — твердо возразил он. — Смертность у меня, как у нейрохирурга, ничтожно малая, а этот случай осложнен отеком мозга. Если вы станете мешать оперировать, мы напишем протест в обком партии.

— Кто это «мы»? — спросил Скоробогатов.

— Я, Сергутов, глазной врач Широков, наш невропатолог и Хижняк как председатель месткома; к вашему

сведению, у нас есть своя статистика, и люди, которых мы вылечили, есть.

В этот же вечер Иван Иванович перелистал последние журналы по вопросам нейрохирургии и перечитал, пересмотрел статьи по отеку мозга. Он с пристрастием проверял еще раз, все ли возможное было сделано им сегодня. Он припомнил свою практику в нейрохирургической клинике в Москве, представил, что в таком случае предпринял бы сам Николай Нилович Бурденко.

Да, это он, Бурденко, сказал однажды: «Тот, кто научится бороться с отеком мозга, будет королем нейрохирургии». Действительно, важнейшая проблема! Но в свое время и остановка кровотечения была неразрешимой задачей, над которой долго напрасно бились хирурги! А проблема наркоза? А борьба с заражением ран, открытие микробов и асептики!!

В конце концов, не найдя душевного облегчения, Иван Иванович пришел к выводу: он действовал правильно, но проклятая, глупая случайность...

— Может, и правда тебе надо действовать осторожнее, — сказала Ольга, тоже расстроенная.

Иван Иванович, ходивший по комнате большими шагами, остановился, точно налетел на неожиданное препятствие, и с минуту грозно смотрел на притихшую Ольгу.

— Ты еще!! Ты-то что понимаешь в этом деле?! — промолвил он со сдержанным гневом. — Вы уж с Павой Романовной занимайтесь своими пустяками и не лезьте, куда не следует.

— Разве я занимаюсь только пустяками? — сказала Ольга, с трудом удерживаясь от слез.

— А чем же? Кастрюльками да сковородками... Тоже деятельность!

Тут уж Ольга не могла вытерпеть и заплакала. Слезы, так и хлынувшие из ее глаз, словно погасили неожиданную злую вспышку Ивана Ивановича.

Он растерялся, потом ему стало стыдно.

— Милая моя! Прости, пожалуйста! Я же совсем не думаю о тебе плохо. Тяжело мне и больно очень, а тут ты попадаешь под горячую руку!

Воспоминание об этом все время угнетало Ольгу.

«Пнуд, как собачонку! — думала она, выходя из дома Пряхиных. — И правда, что я такое по сравнению с ним!»

День выдался светлый, но облачный и ветреный. Разорванные тени облаков быстро бежали по дороге, по глыбам камней, среди которых качались пучки высокой травы. Свернув на косогор, чтобы прямиком пройти к руднику, Тавров неожиданно увидел Ольгу. Она стояла вполоборота к нему и, придерживая парусивший на ветру подол платья и разлетавшиеся волосы, смотрела вдаль на дома поселка, на долину, заново открытую ею с этой стороны.

Засыпав шум шагов, она медленно повернула голову. Ничто не изменилось в ее лице, когда она увидела Таврова.

— Сколько баллов сегодня? — пошутил он.

— На воле около четырех... На душе буря.

— Что случилось?

— Да ничего особенного! — сказала Ольга уже с усмешкой. — Буря в стакане воды. Нет, в самом деле ничего, — продолжала она, присаживаясь на камень, но опу-

щенный взгляд ее с минуту оставался задумчиво неподвижным.

Тавров ожидал терпеливо.

— Садитесь! — пригласила она, точно впервые заметила его. — Садитесь же! Представьте: вы у меня в гостях. Или нет, это я у вас в гостях: эти горы — ваши владения. Свои, с той стороны, где больница, я уже облизала. Мне здесь все нравится, не зря меня тянуло сюда. Теперь, когда свободна, хожу и смотрю. Особенно хорошо итии по нагорному хребту, между небом и землей, и сознавать, что ты молод, здоров и можешь без усилия брать любые подъемы. Идешь и дышишь всей грудью, но иногда вдруг станет тревожно...

— Медведь померещится в кустах... — тихонько подсказал Тавров.

— Да, я уже пуганая! Раза два, правда, померещилось, а однажды — настоящий медведь. Счастье, что увидела его издалека, и у него не было настроения бежать за мной вдогонку. Но не это отравляет мои походы.

— А что же?

Ольга помолчала, преодолевая какое-то скрытое сомнение или недоверие.

— Плохо, когда приходит мысль... о незаслуженности такого отдыха.

— Почему вы думаете, что не заслужили его! Вы же скоро сдадите диплом на повариху!

Казалось, вся кровь бросилась в лицо Ольги, ресницы ее задрожали, и она отвернулась. Но Тавров, конечно, и не подозревал, как сильно могла задеть ее сейчас его добродушная ironия.

— Это занятие безусловно только переливание из пустого в порожнее, — проговорила Ольга с таким видом, словно обращалась к кому-то третьему, стоявшему между ними. — Если бы вы знали, как я жалею, что у меня нет ничего настоящего. Теперь я особенно поняла значение своей ошибки в прошлом. Могла стать врачом, геологом, механиком, кем угодно и... осталась ничем.

— Это звучит так, будто ваша жизнь уже кончена! — сказал Тавров. — А вы столько можете сделать, если хотите. Ну вот: вы любите ходить, поездки вас тоже не пугают, умеете прекрасно подмечать, делать чудесные сравнения и разбираться в событиях. Столько раз вы смущали меня своими фантазиями, и я думал: чего вам нехватает? Бродит скрытая душевная сила, беспокойство, не дает почиться на лаврах всеми уважаемой хозяйки дома. И вот вы мечтесь, ничего не доведя до конца, затратив массу времени и не испытав ни разу вкус самостоятельного труда. А почему бы вам не сделаться газетным работником? Для начала попробуйте писать маленькие заметки.

— Стать рабкором? — спросила Ольга недоверчиво и настороженно.

— Ох, какая вы! — произнес Тавров, которому ее восхищение показалось пренебрежительным. — Вы хотели бы сразу стать писателем?

— Даже не думала. Когда я приехала сюда и увидела, что здесь творится, какая здесь природа особенная, у меня, правда, промелькнула мысль... Мне стало даже обидно: почему никто не описал этого. Но чтобы мне самой заняться... Нет, о таком и подумать страшно!

— Да ведь я не советую вам написать целую книгу, — сказал Тавров серьезно. — Но стать хорошим рабкором вы сможете, если захотите. Ведь это тоже большое, серьезное

дело: газета служит миллионам людей. Занимайтесь, сколько угодно, изучением английского языка, преподавайте его в кружке, а прежде всего пишите в газету. Это даст вам живую связь с действительностью и целеустремленное занятие.

— Смешной вы, право! — произнесла Ольга, но лицо ее осталось хмурым.

— Почему смешной? Кажется, я догадываюсь, что вас смущает. Вдруг выйдет плохо, узнают... А вы напишите не для здешней районной, а для областной газеты. Для начала не под своей фамилией. Хотите, я вам тему дам для заметки? Когда я был в Укамчапе, мне пришлось разговаривать с редактором. В области интересуются сейчас новыми методами работы горняков. Напишите им о наших бурильщиках.

— Я же не знаю, как они работают!

— Пойдемте со мной на рудник к Логунову, он ждет меня сегодня. У нас с ним свои разговоры будут, а вы скажите, что просто так зашли, полюбопытствовать.

30

Логунова в рудничной конторе они уже не застали. Напрасно проходил Тавров «битый час», по выражению сменного мастера, Логунов ушел на правый фланг рудника.

— У нас там заложена вспомогательная выработка для вентиляции и выхода на поверхность, — говорил Таврову мастер, густобровый, чернобородый, немолодой с виду человек. — Теперь мы хотим предложить сбойку той выработки с центральной, чтобы потом начать подачу руды через один ствол. Вот об этом и должен состояться разговор у вас с Цлатоном Артемовичем. Так как мы ваши, можно сказать, поставщики по питанию фабрики, то и договоренность надо иметь определенную: сколько мы можем дать, сколько вы осилите.

— Правильно! — подтвердил Тавров, слушавший с большим интересом. — Не отрабатывать же две фланговые шахты на одном рудном теле. А какая предполагается проходка до сбойки?

— По пятьсот метров...

Сменного мастера звали Петр Мартемьянов. Он был и парторгом рудника. За большую бороду молодые рабочие называли его «дедушкой». Мартемьянов не возражал против почтительного, но не очень приятного обращения — дедушка так дедушка! Хотя иногда хитренъкая его усмешка и наводила собеседника на размышления: очень уж молодело тогда лицо сменного мастера. А собеседников у него находилось много. И темы для разговоров были самые разнообразные: как лучше организовать работу в бригаде, как максимально использовать твердые сплавы для бурения, почему Ганди против требования, предъявленного Англии Индийским национальным конгрессом, каковы условия перемирия, подписанного Гитлером и Французской делегацией в Компьенском лесу, обращались и по семейным, интимным вопросам. Даже сейчас, пока Мартемьянов разговаривал с Тавровым в конторе, служившей для рудника и раскомандировочной, к нему приходило по разным делам человек пять. С людьми он обращался просто, но вдумчиво, на месте разрешая вопрос и никого зря не задерживая. Это сразу расположило к нему Ольгу, и она благо-

дарно и обрадованно посмотрела на Таврова, когда он сказал:

— Мартемьянов, ты познакомил бы Ольгу Павловну со своим хозяйством, с народом. Она под землей «срода» не бывала и хочет знать, как добывается золото. Сделай милость, а я пойду искать Логунова.

— Пынче получили, — с гордостью сообщил Ольге Мартемьянов, показывая на переходящее Красное знамя. — У нас сейчас развивается движение за многостаночную работу, — это значит один бурильщик становится на три четыре перфоратора. Мало того, идет совмещение профессий: бурильщики делаются и запальщицами.

— А куда перейдут те рабочие, которые освобождаются? — спросила Ольга, на ходу затягивая потуже пояс спечовки.

Она чувствовала себя так ловко в брезентовом костюме, надетом прямо на платье, точно каждый день носила его.

Мартемьянов удивленно вскинул нависшие брови, услышав ее вопрос.

— Куда? Обратно на производство. Вот сбойку будем делать, — люди нужны; потом новые просечки начнем нарезать.

— Много здесь рабочих? — спросила Ольга, пока они ожидали у колодца подъемной клети.

— Коллектив добрый! А вот средств нам отпускают маловато. Все нажимаем на мобилизацию внутренних ресурсов. Особенно товарищ Скоробогатов нажимает по этой части... — Мартемьянов осекся, глянув в лицо Ольги, ярко освещенное снизу его фонариком, сверху — лампой рудничного двора, затем добавил: — Оно и правильно. Мы должны взять у себя дома, что только возможно, однако есть нужды, которые требуют... Устроить души и сушилку — раз? — он загнулся меньший палец на руке. — Перестроить водоотливное хозяйство: имеем четыре горизонта и на каждом водоотлив, а надо сделать один центральный водоотлив, ликвидировав многостепенность, — два? — Мартемьянов загнулся второй палец. — Заменить старые перфораторы новыми, усовершенствованной конструкцией — три?

Ольга согласно кивала головой. Ее радовало доверчиво-деловое отношение Мартемьянова, всерьез принявшего просьбу Таврова познакомить ее с подземными работами. Она совсем не знала, что такое сбойка, просечка, горизонт, центральный водоотлив, перфораторы усовершенствованной конструкции, но озабоченность горного мастера сообщалась и ей.

— Ну поехали! — сказал он, первый шагнув в подъемную клеть, возникшую в окне колодца.

Ольга вошла, и они разом провалились в сырую темноту, даже в ушах зазвенело.

— Не боязно? — дружеским тоном спросил Мартемьянов, зажигая свечу, потухшую в открытом фонарике огнем, держать свою гостью в потемках), но свеча опять погасла. — Ничего, сейчас будем на месте, — обнадежил он, и тут же клеть, звякнув обо что-то, впрямь остановилась в ярко освещенном окне нижнего этажа.

Здесь, на рудничном дворе, похожем на тот, откуда они спустились, Ольга тоже получила фонарик со свечей.

— Почему вы ходите с фонарями? — спросила она.

— Не во всех просечках есть электричество, — пояснил Мартемьянов. — А фонари открытые потому, что в золотых рудниках газа нет. У нас обращение с огнем свободное, не то, что в угольных шахтах. Но для большего удобства вводим иначе карбидные лампы.

И он повел ее по забоям, где оглушительно трещали станки-перфораторы; знакомил с бурильщиками, выбеленными каменной пылью, как мельники. Бурильщики готовили скважины для подрывных патронов, похожие на норки в сплющном камне. Иока Ольга присматривалась, Мартемьянов проверял на месте заправку буров и качество шлангов, по которым подавался сжатый воздух; спрашивал, не поступает ли в забои воздух пониженного давления. Попутно он поздравил одного рабочего с новосельем, другого обещал устроить на курсы.

«Разве легко ему было управляться с одним буром? — думала Ольга, следя за напряженными движениями забойщика. — А его потянуло на три, на четыре?! Как он сумел схватить ими, ведь рук-то у него не прибавилось! Значит, он за это время изучил технику, стал смекалистее, ловчее. Выходит: он сам переменился. О нем уже, наверно, написали в газетах... А что же я смогу о нем сказать? — сразу забеспокоилась Ольга, вспомнив совет Таврова. — Что я-то напишу?»

31

Оставив Ольгу с Мартемьяновым, Тавров направился на правый фланг рудника. Логунова он нашел возле вспомогательной выработки в обществе прискового маркшейдера. Они сидели рядом на плоской глыбе песчаника, издали похожие на мальчишек, укрывшихся для перекура, и оживленно разговаривали, разглядывая вариант проекта, предложенного Логуновым.

— Производственное совещание почти закончено, — сказал Логунов с шутливой укоризной, кося на Таврова из кристальными черными глазами. — Долго, долго заставляете ждать себя!

— Да, пришлось задержаться немножко, — ответил Тавров и, вспомнив причину задержки, радостно улыбнулся.

Он тоже сел на камень, заставил себя вслушиваться в поправки и предложения, высказываемые маркшейдером, но все время в его душе дрожал, теплился светлый лучик. Настороженный и даже испуганный взгляд Ольги, движение руки, которым она положила в карман платья свернутый лист бумаги, то и дело представлялись ему, оттесняя мысли о работе. Тогда он совершенно терял нить идущего разговора и словно дремал с открытыми глазами, охваченный ощущением благодарной влюбленности в Ольгу, в жизнь, в собственную, почти юношескую, чистоту.

— Нет, вы сегодня положительно никуда не годитесь! — услышал он слова Логунова, обращенные к нему. — Медведь вам на ухо напштал, что ли?

— Нашептал! — произнес Тавров, радуясь и этому вторжению в свои душевные переживания, и в то же время стыдясь неуместной отрешенности от волнующего всех, и его в том числе, вопроса.

— Вот здесь пойдет на сбойку передовой штрек, — сказал Логунов и, выпрямившись во весь рост, рубанул ребром ладони по направлению к руднику.

Тавров смотрел на него, привлеченный сдержанной энергией его движений; вспомнил попутно отзыв Ольги, что у Логунова душевная доброта связана с твердостью характера.

«А он, правда, добрый, по твердый очень, — думал Тавров, прислушиваясь больше к звучному голосу товарища, чем к смыслу слов, произносимых им. — Если бы он понял мое сегодняшнее настроение, интересно — порадовал бы он меня или отнесся сочувственно?..

Жест Логунова снова увел мысли Таврова к Ольге, ходившей в это время по подземным просечкам. Ведь она впервые спустилась под землю... Хорош же он, печего сказать! Привел женщину к колодцу глубиной почти в триста метров и опустил ее туда одну, с незнакомым ей человеком. Может быть, она ходит теперь там и дрожит от страха, а он думает, что правда сделал полезное дело, и, гримасничая, любуется собой.

Таврову стало стыдно и тревожно.

— Может быть, мы пройдем и по руднику, — сказал он.

Ольга нерешительно опустила руку в карман спечовки, куда переложила бумагу и карандаши, данные ей Тавровым. Записать бы хотя фамилию этого парня, который по-хозяйски расторопно и по-боевому азартно атаковал каменную толщу!

Но записывать она постеснялась, только решилась, перекривая пулеветную трескотню станков, спрашивать Мартемьянова о самом непонятном. Она едва поспевала за ним по запутанному лабиринту, где пахло землей, сыростью, деревом, то гниющим, то отдающим смолистой свежестью лесных порубок; иногда спотыкалась на досках настилов, стукнулась лбом о нависшее потолочное крепление, карабкалась по немыслимо крутым лесенкам в колодцах-переходах. Ей даже некогда было задуматься, намеренно ли Мартемьянов испытывал ее, как испытывают новичков некоторые кадровики старого цеха, или, влюбленный в свое дело, сосредоточенным мыслями на нем, он просто забыл о ее неопытности. Здесь скорее было второе, потому что там, где они задерживались, Мартемьянов не скучился на объяснения. Кроме того, Ольга выглядела очень молодо, и ему в голову не приходило, что гостья может устать раньше него. Поглощенный заботой о руднике, он вел ее и в новые, еще не закрепленные просечки, похожие на щели, и в мокрые передовые забои, где лил настоящий дождь и потоки черной в полуутяже воды струились под ногами.

Только напоследок, выведя Ольгу к подъемнику на рудничный двор, он взглянул на нее, вымачканную землей, с капельками пота на разгоревшемся лице, и, спохватившись, сконфузился:

— Извините, умучил я вас! Все-то не нужно ведь было: парочку забоев посмотреть бы да на-гора!

Ольга, взволнованная тем, что видела в шахте, покореная смелостью горняков, сказала:

— Нет, очень нужно! Я хочу написать... Хочу попробовать написать для газеты...

Мартемьянов улыбнулся, белые ряды зубов ярко блеснули в черной его бороде.

— Напишите! О наших ребятах стоит написать. Это же золото, а не люди! Сами золото. Только, пожалуйста, обо мне не поминайте.

— Отчего же? — поинтересовалась Ольга.

— Да что... — Мартемьянов повел плечами, словно ему бросили за воротник горсть песку, — другой раз такое придумают... Один стрекулист сочинил обо мне заметку в областную газету, когда я бурильщиком работал. Такой, мол, сякой, русоволосый шахтер один, дескать, все штампует и трамбует, да еще упомянул: с голубыми глазами. Меня после товарищи дразнили. Сами видите, какой я русый!

— А о ваших золотых ребятах можно так писать?

Мартемьянов покраснел.

— Зачем же? У вас, наверно, лучше получится: между нами живете. Я только к тому сказал, не люблю, мол, о себе читать. И насчет того, что я вам говорил о центральном водоотливе, тоже не пишите. Тут у нас вопрос очень спорный.

Тавров, выйдя вместе с Логуновым и маркишайдером на площадку рудничного двора, не сразу узнал Ольгу, обласченную в просторную брезентовую спецовку и шляпу-шахтерку.

— Мы прошли по вашему следу, — сказал он Ольге, радуясь ее оживленному, бодрому выражению, — но догнать вас оказалось невозможно.

— Да, мы побывали всюду, — просто ответила она и добавила, здороваясь с Логуновым: — Я не думала, что здесь так интересно!

— Вам понравилось? — спросил Логунов, невольно польщенный ее отношением к его мрачноватому, но действительно интересному хозяйству.

— Очень даже. Сначала мне казалось, будто попала я в древнее сказочное царство... Ходы пробиты в камне, по сторонам бревенчатые частоколы... Бежишь, согнувшись, с фонариком, и вот-вот распахнется чернота над головой, и небо откроется синее, в звездах золотых, крупных, как и полагается в сказке. Но вдруг сообразишь, что над тобой не просто чернота павлинего потолка, а сотни метров сплошной скалы и ты находишься в горном цехе. И тут же вынырнешь на свет большой дороги, где катятся по рельсам вагонетки с рудой, где все говорит о добыче. Чем ближе к забоям, тем напряженнее, будто к линии боя приближаясь. Станки трещат, точно пулеметы, и откуда-то из глубин взрывы доносятся. Даже холодно становится от волнения, когда подумаешь: идет борьба за новую красоту в жизни.

— Верно! — сказал Логунов, захваченный горячностью Ольги. — Золото, которое мы добываем, — хороший вклад в общее строительство.

— А какие люди в забоях, — продолжала она. — Сколько в них ясного горения, словно каждый носит в душе кусочек солнца. Ведь здесь, под землей, и польза пачче. И правда?

— Нельзя иначе, — повторил Тавров, и то, что недавно теплилось светлой искрой в нем самом, вспыхнуло с огромной силой.

«Я не ошибся в пей: толк выйдет, — подумал он. — Она прекрасно рассказывает и чувствует сильно».

Дома Ольга сменила платье, привела в порядок волосы и присела к письменному столу.

Иван Иванович уже приходил с работы: термосы, поставленные в ящике на кухне, прикрыты по-иному, на плитке горкой — грязная посуда. Он, видимо, поужинал и успел читать лекцию на курсах. Впервые она осталась довольна его отсутствием: ей нужно было собраться с мыслями, попытаться изложить на бумаге впечатления о руднике. Меньше всего она заботилась о том, что у нее выйдет: рассказ, очерк, просто газетная заметка. Лишь бы передать то, что поразило ее сегодня. Вспомнились школьные сочинения на заданную тему. Никто не предсказывал ей тогда ничего хорошего. С тех пор прошло много лет... Сомнение охладило на миг пыл Ольги, но тут же она вспомнила спокойную убежденность Мартемьянова: «Вы, наверно, лучше напишете». В самом деле, разве не сможет она, живя среди этих людей, написать в газету о том, как они работают? Ольга решительно обмакнула перо в чернильницу, однако чернила успели не раз высохнуть на нем, пока она собралась вывести первую строку...

Говорят: в рудниках темно и страшно... Да, там кое-где темновато, а местами мокро и низко (Ольга машинально притронулась к ушибленному лбу), но страха она не испытала. Возможно, если заблудиться одной в подземном лабиринте, то с испугом и напугаешься. А когда рядом Мартемьянов и шахтеры-забойщики, то надо все время смотреть и слушать, если хочешь понять тот глубокий смысл, которым пасынчена их работа.

Эти мысли проходили в голове Ольги как бы попутно; гораздо живее представлялись ей картины того, о чем она теперь писала: свет электроламп под землей, переливчато-серая руда, идущая к бункерам подъемников, дрожащие от яростного напряжения станки, врезающие сверла в сплошной камень забоев. Вот бурильщик, он же и запальщик, поджигает шинуры, ведущие огонь к зарядам взрывчатки, заложенной им в буровых скважинах...

«Человек «стреляя», врывается в недра гор, колеблет их, петропутые от начала мироздания, — писала Ольга. — Но ему нужно золото не для собственного обогащения и не для работодателя, а для того, чтобы и здесь и на другом конце материка расцветали сады, прокладывались пути-дороги, чтобы по всей стране были сыты, одеты и веселы люди. Бурильщик, который один управляет четырьмя стальными, ясно сознает свое движение к будущему. Наверно, это радует его, когда он подносит горящий факел к запальным шинурам.

Бот он стоит за далеким выступом подземного коридора, отирает потное лицо и слушает:

— Раз... два... три... четыре...

С грохотом взрываются заряды, забитые им в скважины. Каменная порода разлетается тяжелыми глыбами, осколками, светлой пылью. Взрывы гремят под землей, точно сабютуют его труду. Эхом раздается гул в дальнем конце рудника, и снова отголоски шумят, разбегаясь по просечкам.

— Раз... два... три...

Это «стреляет» в своем забое другой запальщик.

И так день и ночь в четыре смены. Только по шесть часов работают шахтеры. Ведь им надо жить и на земле, недра которой они тревожат...»

Ольга уже добиралась до конца своего бесхитростного повествования, когда в комнате раздались шаги и рука Ивана Ивановича легла на ее плечо. Ольга вздрогнула от неожиданности и с минуту блестящими шальными глазами всматривалась в лицо мужа. У нее был счастливо-занятой вид. Иван Иванович не видел жену такой с тех пор, как она кормила ребенка.

— Чем ты увлеклась? — спросил он, целуя ее. — Я пришел, меня никто не встречает... Кому ты пишешь?

Он попробовал взглянуть на листы, разложенные перед Ольгой, но та смущенно обеими ладонями заслонила их, однако, увидев упрек на лице Ивана Ивановича, сразу отвела руки от своего сочинения.

— Ты знаешь! — произнесла она жарким шепотом, обнимая Ивана Ивановича за плечи и засматривая ему в глаза. — Я пишу в газету, хочу стать газетным работником.

Иван Иванович удивленно поднял брови.

— Опять новое увлечение! А это что у тебя? — он осторожно потрогал липовую припухлость на лбу Ольги. — Кто тебя стукнул?

— Я сама стукнулась.

— Ну вот, еще первую вещь не написала, а уже пишку набила! — с ласковой насмешкой промолвил Иван Иванович, целуя ушибленное место. — Ты думаешь легкое дело — специально работать в газете?

«Почему он всегда обращается со мной, как с маленькой?» — обиженно подумала Ольга.

— Я не горюсь за легкими делами, — тихо сказала она.

— Тут надо, помимо таланта, иметь огромную волю к труду, — словно не заметив ее возражения, продолжал Иван Иванович. — Иначе получится богема. Ведь в нашем обществе немало еще и людей и пастроений отсталых. Вон Гусев... Не подписал письмо в обком. Дескать, это групповщина и направлена против райкома партии...

«Сейчас все переведет на больничные интересы!» — подумала Ольга отгорченно.

— Я же не собираюсь стать писателем, — сказала она, — но мне нужно настоящее занятие, и я с радостью буду работать хоть день и ночь, если почувствую, что напишу его.

— Вот то-то и оно, если почувствуешь! — ответил Иван Иванович. — На любом поприще можно быстро обнаружить свою никчемность, а в художествах (литературе в частности) столько бездарных людей путается всю жизнь. Тут особенно легко листить и себе и другим. Ты не сердись на меня, Оленька, за откровенность, я ведь только добра тебе желаю. Ну-ка прочитай мне, что ты написала!

Иван Иванович сел рядом на стул, облокотился и подготовился слушать. Несмотря на предубежденность, он заинтересовался. Трудно дать свое первое произведение на критику после такого предисловия, и в то же время Ольга почувствовала себя задетой за живое, не зная, что готовность, с которой она приняла этот своеобразный вызов, являлась естественным побуждением людей пишущих — иметь читателя и услышать его мнение.

— Я еще не совсем закончила, — проговорила она неуверенным голосом. — Еще буду переписывать... — и приступила к чтению.

Иван Иванович слушал внимательно, но лицо его тускнело и тускнело.

Сказать свое мнение об очерке (скорее всего это был очерк) он собрался не сразу. Ольга ожидала, опустив глаза, беспокойно и машинально вертела в пальцах бумажный жгутик. Она и не представляла, что необходимость получить оценку так взволнует ее. Иван Иванович медлил, охваченный глубокой жалостью. То ли волнение Ольги сообщилось ему, то ли сдерживала мысль о ее трудовой неустроенности, но у него просто язык не поворачивался высказать осуждение.

— Ничего! — сказал он, наконец, с притворной развязностью, отводя взгляд в сторону. — Попрактикуешься, пабъешь руку.

— Нет, ты скажи прямо! — попросила Ольга. — Я же не хочу, чтобы ты лястил мне!

И опять какая-то проклятая слабость притеснила язык Ивану Ивановичу.

— Ничего, Оля, — повторил он.

Наступило тягостное молчание.

— Ничего. Даже что-то есть, — пробурчал еще Иван Иванович. — Да-да-да, в этом рассказике что-то есть! оживление произнес он, обрадованный найденной формулировкой, но увидел подавленное выражение Ольги и покраснел до корней волос.

Он порывисто придинулся к жене, обнял ее:

— Не сердись, Оленька! Не понравилось мне. Рассуждения все... Ну, вот пишешь ты: «Человек «стреляя», врывается в недра гор». Ведь это же ни на что не похоже! Какой там «праздничный салют!» Риторика пустая. Зря ты связываясь с таким делом.

83

На другой день Ольга проснулась с тяжелым чувством похмелья: состояние полного самозабвения, в котором она находилась, пока писала свой первый и, наверно, последний очерк, давно прошло, но воспоминание и сожаление о нем остались. Тем большее саднило на сердце от жестоко отрезвляющих слов мужа, от стыда перед Мартемьяновым, которому она сболтнула о своем намерении написать о руднике.

«Вот и написала!» — подумала Ольга, повертываясь к стенке и зажмуриваясь, хотя уснуть снова не надеялась: Иван Иванович уже ходил по комнатам, собираясь на работу... Она не встала, чтобы проводить его, и даже притворилась спящей, когда он перед уходом поцеловал ее.

Все утро Ольга была в подавленном настроении, а когда подошло время обеда, решила уйти из дома. Одна мысль о неизбежном повторении вчерашнего разговора с мужем вызывала у нее чувство горечи. Пусть это хоть немножко забудется. Ему, конечно, легко забыть: у него столько дел! А сейчас, если он начнет вспоминать да еще подшучивать...

— Нет! Не надо! — сказала Ольга, накрывая на стол. — Пусть и обедает один, раз такое отношение!

Она положила возле прибора Ивана Ивановича записку, чтобы он не ожидал ее, и, надев сапожки, направилась к выходу, но на пороге замеднила, быстро вернулась, взяла свое злополучное сочинение и сунула его в бармаж-жакета.

«Прочитаю еще раз и позерву», — решила она, уже карабкаясь по скалам, заросшим лиственницами, мхами и редкими кустами кедрового стланника.

Ветер тихонько баюкал мягколапые, тяжелые кусты, и они сонно звенели иглами темной хвои. День выдался знойный. Нарисло. В небе точно шла неслышная отсюда канонада, и круглые белые облачка плыли в сплющивающей глубине клубами артиллерийских разрывов.

«Наверно, будет гроза, — подумала Ольга, переводя дыхание. — Небо напоминает поле боя перед атакой. Но я не видела здесь ни одной грозы. Сколько ни хмурится, а все кончится простым дождем...»

Мерно дыша, она легко брала подъем за подъемом. Вот и вершина! Как пусто здесь и как дико! Во все стороны тянутся безжизненные голыцевые хребты, сливаясь на горизонте волнисто-голубой дымкой. Печально сереет под солнцем узкая нагорная стежка, протоптанная зверем среди камней и кустиков брусины. Можно шагать по ней сотни километров...

Ольга опустилась на плоскую плиту слоистого сланца и с минуту спдела неподвижно. Ветер притих, и тайга внизу, за развалом скал, тоже точно замерла.

— Пусть я не сумела! — промолвила Ольга, нарушая тишину. — Пусть я только рассуждаю! Но ведь он не сказал мне, как надо сделать лучше!..

Она достала из кармана свернутые листки, начала читать вслух, и снова ее глаза заблестели от волнения. Может быть, пережитые впечатления дополняли картину, которую она силилась изобразить...

Шорох смятых в раздумье страниц заставил ее вздрогнуть. Да, вот они белеют в ее руке, словно крылья пойманного голубя.

«Если получилось неудачно, так ведь это первая попытка. Надо добиться, чтобы вышло хорошо. Я снова пойду на рудник, еще раз посмотрю и напишу по-другому».

Ольга бережно разгладила на коленях исписанные страницы, свернула их и положила в карман, затем поднялась с камня. В глазах ее отражалось и небо и золотые искорки солнца, но в них отражалась теперь еще и решительность.

Лицо дрожало Ольги около дома Пряхиных. Гроза опять не собралась, а просто из-за гор выползла серая громада тучи, заслонила небо и разом сбросила на землю частую белесую сеть. Вся окрестность наполнилась плеском и шорохом. Прохожие резво побежали по улице: побежала и Ольга, подгоняемая дождем, который так и сксал ее по плечам и не покрытой голове.

Несколько минут она стояла на крыльце, отряхиваясь и следя за движением ливня, хлеставшего по прикатанной дороге, по крышам домов, по кустам и травам, омытым до зеленого глянца...

Потом рядом стукнула створка окна, и Ольга услышала, как Пава Романовна сказала:

— Какой воздух — чистый озон, хотя это не гроза, а всего-навсего хорошенъкий дождь. В этой местности грозы бывают редко, к моему счастью. Ужасно боюсь молнии. А вы боитесь?

— Нет, — ответил Тавров. — Боюсь только ее воздействия на подачу электроэнергии для производства.

— Эх вы, рационалисты! — вздохнула Пава Романовна.

— А вы хотите, чтобы я тоже завешивал окна и двери и сидел в потемках? Что же в этом хорошего?

— Ну, хотя бы возможность побыть с приятным человеком, когда все дрожат от раскатов грома, — с оттенком лукавства проговорила Пава Романовна.

«Вот соблазнительница!..» — подумала Ольга усмехаясь.

Она сделала движение уйти, но осталась, невольно прислушиваясь, когда Тавров сказал:

— Я не люблю прятаться по темным углам...

— Не очень-то любезный ответ! — добродушно заместила Пава Романовна и, неожиданно выглянув в окно, увидела на крыльце Ольгу. — Вот вы где попались! Почему же не заходите?

Ольга вспомнила посещение рудника вместе с Тавровым, все его слова и открыла дверь. Пусть он не думает, будто она ничего не сделала!

— Я написала, — сразу сообщила она, здороваясь с ним, — меня это очень взволновало, но вышло плохо, несмотря на мое старание.

— А почему вы решили, что плохо? — спросил он, внимательно посмотрев на нее.

— Потому... — Ольга замялась, не желая говорить о мнении Ивана Ивановича. — Мне так кажется.

— Кому и о чем вы написали? — с любопытством спросила Пава Романовна.

— Хотела написать в газету, да пока не получилось, — ответила Ольга грустно, но все-таки с беспокойством проводила взглядом Таврова, отошедшего в сторону прочесть без помехи ее очерк.

— Ах, я так завидую писателям, вообще художникам! — процитировала Пава Романовна. — Они свободно располагают своим временем. А какой почет! И они могут иметь любые фамилии.

Ольга вспыхнула от стыда и досады, точно увидела себя в злой карикатуре.

«И зачем я зашла?!!» — подумала она с раздражением.

— Идите ко мне! — позвала ее Пава Романовна, устраиваясь с коробкой конфет на диване, заваленном грудой пестрых подушек. — Посмотрите отсюда в окно. Вид прелестный. Я хочу повесить на дверь бисерные шторы. И правда, сквозь них все видно, но зато очень нарядно. Бисер цветной и подобран в рисунок. Вы подходите... Перед вами экзотические цветы, листья, но шагайте смело: читы заколыхаются, заколыхаются, и вы незаметно пройдете сквозь этот блеск.

— Да! — рассеянно отвечала Ольга; руки ее вдруг озябли, и она потерла их перенным движением. — Это солнце проглянуло, — добавила она, с трудом уловив слова Павы Романовны. — Солнце... дождь идет... и оттого все блестело.

— А вы знаете: это неплохо! — сказал Тавров.

Обе женщины сразу посмотрели на него: одна с жаждным интересом, другая встревоженно.

— Вы ему верьте! — посоветовала Пава Романовна, по-своему истолковав хмурый вид Ольги. — Он совсем не склонен говорить дамам приятные вещи. Я уже убедилась, что он не беспокоится о впечатлении, которое производит.

— Ну, это когда как! — возразил Тавров шутливо и густо покраснев.

— Вот видите! — вскричала Пава Романовна. — Я же говорю! Страшно похож на вашего Ивана Ивановича: сказал, как отрубил, и тут хоть тресни с досады, ему все равно.

— Но я же не сказал пока ничего досадного! — возразил Тавров, чутко уловив выражение печали, промелькнувшее на лице Ольги при последних словах Павы Романовны, но не разгадав его причины. — Я сказал: очерк мне нравится, хотя здесь больше размышления автора. Для газеты потребуется усилить деловую сторону.

— Деловую сторону... — повторила Ольга. — Что же вам тогда понравиcь в нем?

— Написан свежо, а местами очень взволнованно... Только па руднике вы лучше рассказывали. Честное слово! Проще, сердечнее. Почему бы вам не написать так, как вы рассказывали? Тогда дойдет и до тех, кто, подобно вам, не бывал под землей. Это хорошая проба, но лучше переделать по-настоящему.

— Каким образом? — спросила Ольга.

— Нужны факты. Не маленькие, случайные, сухо поданные факты, а самые существенные. О них-то рассказать с таким же чувством, как о своих личных впечатлениях.

— Проникнуться? — напомнила Ольга улыбаясь.

— Конечно! Сходите еще раз на рудник к Мартемьянову. Да может быть, и не один раз... возьмите нужные цифры, фамилии рабочих... Вот у вашего безыменного героя (я догадываюсь, кто он) биография просто замечательная. Он уроженец Азербайджана, а здесь, на Севере, чувствует себя дома в полном смысле слова: из месяца в месяц побивает рекорды сибиряков, и семья его у нас на прииске освоилась. Большая, милая семья. Вам надо побывать у них. Когда вы его поймете по-человечески, вам легче будет написать о том, как он работает.

34

Яков Фирсов, вывезенный якутами с вольной старательской разведки, болел тяжело. Тело его, распухшее, не-подвижное, было покрыто багрово-синими пятнами: началось точечное кровоизлияние в мышцы, в кожу; все новые и новые пятна возникали на огромных руках рабочего-землекопа, на лице и широкой груди, распирившей ворот узкой больничной рубахи.

«Этакий богатырь... был», — подумал Иван Иванович, присаживаясь у койки, привычным движением отыскивая пульс больного. Тело у страдающих цыпгои словно сырья глина, и доктор с тяжелым чувством посмотрел на отпечатки своих пальцев над отекшим запястьем Фирсова.

Черная болезнь — цыпга! Иван Иванович вспомнил рассказы о том, как выбиравались с Чажмы артели старателей в тысяча девятьсот двадцатом году, когда на приисках случилась голодовка. Тогда цыпга уложила всех, и люди, пережившие зиму, спасаясь от смерти в темных, холодных зимовых, двинулись в путь почти ползком. Весна наступила ранним, педружным. Через горные хребты, через промерзшие болота, по кочкам, на которых ветер теребил обсохшую травяную ветошь, тащились калеки; прямо с кустов, по-медвежьи, обсыпывали прошлогоднюю бруслику и двигались дальше, навстречу первой зелени...

«В то время не было ни шоссе, ни машин, ни огородов, — размышлял Иван Иванович. — Чажма вообще счи-

талась цынготной местностью. А теперь? Осенью и даже зимой есть овощи. Питание улучшено. И все равно по веснам много случаев заболевания цынгой. Особенно среди выходцев с дальних приисков».

Доктор сидел на табурете возле койки, забывшись, не-отрывно глядел в занылившее отеком лицо Фирсова, но ни глаз его, ни распухших кровавых губ не видел, а только чувствовал его тоску, и боль, и покорную боязнь смерти. Гневное возмущение за эту покорность, за боль, которую нечем облегчить, все нарастало в душе Ивана Ивановича. Он не мог примириться с тем, что из его рук без борьбы уходил в пебытие человек.

На столике, у изголовья, едва вместились очередная порция усиленного больничного пайка: каша с маслом, тертые овощи, молоко.

«Все это хорошо. Но если больного доставят в таком вот состоянии, когда у него и от малейшего прикосновения языка свободно двигаются в своих луночках зубы и льется кровь из десен... — Иван Иванович вспомнил крупные, пепорочно-белые резцы Фирсова, вынутые санитаркой на хлебном мякише при первом кормлении, и болезненно нахмурился. — Вываливаются, точно бобы из лопнувшего стручка! Нет! Нужно думать о срочной помощи. Разве мы можем теперь, как раньше? Есть болезнь — должно быть и лекарство!»

Иван Иванович встал и, прикрыв краем одеяла неподвижные руки Фирсова, сведенные мучительной судорогой, молча двинулся к выходу из палаты. За ним потянулись врачи, сестры и практиканты-фельдшера.

— Ничего не слышно из области по поводу нашего послания? — спросил его встретившийся в коридоре глазной врач Широков.

— Пока ничего... — промолвил Иван Иванович.

— А вы не расстраивайтесь, коллега. Наше дело справедливое.

— Какое письмо получено сегодня по адресу больничного месткома! — оживленно вмешался в разговор подошедший Хижняк. — От студента Укамчанского горного техникума Петрова. Пишет, что пыльце перешел па последний курс и всю зиму шел отличником.

— Это тот, у которого мы удалили опухоль височной области, — сказал Иван Иванович, глаза его засияли. — Значит, учится?

— Просит местком выразить благодарность хирургу Аржанову и свой сердечный привет передает, — продолжал весело Хижняк. — А помните, он ни читать ни писать уже не мог...

— Я своих больных, которых оперирую, всех помню. Даже если операция была лет десять назад. Как встречу — сразу узнаю. Фамилию только могу забыть.

— Да, память у Ивана Ивановича завидная, — сказал молодой хирург Сергутов. — А вот билеты в театр второй раз в кинотеатре забывает. Опять пропали...

— Да все некогда. До театров ли! — ответил Иван Иванович. И снова помрачнев, представив себе выражение Скоробогатова, который еле здоровался с ним в последнее время.

— Держись, казак!.. — сказал Широков, сердито поправляя докторскую шапочку, всегда сидевшую боком на его жестких, густых волосах. — Вы мне, Денис Антонович, дайте письмо от студента. Пошли ему ерочную телеграмму, пусть побывает в обкоме, в облиздраве и других бывших

ваших пациентов с собой прихватят. Наглядное доказательство всегда хорошо действует.

— Дай-то бог! — полуслыша проговорил Сергутов, но пухлые губы его сложились обидчивой гримасой. — Наш Гусев теперь стал вмешиваться решительно в каждый пустяк. Кто-то распустил слух о том, что его снова сделают заведующим больницей. Тогда нам — молодым — крышка: он все заглушит.

Иван Иванович продолжал обход, переходя из палаты в палату в тяжелом раздумье. Кроме нового столкновения со Скоробогатовым, еще два вопроса волновали его сейчас: цынга и... Ольга.

Кто это внушил ей мысль писать в газету? Когда на другой день после чтения очерка он в шутку назвал ее сочинительницей, она вскрыла. Даже назвала его эгоистом и еще наговорила навесть чего. А теперь набрала в библиотеке книг, все очерки, читает и пишет, в свободное же время в бегах. Уже стороной Иван Иванович случайно узнал о том, как она с Мартемьяновым облизала весь рудник. Кажется, снова с ним встречалась. А мужу не говорит, где бывает, хотя скрытность не в ее характере: на днях сообщила, что отправила в областную газету уже четвертую заметку.

«Если бы серьезно, а то ведь блажь очередная, — с грустью думал Иван Иванович. Так он и Ольге ответил: его оскорбила до глубины души ее недоверчивая настороженность. — Как будто я мешал ей проявлять свои способности. Пусть пишет! Чем бы дитя ни тешилось... Но к чему создавать из этого семейную драму? Завтра с таким же пылом может увлечься астрономией... А тут еще цынга!»

— Проштрафился? — обращается доктор к старателью, лежащему вторую неделю после тяжелой черепной травмы.

Бывалый таежник, смущаясь, точно девочка, показывает на кончике пальца:

— Маленечко, товарищи...

— Зачем же вы нашу работу портите! — говорит Иван Иванович, угрюмо глядя на этот огрубелый палец. — Думаете, не узнаем, если вы украдкой выпьете? Нам мало того, чтобы снять вас со стола живым. И вам того мало: надо вернуться в первоначальное состояние. Вылечиться и работать.

Возле койки, на которой лежал недавно оперированный шахтер в повязке, окутывающей его голову словно белый шлем, Иван Иванович опять замедлил.

Пока он разговаривает с больным, Хижняк шепчетется о чем-то с Валерьяном Валентиновичем.

— Вполне достаточно! — говорит невропатолог в твердое, слегка оттопыренное ухо Хижняка и улыбается не без самодовольства.

— Спасибо! — отвечает Хижняк, успевая так тиснуть руку невропатологу, что тот крякает. — От всего месткома спасибо! Теперь мы свободно можем отправить Любушку на Урал к ее бабке.

— Какое местное средство существует в тайге против цынги? — спросил Иван Иванович у своих курсантов.

— Чем лечились раньше присковые рабочие? — пытался вспомнить он у горняков.

— Помогает оленяя печеница в сыром виде, — сказали эвенки и якуты.

— Надо есть чеснок и квашенную капусту, — посоветовали старатели.

— Спирт лучше всего, — сообщили старые таежники, не раз побывавшие в лапах цынги.

— Полезительны припарки из столярной хвои, — заявили мамки-стряпухи из старательских артелей. — Ягода тоже.

Иван Иванович задумался, припоминая известные ему случаи цынги на полярных зимовках, в тюрьмах, на пароходах дальнего плавания, в городах во время военной разрухи.

Конечно, эта болезнь не имела прямого отношения к доктору-хирургу, но, по его убеждению, не было в медицине таких областей, которые не касались бы и его попутно. Он интересовался всем. То, что северяне страдали от цынги, являлось для него глубоко личным и очень волнующим делом.

Что значит «цынготный район»? Будет ли цынга у жителя Поволжья, который получит рацион чажминского разведчика? Там цынга возможна лишь при страшном голоде, здесь сюда болеют и сытые люди.

Иван Иванович вспомнил прошлое... Детство, в дыму и копоти огромной железнодорожной станции, промелькнуло перед ним. Витамины! Озорная усмешка тронула губы доктора. Скачет по теплам черногорий оборванный мальчишка с волосами ежиком, подбирает то окурок, то корку хлеба... вдруг мчится от станционного сторожа, сходит врезается в горячую мальчишечью свалку: наши бывают! Дома встретит мать не лаской, не со сдобной булочкой: рука ее, огрубевшая от работы, щедра только на подзатыльники. Но маленький Ванька не обижается: насчет побоев он закален. Дома целая лесенка ребятишек и старше и младше его, также же бечко голодные галчата. Но цынги у них что-то не замечалось, хотя о витаминах и слуху не было. Месяц вся семья буквально голодала, когда Ваньку и его старшего брата устроили в училище (их надо было одеть, обуть). Старшему учиться не довелось: определили на работу, а Иван Иванович уперся и отстоял право на ученье. Отец-грузчик расправлялся с домочадцами жестоко и просто, но, удивленный стойкостью сынишки, стал на его сторону. Однако только революция командировала Ивана Аржанова на рабфак, а затем в Саратовский государственный университет. Учился он на собственный заработок, перебивался с хлеба на воду, помогая еще отцу, обремененному семьей. Трудно приходилось, и не до витаминов было, а цынги не замечалось. Почему же здесь?.. Не зря же его учили!..

Однажды, приди домой рано, Иван Иванович опять застал Ольгу у письменного стола. Но перед нею не лежали бумаги (теперь она все свои записи запирала на ключ в шкафчике), она просто сидела, подперев голову руками, и даже не обернулась на звук шагов Ивана Ивановича. Лишь по легкому движению ее плеч он угадал, что жена слышала, как он вошел.

«Расстросна», — подумал он, неожиданно проведя ладонью по ее лбу и пышным волосам.

Ольга приподняла лицо, и он увидел в ее глазах копившиеся слезы.

— О чём ты, Ольга? — спросил он участливо, и тогда слезинки готовно навернулись на большие ресницы и покатились по щекам.

— Что случилось? — повторил Иван Иванович уже тревожно.

— Не напечатали... — сказала Ольга сквозь слезы. — Только один... о бурлышниках, и то выбросили все, что я сама... Только факты!.. Осталось... от заметки... ну просто несколько строчек...

— Вот видишь! Я же говорил! — добродушно сказал Иван Иванович, тронутый искренностью ее маленького горя. — Такими вещами можно заниматься лишь попутно с основной работой. Я ведь тоже пишу в газету и о фельдшерских курсах и о больничных делах. У меня даже научные брошюры есть, но я совсем не стремлюсь стать профессиональным литератором... Каждый грамотный человек хоть раз в жизни что-нибудь сочинит, венную газету, да напишет...

Слезы Ольги сразу высохли. Она сидела, вся выпрямясь, и слушала, не перебивая речи Ивана Ивановича, пока он сам не заметил ее враждебного выражения.

— Опять обделась! — сказал он с горечью.

— А чего мне обижаться, раз ты не хочешь понять, — ответила она с небрежностью, за которой таился гнев. — Ты пишешь в газету, каждый грамотный!.. Ведь вы о своем любимом деле пишете, когда волнуетесь, болеете за него... поэтому у вас и получается «попутно». А я? О чем я буду попутно писать? У меня же ничего другого нет! И я плачу потому, что тоже хочу быть настоящим человеком и не могу легко примириться со своей неудачей. И не примирюсь! Пусть меня еще не напечатают. Десять, двадцать раз не напечатают. А я все равно буду писать.

— Это бывает, — сказал Ольге Тавров в гостеприимном доме Павы Романовны. — Вы правы: для того, чтобы достигнуть цели, надо больше работать.

Пава Романовна могла бы «поклясться честью», что Тавров влюблен в Ольгу: когда человек краснеет и бледнеет при одном упоминании женского имени, тут трудно ошибиться. Но сколько она ни прислушивалась, ничего такого, интимного, между ними не происходило. Они читали сочинения Ольги (которыми Пава Романовна искренно восхищалась, как и стихами Игоря Коробицына; она даже предлагала устроить более открытые обсуждения, листя себя мыслью о подобии литературного салона); рассуждали о музыке, театрах, политике, играли в шахматы. Иногда Пава даже завидовала возможности таких отношений, необычных, по ее понятиям, между мужчиной и женщиной данного возраста. Это было гораздо привлекательнее простого флирта, но и требовало от женщины чего-то большего, чем ловкое кокетство и уменье вести занимательный разговор. Каким образом можно удерживать влюбленного мужчину в границах серьезной, юношески чистой и преданной дружбы?

И сегодня, когда Ольга пришла очень расстроенная, он утешает ее, как старший товарищ.

— Всюду завистники и негодяи! — энергично заявила в свою очередь Пава Романовна, узнав о неудаче Ольги. — Ничего, милочка, вы не обращайте на них внимания. Если бы я могла так складно писать, я бы для собственного удовольствия сочила.

Слушая ее, Ольга почти виновато взглядала на Таврова, но тот относился к болтовне Павы Романовны снисходительно.

— Вот насчет завистников и негодяев — это вы зря хватили, — сказал он ей, рассеянно поглаживая баловницу-кошку, которая ласкалась к нему, мурлыча и толкая его мордочкой. — Просто газетные работники иногда пугаются вещей, написанных не по шаблону. Да и Ольга Павловна еще не научилась писать. Знаете, что я вам посоветую? — обратился он к Ольге.

Она сидела близко и так прямо посмотрела на него, что на мигуточку он потерял душевное равновесие. Однако открытый взгляд ее выражал лишь грусть и доверие... Тавров нахмурился, улавливая утраченную мысль, но рука его почти с бессознательной нежностью потянулась снова к кошке, свернувшейся рядом в теплый и мягкий клубок.

— В самом деле, пишите больше, чаще бывайте на производстве...

— Для собственного удовольствия, — пошутила Ольга. — Я, правда, нетерпелива: только начала, а хочу немедленного признания. Но теперь я не отступлюсь так просто. Чтобы стать хорошим механиком, нужно пять лет специального обучения, да практика... А работать в газете не менее серьезное дело. Значит, надо потрудиться...

— И научиться, — весело договорил за нее Тавров. — Напишите очерк о женщинах-националках, пришедших на производство в последние годы. Если не получится сразу, переделывайте, а когда понравится самой, — покажите мне. И второй — напишите вообще о Чажме...

36

— Не плачь, умница! — дрогнувшим голосом сказал Иван Иванович, задерживая в своей ладони узенькую руку девочки. Это была дочь женщины, умершей на операционном столе, школьница в дорожном платье — коричневом, торжественно понощенном, но с ярким белым воротником вокруг тонкой шейки, с туго заплетенными короткими косами... Слезы еще текли по ее лицу, розовому от горестного волнения, но она вытерла их левой рукой, тыльной стороной кулака, в котором был крепко зажат ремень кожаной сумки, затем вскинула на высокого доктора карие глаза, ясно блестевшие в мокрых ресницах, и произнесла:

— Я пришла сказать вам спасибо за деньги, за все...

— Полно, голубчик! — возразил Иван Иванович, очень расстроенный, стойко выдерживая взгляд осиротевшего ребенка. — За помочь надо вот Дениса Антоновича благодарить: да и никого не надо благодарить. Мы же обязаны помочь...

— Нет, не обязаны. Ведь вы же не виноваты в том, что случилось... — глаза Любушки опять налились слезами. — Мама так страдала от головных болей. Так мучилась!.. Просто не знала, куда девать свою голову. А губы искусывали в кровь, только бы не кричать. Какая уж это жизнь для нее была! — с интонацией взрослой, возможно с чужих слов, но с подлинной горечью, договорила девочка.

Отец ее утонул в прошлом году на Чажме, и после смерти матери она осталась одна.

— Вот доля хирурга! — сказал Денис Антонович Хажик, перебирая в комнате месткома аккуратные папки «дел». — За больного переживай, да еще родственники почти у каждого есть. О них всегда помнить надо!

— Хорошо, что нашлись попутчики до самого места жительства, — задумчиво отозвалась Елена Денисовна, забежавшая на минутку к своему председателю месткома. — Славная девочка, так жалко ее! Я бы с охотой взяла ее в дети.

Хижняк сразу встрепенулся:

— Чего же мы до сих пор думали!..

— Это ты думал, — сказала Елена Денисовна, любовно взглянув на мужа, — а я с ней разговаривала. И не только я — Ольга Павловна тоже. Им-то вовсе хорошо было бы взять ребенка, раз своих нет.

— Ну и как?

— Отказалась. К бабке хочет.

Синие глаза Хижняка заволоклись дымкой грусти.

— Вот осталась сирота, но у нас есть кому о ней позаботиться, и от государства пенсию получать будет, а сколько сейчас остается безнадзорных по белому свету в Англии, в Германии... Развязали войну проклятые господа, чтоб им провалиться!

— Люба похожа немножко на нашу Леночку, — говорила Ольга, шагая рядом с Иваном Ивановичем, — только ей десять лет, и не по годам развитая. Как старит горе!

Она взглянула исподлобья в лицо мужа и прикусила язык, вспомнив недавнее столкновение с ним по поводу его работы. В самом деле, какую большую ответственность берет он на себя по добной воле!

Иван Иванович не слышал последних слов Ольги, внимание его в это время отвлек присковый механик Игорь Коробицын.

На Игоря клетчатые очень короткие и широкие брюки, туфли на толстой каучуковой подошве и белая, заправленная под пояс брюк рубашка, похожая на кофту, с мелкой вышивкой и розовыми ленточками у воротника.

Глянув на эти ленточки, Иван Иванович невольно развеселился.

— Какой день! Какой прекрасный день! — торопливо заговорил Игорь, еще более худощавый под огромным козырьком сверхмодного кепи. — Иван Иванович, Ольга Павловна! Желаете пойти с экскурсией по горам? Завтра организуем большую компанию. Павла Романовна тоже примет участие...

Иван Иванович решил было отказаться, но, посмотрев на Ольгу, шутливо спросил:

— Пойдем, что ли?

— Если тебе хочется.

— Ну, конечно, — подтвердил Иван Иванович. — Ужасно хочется, — протянул он, глядя вслед Игорю. — Нарядился-то, нарядился! Серьезный работник, а с виду шут гороховый! Я чуть не фыркнул, когда рассмотрел его вязочки. Прямо как тот, который присаживал к Левиним. Помнишь у Толстого?.. Ну, еще Левин выгнал его?..

— Васенька Весловский, — подсказала Ольга. — Только ничего общего. Васенька походил на жирного поросенка, и ленточки у него были на шляпе.

— Нет, не на шляпе, — заспорил Иван Иванович. — Впрочем, сходство действительно не в ленточках, а в том, что я тоже выгоню этого когда-нибудь. Очень уж любезничает с тобой, — неожиданно закопчил он.

— Коробицын со всеми так, — сказала Ольга. — Зачем обижать его?

— Мы отправимся пешком, — приказала Павла Романовна. — Никаких велосипедов! Зачем они, если пойдем по горным хребтам? Доехать раньше других по шоссе? Это эгоистично.

— Есть все пешком! — весело произнес Игорь Коробицын. — Эгоисты, спешивайтесь! — и он первый покатил свой велосипед по дорожке к сараю.

— Многие на материке думают, что у нас на приске лишь старатели в широких шароварах, медведи да глухие тропы, — сказал Тавров, — а здесь асфальт, велосипеды. Даже пейрохирурги есть, — добавил он не шутя.

— Да, но и цынга еще есть, — в тон ему промолвила Ивана Иванович, посматривая на жену, явно огорченную решением Павлы Романовны.

Ему вспомнилась первая встреча с Ольгой: он возвращался домой после работы. На бульваре свежо зеленели деревья... Только что прошел дождь, и маленькие следы детей, бегавших по аллее, четко отпечатывались на влажном песке. Вдахая запахи молодой листвы и травы, Иван Иванович пересек бульвар. Звонок велосипедиста заставил его оглянуться. По улице быстро мчалась девушка. Загорелые руки твердо лежали на руле, ноги были стройны и тоже смуглы. Проезжая, она спокойно поглядывала по сторонам, повернувшись головой, и ее светлые волосы, следуя этим движениям, то отлетали, то снова падали на плечи, обтянутые белой майкой...

Улыбка удовольствия и гордости невольно тронула губы Ивана Ивановича при воспоминании.

— Пойдемте, — сказал ему Тавров, и они двинулись всей компанией, нагруженные кто рюкзаком, кто корзинкой с продовольствием.

— А почему же не пригласили Варю? — спохватился Иван Иванович, увидев Варвару, которая шла по улице вместе с Логуновым. — Платон Артемович, Варя, присоединяйтесь к нам!

— Мне сегодня некогда. Просто невозможно, — с сожалением сказал Логунов.

— А может, пойдем? — заговорила Варвара нерешительно. — Я отказалась вчера... У меня вся неделя была занята, и я отложила кое-что на выходной. Но сейчас мне захотелось отдохнуть. День такой хороший. — Глаза ее ласково обратились к Логунову. — Как вы думаете, Платон?

— Нет, Варя, я не могу. — Логунов покосился на Таврова и добавил вполголоса: — Ты сегодня непоследовательна: собираешься заниматься, а после обеда играть в теннис.

Варвара только тряхнула косами и сказала, уже присоединившись к уходящим:

— Не всегда же быть последовательной! Я очень устала за эти дни, а заниматься надо с ясной головой. На горах теперь привольно: и комаров, и злобных мышей разогнал ветер. Дедушка медведь, козы, олени, все уходят сейчас из долин на вершины.

— Жаль, что он не пошел с нами! — сказала Варвара Ивану Ивановичу, ловко перепрыгнув через обломок скалы. — Он славный, мой Платон Логунов. Правда, славный?

— Да, очень. Но почему ты говоришь: мой Платон? Разве выходишь за него замуж?

— Нет, я еще не решила. И, наверно, не решу. Но он любит меня, и я радуюсь...

Иван Иванович весело рассмеялся:

— Значит, ты тоже любишь его.

— Не смейтесь, — попросила Варвара. — Если вам смешно, то мне... мне совсем не смешно. Это — очень серьезное дело, — быстро добавила она, сломив мимоходом ветку кедрового стланика икусая острыми зубами молодой побег, пахнущий хвоей и смолкой.

— Ты словно коза, — заметил Иван Иванович. — Нет того куста, с которого не попробуешь сорвать что-нибудь. Варя по пути обгрызает каждое дерево, — обратился он к Ольге, легко шагавшей по другую сторону. — То траву жует, то береску обсасывает...

Варвара смутилась, но сказала:

— Ешьте все, как я, и у вас не будет цынги.

— Не будет цынги! — повторил Иван Иванович, подхватывая брошенную ею ветку. — Вот сила жизни! — сказал он, глядя, как выпрямлялась смятая им хвоя. — Здесь нет ни сосен, ни елей, а кедр прижился, выродившись в кустарник. Почему я не обращал на него внимания до сих пор? Ты посмотри, Оля, до чего он красив! Да-да-да! А растет и на голых каменистых вершинах гор и по берегам рек. Лепится всюду! — Иван Иванович тоже покусал иожевал смолистый побег. — Ты знаешь, у него и вкус приятный. Попробуй!

— Я не Варвара, — возразила Ольга холодно.

— Нет, ты посмотри, — не замечая ее холодности, с увлечением говорил Иван Иванович. — Эти мохнатые кусты похожи на раскиданные шубы. Ей-богу! Утверждают, будто припарки из стланика полезны при ревматизме и цынге. Его тут так много! Почему он растет именно в цынготных местностях?

Ольга знала способность мужа увлекаться «попутными» делами и его настойчивость.

— Попробуй разгадать эту загадку, — сказала она.

— Кедр перехитрил суровый климат! — продолжал Иван Иванович. — Зимой, при морозе в шестьдесят градусов, дремлет себе под снегом, зеленый, живой.

— Впереди площадка! — перебила его Ольга. — Ну, скорее! Мы первые будем там.

— Нет, первая буду я! — крикнула Варвара.

— И мы! — ответил Иван Иванович, подхватывая Ольгу под локоть.

Почти одновременно они трое выскочили на плоскогорье, ровное как стол. Над щебнем, покрытым пятнами листваников, диковинно разрослись огромные кусты кедрового стланика, звенящие на ветру густой хвойей.

— Сколько орехов будет здесь осенью! — сказала Варвара.

— Эти кусты, нет, всю площадку перенести бы на принес!.. — мечтательно промолвила Ольга. — Вот был бы сад! Как хорошо гулять между такими кустами — просто южное что-то!

— Здесь мы устроим привал! — скомандовала Пава Романовна, глубоко дыша полуоткрытым ртом.

Она вся разумянилась, но шла легко, покачивая располневшим станом.

— Прелесть, до чего хорошо! — говорила она, переводя дыхание и отирая вспотевшее лицо маленькой мягкой ручкой. — Это очень полезно... такая тренировка. В моем положении особенно.

Иван Иванович мельком оглянулся. Цветущий вид здоровой будущей матери невольно был симпатичен ему, но тут же он подумал:

«В работу бы тебя, а то жиры кипят!»

— Правда, хорошо! — воскликнула Пава Романовна, пока остальные устраивали место для привала.

— Что делает ваш муж? — обратилась она к Ольге, посмотрев на Ивана Ивановича, который срезал перочинным ножом молодые побеги стланика.

— Он решил использовать хвою для лечения больных.

88

— Работаете? — спросил Тавров.

— Да, — ответила Ольга. — Очень много вижу каждый день, очень многое записываю, а потом мучаюсь у письменного стола. Так неспокойно: пишу, а не нравится, не нравится, а пишу! Хочется найти какие-то новые слова... Вот горит на душе, а выразить не умею. — Она задумалась на минуточку. — Кажется у меня теперь все-таки лучше получается: начинаю находить опорные точки, меньше растекаюсь по пустякам. Трудно, но и радостно.

Тавров смотрел на нее с любовным сочувствием. Он был искренне счастлив тем, что мог подсказать Ольге занятие, которое ее заинтересовало по-настоящему.

— Вы только послушайте! — громко говорил рядом Игорь Коробицкий. — Какие замечательные стихи:

Девушка моего наречия,
по-осеннему тиха и смугла,
приходила ко мне под вечер
быть любимой и не могла...
...И глаза ее темные, темные
тихой грустью цвели, цвели...

— Она похожа на Варвару! — заключил Игорь. — Варя, вы «девушка моего наречия...»

— Не подходит! — быстро возразила Пава Романовна. — Варя — комок энергии, и цвет лица у нее — дай боже! А та, которая приходила к вам, такая постная. Не мудрено, что она не могла быть любимой.

Раздался общий смех.

Они сновашли по узкой стежке, пробитой копытцами коз и горных баранов, утоптанной лапами медведей. Тропинка тянулась по самому гребню хребта, то острому, то сложенному в седловинах, заросших мхами. Легко и весело было идти по ней. Все оживленно перекликались, опьяневшие солнцем, светом, воздухом, далеко раскрытыми просторами; съезжали, сидя, в распадки по пыльному деревеннику белого мха-ягеля; пели, швыряли вниз теплые камни. Только Гусев, неожиданно очутившийся в компании, вел себя, как обычно, сдержанно. Мальчишеские выходки взрослых людей явно приводили его в смущение, и он с подчеркнуто-озабоченным видом поправлял без надобности свой аккуратный костюм.

— И зачем он пошел?! — сказала Варвара Ольге, пожимая тонкими плечиками. — Сидел бы лучше дома и играл в преферанс! Тащится, словно черная тень!

Ольга, захваченная общим настроением, развеселилась.

Она тоже швыряла камни с высоты, гонялась за юркими бурундучками, дразнившими людей озорным свистом.

— Стряхните его! — попросила она Таврова, когда зверек, спугнутый ею, как белка, взлетел на верхушку молодой лиственницы.

Вдвоем они крепко потрясли деревцо. Легкие соринки посыпались сверху на их поднятые лица, на золотые от загара руки Ольги и ее светлые волосы. Впервые Тавров увидел так близко ее смеющийся рот. Руки их встретились будто нечаянно, и Ольгу точно подменили: она сразу замкнулась, нахмурилась.

«Вот тебе урок! — подумал Тавров, пораженный ее внезапной враждебностью. — Она расположена к тебе за дружескую помощь и сочувствие, а ты уже готов заключить ее в объятия!» Но так больно задело его это, что он снова подошел к ней.

— Не сердитесь! — быстро сказал он. — Простите человека, который любит вас... больше всего на свете.

— Не говорите таких слов! — сказала Ольга. — Я вам благодарна и ценю в вас лучшего своего товарища, но я не хочу... не могу терять право открыто смотреть в глаза Ивану Ивановичу.

Тавров отошел, споткнулся о камень, чуть не упал, однако выправился и двинулся прочь.

«Не трудно оторвать ветку от дуба, но невозможно оторвать ее от этого человека!» — подумал он, когда, не выдержав, обернулся и уже издали увидел, как она стояла над кручей рядом с Аржановым.

39

— Тебе не скучно? — спросила Ольга, беря мужа под руку и прижимаясь плечом к его плечу.

— Нет, напротив, я очень рад, что мы выбрались сегодня в горы, — весело заговорил Иван Иванович, действительно радуясь и хорошему настроению Ольги и ее сдержанной ласке. — Если бы мне удалось еще дело со старником!

— Ты поверил Варваре?

— Да, она навела меня на мысль. Народ своим опытом подводит нас ко многим открытиям. Когда найдут средство лечения туберкулеза и рака, мы, наверно, ахнем, так оно будет доступно и до смешного незамысловато. А что ты мне хотела сказать? — спохватился он, уловив рассеянность в ее выражении.

— Я хотела... — Ольга беспомощно осмотрелась. Она просто вцепилась в него сейчас, точно встревоженный ребенок.

Они стояли на краю обрыва, где грудились остатки желто-бурых скал. Внизу, на крутом каменистом склоне, росли кое-где кусты стланника, похожие на темные шалашки, еще ниже ярко зеленела сплошная чаща ольховника.

— Смотри, какие странные скалы! Правда, интересно получается...

— Что получается, Оля?

— Да вот камни... Целые горы превращаются в прах... А впрочем, дело не в том... Мне просто захотелось побывать вместе, и я нарочно отозвала тебя.

— Это — и мое желание, — радостно произнес Иван Иванович. — В последнее время ты отдалась от меня.

— Была же он ушел? — сердито спрашивала Пава Романовна. — Совсем невежливо с его стороны нарушать компанию. Некрасиво заставлять нас ожидать и тревожиться, мы же пошли, чтобы развлечься! В обществе нельзя думать только о себе. Это эгоистично!..

— Вы столько приписали добromу человеку! — не вытерпев перебил ее Иван Иванович. — Пусть погуляет.

«Ему стало стыдно, и он сбежал», — догадалась Ольга, серьезно обеспокоенная нарушением дорогих для нее отношений с Тавровым.

Она была достаточно чуткой, чтобы давно разгадать его чувство к ней, но так увлеклась подсказанной им работой, так ценила его дружеское внимание, что прежде всего хотела верить — и верила — в совершенно беспристрастную заинтересованность своего критика.

«Зачем вмешивается «это»? Может быть, он просто льстил мне и сам хотел показаться в лучшем виде», — искренно огорченная, почти со страхом подумала она.

— Вы слышите... выстрел! — крикнула Варвара. — Два сразу!

— Да, похоже в той стороне, — согласился Иван Иванович. — Значит охотится. Он догонит нас, если мы оставим ему маршрут.

— Девушка моего наречия осталась одна. Разрешите мне взять роль покровителя? — произнес Игорь, обращаясь к Варваре.

— Нет, я не разрешаю! — вмешалась Пава Романовна. — Кто же тогда будет ухаживать за мной? Варвара — дитя тайги, и прекрасно обойдется без вашего покровительства.

Игорь только улыбнулся. Ему нравилась и Пава Романовна, и Ольга, и другие хорошенечкие женщины, с которыми он был знаком. Ему нравились все и ни одна особенно. К тридцати годам это начало тяготить его. Ему хотелось настоящей любви, хотелось переживать и страдать...

— Страдание вдохновило бы меня на большее в поэзии, — говорил он. — Оскар Уайльд сказал: когда разбивается сердце поэта, оно разбивается в музыку.

Но сердце Игоря упорно не разбивалось в музыку. Часто целую ночь он бесплодно спел над блокнотом, потом рвал написанное и с отчаянным стоном валялся на кровати.

— У вас синяки под глазами! — заметила Пава Романовна. — Опять стихи писали до утра? Зачем вы себя мучаете?

— Я хочу жить красивой творческой жизнью, — ответил Игорь.

— Вам надо жениться! — быстро решила Пава Романовна. — У вас тогда все будет заполнено.

— Да, да! — промолвил Игорь с досадой. — Друг жизни, дети, пеленочки, пелериночки... Нет, это не по мне; если нет огромной любви, поэт должен быть свободен от серых будней.

— Но вы же не поэт, а механик...

— Ах, что вы понимаете?! И в механике есть поэзия, когда мысль взлетает и рождается новое. А просто работа, скуча страшная!

Пава Романовна на мигуточку задумалась:

— Я вот и не работаю даже, а мне не скучно...

— Вы — другое дело!

— Другое? — ее жгучие глазки широко открылись, но она не обиделась, а только встряхнула кудрями. — Ну, хорошо, пусть я другое... Иван Иванович, скажите, вам скучно житьется?

— Мне? Нет, я, пожалуй, никогда не испытывал скучи. Столько интересного!

— Но, что же, собственно, интересного? Люди вас окружают больные, охвающие, умирающие...

— Положим, умирающих немногого. А больных и охвающих я стараюсь превратить в здоровых. Десятки тысяч людей, избавленных от разной напасти, — таков будет мой итог к старости. Целая армия трудящихся! Разве этого мало для оправдания одной жизни?

— Значит, вы довольны собой?

— Если бы я был вполне доволен, то все пошло по замкнутому кругу. Тогда могла бы появиться скуча. Но человек, занятый любимым трудом, имеет возможность двигаться вперед, расти. А я свою работу люблю.

— Я хоть сейчас набрал бы охапку стланниковых веток — и тягу домой! — весело говорил Иван Иванович Ольге.

— Успеешь еще.

— Нет, правда! Вечером я откладывают занятия, надеваю твой фартук и открываю собственную кухню! Настойка из стланника, настойка из краснотала, салат-пюре из толченой хвои... Я стану комбинировать, пробовать, искать...

— Вы думаете, его надо искать? — спросила Пава Романовна, привлеченная широкими жестами доктора.

Иван Иванович обернулся к буйной ватаге, шумно бредущей следом.

— Кого «его»? Таврова? Ну, он, наверно, дома уже. Я совсем о другом.

«Да, вот так и надо работать!» — глядя на мужа, думала Ольга.

Она вспомнила, как он лет восемь назад начал искать новые пути в своей работе. Страстность сочеталась у него с диковинным упорством и усидчивостью. Занятия в нейрохирургической клинике Иван Иванович, уже опытный хирург, начал почти с азов, а через три года блестящее защитил кандидатскую диссертацию. Когда для проработки подсобного материала к теме потребовалось знание немецкого языка, он попутно овладел и языком. Ольга вспомнила его мальчишеское преклонение перед светилами избранной им науки. Нейрохирургия! Это слово он произносил с благоговением.

«Да, я уважаю его и горжусь им, — рассуждала Ольга. — Но беда в том, что мы живем без контакта. Я сразу отстала и вот всю жизнь не успеваю, задыхаюсь, а он если и оглядывается, то каждый раз с улыбкой, не сознавая, как мне тяжело бежать за ним».

нуло в комнату мозговой сырости. Дождь, всю ночь стучавший по крыше, перестал, но над прииском неподвижно висела густая белесая мгла. Не видно было ни гор, ни домов поселка.

— Что там случилось? — снова спросил Иван Иванович.

Ольга не ответила, а высунулась в окно, увидев Елену Денисовну с Наташкой на руках.

— Вы не знаете почему гудок и стреляют? — спросила она.

Елена Денисовна перевалила Наташку, укутанную клетчатым платком, на другую руку и, прижимая к груди этот тяжелый живой сверток, покернулась к Ольге.

— Тавров потерялся. Он ведь не вернулся вчера. Я Наташку понесла в ясли, слышу: гудок. Ну, думаю, пожар!.. И домой вместе с Наташкой. Навстречу наш больничный шефер. Заблудился, говорит, Тавров... Искать пошли. Вот и стреляют.

— Ну, что? — с нетерпением спрашивал Иван Иванович, торопливо зашивая ботинки.

— Тавров потерялся! — громко повторила Ольга, провожая взглядом крепкую фигуру Елены Денисовны. — Не пришел домой вчера. Вот и стреляют.

— Как же это он?! — проговорил Иван Иванович с искренним огорчением. — Не живал здесь, местности не знает... И понесло же его одного!

Ольга промолчала, смущенная и опечаленная.

— Побродит и вернется, — сказала она потом неуверенным голосом.

— В тайге бродить не так просто, — возразил Иван Иванович, и ему даже стало неприятно за Ольгу. — Если бы заблудился ваш стихолет, наверно закудахтали бы, словно куры.

— Да, уж наверно! — сердито сказала Ольга.

Весь день она просидела за письменным столом, но работалось плохо. Тогда она принесла с полки груду подобранных ею книг: о добыче золота, о путешествиях по Сибири и Дальнему Востоку. Однако сосредоточиться на чтении тоже было трудно, и Ольга часто, заложив ладонью страницу, забывшись глядела на мокрые от дождя стекла окон. За окнами то и дело выла сирена. Ее вой особенно настраивал на грустный лад.

Ольга очень обрадовалась, когда вернулся с работы Иван Иванович, озабоченный, но бодрый. После ужина она вымыла посуду, снова растопила плиту, согрела воду и начала настоящая детская игра в кухню. Забавная суетня Ивана Ивановича у мисок и кастрюль, наполненных толченой и цельной стланниковой хвоей, мелко нарубленными молодыми побегами краснотала и смородины, совсем развлекла Ольгу.

Опять целую ночь выла сирена. Едва встав с постели, Ольга побежала к окну.

— Ну, как погода? — поинтересовался Иван Иванович, начиняя одеваться.

Ольга безнадежно махнула рукой:

— Все то же.

— Я к вам с приятной новостью, — сказала Пава Романовна, явившаяся, когда Иван Иванович ушел на работу, и начала торопливо выпрашивать что-то из-под полы

Утром Ольгу разбудил воющий гудок фабричной сирены. Помаргивая спросонья, она тревожно прислушалась, потом взглянула на Ивана Ивановича. Он тоже, разбуженный этим воем, лежал с открытыми глазами.

— Пожар, что ли?

В ответ где-то далеко забухали выстрелы.

Ольга вскочила, босиком, в одной ночной рубашке, подбежала к окну и распахнула его. Насмурное утро дох-

прорезиненного пальто. — Я так рада за вас, так рада, — приговаривала она.

Ольга недоверчиво следила за движениями ее пухлых ручек, в которых запуршала газета.

— Вы знаете, ваш очерк о старателях все-таки напечатали. Еще на прошлой неделе, а мы прозевали, — сияя объявила Пава Романовна. — Мой Пряхин сказал, что это бывает в тех случаях, когда материал попадает более свидущему работнику. Возможно, прочел сам редактор. Зря вы не подписались полной фамилией.

Ольга, не слушая болтовни Павы Романовны, просматривала газетный лист. Руки ее дрожали. Да, один из многих, посланных ею и не принятых редакцией очерков напечатан. Даже заголовок его сохранен. Озnob, охвативший Ольгу вначале, сменился лихорадочным жаром: ведь напечатали вещь, которую написала она сама!

Все так же держа газету в вытянутых руках, Ольга опустилась на стул. Ее трепала настоящая лихорадка.

— Попейте водички! — суетилась Пава. — Эта проклятая погода обессиливает. Меня тоже беспокоят мои гланцы. Чуть остыну — и уже чувствую... Да выпейте воды, пожалуйста!

— Не надо, сказала Ольга.

Теперь мысли ее со всей силой устремились к Таврову. Где он бродит? Бродит ли? Мало ли в тайге дикого зверя и других опасностей для человека! А как он был доволен первым маленьким успехом Ольги! Ивану Ивановичу она даже не позвонила: для него статья в газете — «попутное дело», а для нее — огромное событие в жизни.

Позднее принесли извещение на перевод денег.

Ольга оделась, пошла на почту, и по дороге ей казалось, что встречные смотрят на нее приветливее, чем обычно, как будто они могли догадаться и помнить, что очерк в областной газете, подписанный кратко: «О. А.», — принадлежал ей, Ольге Аржановой.

Перевод из редакции на собственное имя! Еще ни разу Ольга не владела копейкой, заработанной ею. Руки ее опять задрожали, когда она принимала деньги от знакомой кассирши. Та, казалось, тоже была поражена этим событием. На губах Ольги готовно складывалась в ответ ребячески счастливая улыбка, но над послемком снова завы гудок...

Ольга вздохнула, бережно свернула новенькие бумажки, опустила их в сумочку и, выходя за порог, еще раз посмотрела, там ли они. Теперь на нее напал страх: а вдруг читателям не понравилась ее работа?..

Минут пять Ольга стояла на террасе почты и всматривалась в ту сторону, где остался Тавров. Даже близких гольцов, что поднимались над долиной, не было видно. Даже взгорье, где произошла встреча Ольги с Тавровым перед спуском в рудник, утонуло в тумане, из которого смутно виднелись только углы да крыши поселковых домов.

По горам бродили охотники, разведчики, рабочие приска. Хорошо одетые, с запасом продуктов, они обшаривали мокрый лес, кричали, стреляли вверх, чтобы случайно не подстрелить кого-нибудь. Нелегкая задача — отыскать заблудившегося человека в этой мгле, нависшей над дикой тайгой на десятки, а может быть, и сотни километров.

Когда Тавров уходил от веселой компании, горький стыд и тоска душили его. Все это перешло в ожесточение, которое он сорвал на красноголовом нарядном дятле, сняв его дуплетом с дерева. Не взглянув даже на птичку, растерзанную выстрелом, он начал блуждать по лесу, топча сочные травы, налитые зеленью. Незаметно наступил холодный вечер. Вдруг пошел дождь... Белые туманы заскользели в долинах, поползли по распадкам к самым гребням гор.

Тавров поднялся на крутую вершину, но ничего не увидел: вокруг лежала сплошная, серая мгла. Он кричал, стрелял, тщетно ожидая ответа, потом выбрал укромное местечко среди скал, заросших кустарниками, лег на землю и уснул, сломленный физической и душевной усталостью. Разбудила его сырость, которой пропиталась одежда: над землей сеялась мельчайшая изморось. Впервые Тавров пожалел, что не пристрастился к курению. Теперь у него были бы спички... Какой костер пытал бы между этих камней! Представление о тепле вызвало такую тягу к жилью, что Тавров уже не мог сидеть, скрючившись на одном месте. Он встал и пошел...

Бледный рассвет занимался над горами, с трудом пробиваясь сквозь толщу облаков. Дождь перестал. Мокрые кусты и деревья выходили бесконечной чередой навстречу Таврову и снова терялись в тумане.

Так прошел день.

Тоска по человеческому теплу удесятерила тоску по Ольге. Тавров вспомнил, как однажды на пароходе они играли в шахматы. Она уронила под стол пешку. Он вскочил, быстро нагнулся — поднять, но круглая фигура откатилась дальше, и он, потянувшись за ней, на одно мгновение прислонился щекой к платью Ольги. Это воспоминание просто потрясло его теперь...

Наплутавши до изнеможения, Тавров направился по течению ключа, иногда шагая прямо по мелкой воде там, где берега заросли непролазной чащой. Может быть, так он скорее выйдет к Каменушке или даже к Чажме...

Перебираясь через завал бурелома, он поскользнулся, упал и, не шевелясь, долго лежал на мокрых круглых корягах.

— Что же я лежу?.. Нашел время! — спохватился он наконец и хотел подняться, но острые боль подбатила к сердцу так, что у него потемнело в глазах.

«Вот здорово! Кажется, я сломал ногу! — подумал Тавров, когда, очнувшись, попытался разобраться в своих ощущениях. — Этого только мне и недоставало! Неужели я подохну, как подстреленный волк? Тут меня никто не найдет... Рядом пройдут и не увидят!»

Если бы его спросили, он не смог бы объяснить, как выбрался из бурелома на открытую поляну. Все происходило словно в бреду. Но он выбрался, выполз, даже выволок ружье и теперь находился на открытом месте, видном с горного склона, над которым попрежнему висел туман. Больше он ничего не мог сделать: лежал, ждал, забывался и снова открывал глаза на безнадежную черноту ночного неба, опущаясь, как мелкий дождь, перемешанный со снегом, падал на него и холодил губы, пересыхающие в лихорадке.

В один из таких просветов кто-то в больших очках глянул на него враждебно и настороженно. Тавров шевельнулся и с удивительной отчетливостью увидел в сумерках

большого зверя, уходившего неуклюжей походкой. Возможно, это была только россомаха, но мало приятного, если она вздумает прийти снова... Тавров сделал невероятное усилие, перевернулся на бок, потом на живот и выстрелил вслед зверю, исчезавшему в тумане...

42

— Я должна увидеть его! — сказала Ольга Павловна, которая примчалась к ней, узнав, что эвен-охотник привез Таврова, найденного им в тайге, километров за пятьдесят от Каменушки.

У Таврова была сломана нога, и его доставили на носилках в очень тяжелом состоянии.

— Неужели умрет! — заговорила Ольга со слезами в голосе. — Человек-то какой хороший!

— Почему умрет? С чего вы взяли? — возразила Павла Романовна, успевшая собрать все дополнительные сведения. — Теперь — он в безопасности, находясь под крыльшком Ивана Ивановича. Но навещать его сейчас вам не надо, клянусь честью! Во-первых, он без сознания: простудился вдобавок, и у него температура до сорока градусов. Ведь на другой день после нашей прогулки в горах выпал снег... Во-вторых вы зря скомпрометируете себя: могут подумать бог знает что! Вот сделают ему операцию... А как же! — отвечая на испуганный взгляд Ольги, воскликнула Павла Романовна. — У него перелом ниже колена, но говорят, это легко поправимо. Пусть Борис Андreesич придет в нормальное состояние, а потом вы павестите его вместе со мной. И все будет выглядеть благоприятно.

— Вам лучше? — спросила Варвара, отставляя на столик стакан с водой и поправляя подушку под головой Таврова. — Намочили наволочку! — заметила она и, взяв полотенце, вытерла ему крепкий, давно не бритый подбородок и гладкую шею. — Вы теперь маленький: кормили вас эти дни с ложечки, — весело шутила она, присаживаясь на табурет уже как гостья и складывая на коленях руки, петерпящие безделья.

— Мне лучше. А нога болит. — Тавров покосил из Варвару еще мутным взглядом. — Как вы думаете, срастется она?

— Обязательно! Хорошо, что у вас был закрытый перелом, а мы сделали все возможное. Иван Иванович говорит: вы даже хромать не будете.

— Правда?

— Честное слово. Вы не думайте плохого: у вас сильная натура, поправитесь быстро. Вот у нас здесь мальчик один есть, Юра. Наш якут. Он тяжело болел, такую операцию серьезную перенес, а потом упал с койки и тоже сломал ногу. Я просто заплакала, когда узнала. Зачем ребенку столько страданий? Оказалось, его другой мальчик, постарше, подзадорил подняться без разрешения, даже помог встать, пока нянечки не было в палате, и оба упали. А сам он никак не признавался, боялся, что приятелю попадет.

— Ну и молодец! — отозвался Тавров, слабо усмехаясь.

— Всё же молодец, — серьезно и горячо возразила Варвара. — Ребенок должен говорить правду.

— А взрослые?

Варвара неожиданно покраснела, но сказала убежденно:

— И взрослые тоже.

— Ну, а если это невозможно? Вы сами еще ребенок, Варенька! Человек должен жить по правде, а говорить ее другим в глаза не всегда нужно, а иногда жестоко. — Тавров помолчал. — Я имею в виду маленькую житейскую правду!

— Все равно! — упорно настаивала Варвара. — Надо лучше думать о людях, тогда и жестокости не будет. Я знаю... Могут получаться неловкости. Одна женщина послала свою дочку посмотреть за поломкой. Та спросила: «Почему ты здесь стоишь, девочка?» — «А меня мама послала посмотреть, чтобы вы не украли чего-нибудь». Работница — в слезы, ребенка — наказали. Кто же виноват? Неужели правдивость? Но-моему, раз не доверяешь человеку, не зови его в дом!

— Это Ольга Павловна так начутила в детстве! — произнес Тавров, ласково улыбаясь, сразу просветлевшим глазами. — Я слышал, как она вам рассказывала, но вы уже неправду говорите, Варенька. Послала ее не мать, а тетушка. Мать была прекрасный человек, только она умерла очень рано...

— Так это же просто пример. Тут можно сочинить немножко, — защищалась Варвара, приметно смущенная.

— Женская логика! — промолвил Тавров. — Мы с Юрий, как мужчины, куда последовательнее. Тут в столовке гостиницы, принесенные мне моими товарищами. Отнесите их ему в знак уважения.

Придерживая руками и подбородком целую охапку пакетов, Варвара вошла в детскую палату.

— Это кому столько? — по-якутски спросил Юра, делавший лечебную гимнастику под наблюдением Хижняка.

— Послали тебе, но я хочу оделить всех ребят.

— Разделите, — разрешил мальчик и добавил по-русски: — Денису Антоновичу тоже надо дать что-нибудь вкусненькое.

— Вот, Варюша, видала, какая забота обо мне: задабривает, чтобы я побольше с ним занимался, — промолвил Хижняк, широко улыбаясь. — Ладно уж, кушай сам на здоровье. А за то, что жалуешь своего лекаря, принесу тебе сейчас стланиковой настойки.

— Она сладкая?

— Какое там сладкая! Это же лекарство. Чтобы цынги не было, чтобы косточки крепче стали.

— Ну, давайте, раз лекарство!..

— Уже всем даете ее, Денис Антонович? — спросила с живостью Варвара, расхаживая легкой походкой между койками и разнесся подарки, переданные Тавровым.

— Безотказно, кому потребуется.

— Помнишь, я рассказывал тебе о старателе Фирсове... — говорил Иван Иванович Ольга. — Да ты видела его... умирал от цынги. И вот за одну неделю... за восемь дней... Нет, ты обязательно должна посмотреть его. Я перепробовал на нем все свои настойки: из краснотала, из хвои лиственницы, из смородины и стланика. Стланик дал наилучшие результаты, просто сверх ожидания. Ты знаешь, он уже сидит.

— Кто... Тавров? — очнувшись от задумчивости, спросила Ольга, занятая маленьким ремонтом праздничного костюма мужа.

— Тавров? Да. Это не удивительно. А вот Яков Фирсов сидит!.. Ох, до чего же я рад! Ты знаешь, Оля, как мы теперь пустим в ход эту стланникову настойку?!

Иван Иванович взял со стола метелку стланника, полюбовался ею. Квартира еще была завалена ветками, некрашеный пол на кухне прозеленел, и завхоз обещал Ольге прислать маляров.

— Только шнаклевочку надо сделать, — сказал он. — Да олифы достать килограммов пятьдесят.

Теперь Ольга немножко некстати напомнила мужу обещание завхоза.

— Пусть красят, — промолвил Иван Иванович, по тут же рассердился. — Пятьдесят килограммов олифы? На три комнаты? Что он, выкупать нас в олифе хочет? Я ему в прошлом году показал в больнице, как полы красят! Забыл уже! — Иван Иванович помолчал, улыбнулся застенчиво, взъерошил и без того ершистую прическу и сказал: — До чего же приятно сделать что-нибудь хорошее для всех. Я чувствую себя счастливым именинником.

Перед уходом на работу он поцеловал Ольгу и спросил:

— Ты придешь посмотреть наших выхораживающих больных? Можешь написать о них, автор «О. А.» — добавил он с добрым усмешкой.

— Нет, о них ты сам напишешь, — сухо ответила Ольга, оскорбленная его усмешкой. — Но приду обязательно.

43

Пава Романовна сумела-таки отговорить Ольгу от посещения Таврова, а потом, побегав и посудачив по прииску, сама слегла, заболев ангиной. Ольга, порывистая, но не очень решительная, не пошла в больницу одна, удерживаемая чувством неожиданного стеснения: свободная простота ее отношения к Таврову исчезла. Все эти дни она жила в состоянии какого-то лихорадочного ожидания, но внешне спокойная, потому что почти не замечала окружающего.

— Чего ты как в воду опущенная? — заметил ей пакануне Иван Иванович. — Ну, что у тебя? — спросил он нетерпеливо, торопясь в больницу.

— У меня ничего, — ответила Ольга, сразу готовая ответить раздражительной всыпкой на его недовольное замечание. — Почему я должна ходить возле тебя, подпрыгивая и улыбаясь?

Иван Иванович только махнул рукой, и этот жест, вызванный досадой на ее слова и нежеланием ссориться, Ольга истолковала тоже в самом обидном смысле.

«Он никогда не уделял мне внимания, — подумала она, оставшись одна в квартире. — Я всегда была у него на последнем плане. Вроде предмета домашней обстановки!» — продолжала она, сразу забыв все хорошее, что делал для нее муж.

Ольга нашупала нальцем пальсток, маниакально взяла иголку...

«Мне сочувствие нужно и понимание, а не снисходительность. Почему я к постороннему человеку отишусь с большим доверием?» — При этой мысли сердце ее так сжалось, что она замерла. — Вот еще новости! — растерянно пропелала она.

Порывистый теплый ветер встретил ее на крыльце, словно ждал ее. Придерживая рвущийся в сторону подол

платья, Ольга сбежала по ступенькам, посмотрела кругом, и снова все показалось ей прекрасным. А особенно хорошо был кусок чистого неба, нежно голубевший среди разодраных ветром пепельно-серых туч. Пожалуй, никогда еще не видела Ольга столь яркой праздничной голубизны. Потом она шла, уже ничего не замечая, погруженная в размышления, отражавшиеся на ее лице то беспокойной хмурью, то светлой улыбкой.

Несмотря на запрещение Скоробогатова и на то, что ответа из области еще не было, пейрохирургическая операция по поводу гангрены была назначена.

— Надо считаться с живым делом, а не с бумагами, — ответил Иван Иванович на обычную попытку Гусева «внести ясность», «согласовать», «продумать».

Будь Гусев не таким пудным человеком, он, неплохой специалист, сумел бы за два года если не повлиять на Ивана Ивановича, то хотя бы заразить и его своими постоянными опасениями. Но он действовал слишком раздражающе, и его высказывания, иногда справедливые, пропадали впустую.

Совсем иные отношения сложились у Ивана Ивановича с молодым хирургом Сергутовым, которому он помогал от души, создавая возможность самостоятельной работы, лично консультируя и переживая с ним затруднительные случаи. В особо тяжелых случаях он оперировал всегда сам:

— Я не могу допустить, чтобы плохой исход объясняли неопытностью хирурга, — сказал он однажды.

— Такие операции, какая предстоит нам сегодня, не делаются пока в массовом порядке, — говорил Иван Иванович своим помощникам, проходя по операционной и держа на весу обнаженные до локтей еще мокрые руки. — Поэтому я вас попрошу быть очень внимательными.

В светлом клеенчатом фартуке, который он отбрасывал на ходу носками ботинок, с лобной лампой, блестевшей рефлектором над его белым колпаком, он казался еще больше и выше даже в этой просторной комнате, прекрасно оборудованной для операций.

— Самопроизвольная гангрена (как и всякая гангрена) — это нарушение кровоснабжения, иначе сказать болезнь сосудов-артерий, отсюда и название эндоартерит, — погромко объяснял он, надевая с помощью Варвары стерильный халат. — Раньше она считалась болезнью старческого возраста, но жизнь показала, что ею заболевают совсем молодые люди.

— Но стоит ли удалять симпатические узлы, если ткани уже омертвились? — спросила Варвара, патягивая резиновые перчатки на руки хирурга.

— Стоит: операция точно укажет границу отмирания. Здоровая часть обязательно порозовеет. Вместо ампутации до бедра мы без риска для жизни больного отнимем ему ногу по колено, а может быть одну ступню или пальцы. При омертвении руки с тем же результатом удаляются симпатические узлы грудного отдела. Такие операции хирурги начали делать недавно, по уже установлено, что никаких вредных последствий они не приносят. А человеку надо жить, и жить как можно полнее! Правильно, Леша?

Тот, к кому он обратился, юноша лет двадцати трех с тонким от истощения телом, торопился лечь на стол.

Когда ему в областной больнице предложили сделать ампутацию, он возмутился: лучше сразу на кладбище! Но злые боли в течение семи месяцев измучили его, и он начал колебаться. Целыми ночами просиживал он на постели, подтянув к груди колено больной ноги, укачивая ее, точно ребенка.

Отрезать недолго... Но те же первичные признаки начали появляться и на другой стороне: неожиданная усталость, перемежающаяся хромота от болей в икре и стопе, холод в пальцах. Леша уже знал, что будет дальше: стопа отечет, пальцы посинеют, потом начнут чернеть. Значит, через несколько месяцев явится необходимость отнять и левую ногу. Это в двадцать три года от роду!

— То мерзла, а теперь печет. То только на ходьбе болела, теперь даже при покое, — жаловался Леша соседям по койке в долгие бессонные ночи, укачивая ногу, которую не замечал, пока она безотказно служила, и которая превратилась теперь в основной угнетающий фактор его жизни. В конце концов Леша решил:

— Режьте ее, будь она проклята!

Но в это время он узнал, что в Чажминском принесковом районе хирург Аржанов лечит гангрену по-новому.

44

— Ну, Леша, каково самочувствие? — спросил Иван Иванович, наблюдая как укладывали раздетого больного на левый бок и привязывали к столу его ноги.

— Так себе...

— Почему же «так себе»?

— Он боится! — прикрепляя к руке Леши свинцовую пластинку диатермию, сообщил Никита Бурцев, следивший за общим состоянием больного.

— Не надо бояться, сделаем хорошо, — обещал Иван Иванович, резвило оглянув компактный, точно радиоприемник среднего размера, прибор для электроножа.

Этот прибор, а также электроотсос, отсасывающий кровь в операционных ранах, Иван Иванович добыл в области, пустив в ход всю свою хозяйственную изворотливость.

— Сейчас мы поколем вас немножко, заморозим... Если почувствуете потом боль, скажете, добавим еще, — говорил он, становясь на место, пока ассистент Сергутов обмывал спиртом и смазывал подом операционное поле.

Иван Иванович сам сделал заметки зеленкой на желтой от пода пояснице больного: опоясал его бок чертой, поставил точки там, где будут пришиты полотенца и простыни, и принял от Варвары шприц с новокаином...

Сергутов делал уколы по зеленой черте павстречу ему, пока сразу вспухший беловатый валик не сомкнулся. Потом уколы были повторены более длинной иглой. Минут через пять можно приступить к операции: когда хирурги доберутся до глубины, там уже наступит полная анестезия.

Иван Иванович, не глядя, протягивает руку, в которую Варвара кладывает скальпель. Она привыкла по ходу операции, по лицу хирурга, по движению его губ и руки угадывать то, что нужно. Во всей ее тоненькой фигурке, запакованной в белое, с белой марлевой повязкой на лице, выражается серьезная сосредоточенность. Пусть хирург

и врачи разговаривают о чем угодно, пусть шутят и улыбаются, она не позволит себе отвлечься.

Иван Иванович одним быстрым движением делает длинный разрез, по направлению от позвоночника к срединной линии живота.

— Не мешайте! — говорит он ассистенту, сунувшемуся с марлей.

Варвара подает зажимы с тупыми клювообразными кончиками. Ищеткивают их замки под рукой хирурга.

— Ток!

Никита Бурцев, тоже в белом и маске, включает электроприбор.

Хирург прикладывает к мелкому кровеносному сосуду сведенные острия пинцета, к пинцету наконечник от диатермии. Легкий треск, сосуд затромбован, «сварен» вместо перевязки шелком. Зажим снимается. Потом другой, пока не освободится от стали все операционное поле. Еще разрез...

Ассистент легко разводит крючками края раны.

— Расширители!

Варвара уже подает клемневатый инструмент с двумя редко-зубчатыми гребнями.

И опять разрез. Зажимы, ток...

Потом обкладывают края раны свежими стерильными полотенцами и снова расширяют ее.

— Сейчас, Леша, будет самое неприятное, — говорит Иван Иванович, заглядывая под высокую платформочку-столик, поставленный над головой больного. — Придется потерпеть. Это для всех неприятно.

Он накладывает широкий тупой крючок с противоположной стороны и вручает его Сергутову:

— Пожалуйста, держите так, как я вам дал. Не сдвигайте и не придавливайте. Тупфер! — произносит он и прищипывает от Варвары длинный зажим с тампоном, смоченным в двухпроцентном растворе новокаина...

В глубине раны, вдоль позвоночника белеет ствол симпатического нерва. К нему-то и подбирается хирург.

— Потерпите, Леша, потерпите, голубчик! Я очень осторожно вам это делаю. Самые нужные нам места... — уговаривает он покрывающего больного, выделяя нерв и вырывая в него несколько капель новокаина. — Пульс? — спрашивает он Никиту.

— Шестьдесят, — отвечает Никита.

— Введите ему камфору! — приказывает Иван Иванович и тут же к Варваре: — Крючочек!

Тонким крючком он подцепляет ствол нерва.

— С ниткой!

Нитка подводится под нерв. Иван Иванович вытягивает пинцетом ее концы наружу и, прихватив их зажимом, откладывает на край поля.

Снова крючочек и нитка, подведенная рядом. Теперь нерв приподнят на своем ложе.

— Новокаин! Очень тоненькую иглу. Хорошо ли держится? Проверьте... Аnestезию, кажется, сделал по-честному, — добавляет Иван Иванович, возвращая шприц Варваре. — Тупфер! Зажим для нерва! Не годится. Дайте прямой! Ножницы! Вот! — с торжеством произносит Иван Иванович, поднимая на кончике пинцета белый, окровавленный кусочек нерва с пристальными бугорками узлов. — Спрячьте это, — говорит он Варваре. — Тампон с перекисью. Быстро! Выньте валик из-под бока! Снова расширители. Зашибать!

Нитка уже вдета в кривую иглу. Щелкают замки иглодержателей, и гладкая рука Варвары на секунду повисает в воздухе в состоянии готовности и покоя.

— В глубине накладываются швы толстым шелком: там важнейшие мышцы, — говорит Иван Иванович Сергутову. — Завязывайте так, чтобы нитка села; не нужно большого напряжения при затягивании второго узла, — он проделывает это для примера сам. — Едите: она села! Третий ряд швов на подкожную жировую клетчатку сделаем очень тоненькими нитками и редко, только свести края; жир легко сплывается, но и легко нагибается, а шелк никаких швов остается в теле навечно.

Сестра, подающая стерильный материал, тихонько засторила о чем-то с Никитой. Иван Иванович, не терпевший пререканий во время работы, замечает:

— Что вы его обижаете? Он тут один среди вас, женщин.

— Да я и не обижалась! — весело отзыается Никита, прерывая на минуту свои записи, но не спуская взгляда с прибора, показывающего кровяное давление. — Что я за Никита? Никита — медсестра! Бреюсь только — и то по привычке.

— Как чувствуешь себя, Леша? — спрашивает Иван Иванович, делая последний шов (вся операция длилась полтора часа).

— Вроде потеплело в ноге... Словно кровь потекла вниз по жилкам: и болеть сразу перестала.

— Ну, вот видишь! А ведь ничего особенно страшного, правда? — С минуту Иван Иванович молчит, проводя пульс больного. На лице его веселое оживление, созданное удачно выполненной работой, которое вскоре сменяется озабоченностью. — Когда сделаем операцию на левой стороне? — спрашивает он, представив дальнейшее течение болезни. — Поправляйся, отдыхай, а через месяц сделаем. Теперь ты уже не станешь бояться?

Леша смущенно улыбается:

— Ведь на той ноге только чуть-чуть сказывается. Может мне только показалось, что она мерзнет да устает. Давайте подождем хоть с полгода, посмотрим, что будет.

— Да то же самое, — возражает Иван Иванович с понимающим добрым выражением. — Я же для твоей пользы советую.

45

Запах лекарств встретил Ольгу на крыльце больницы. Лицо ее стало язващимо серьеозным, когда она потянула тяжелую, но бесшумно открывшуюся дверь. Перед ней распахнулся белый коридор, устланый ковровой дорожкой. Масса цветов, глянцевито блестевших чисто умытыми листьями, заслонила вьюль окон. Другая стена была изрезана высокими просветами дверей.

Протяжный стон, донесшийся издалека, заставил Ольгу еще более насторожиться. Потом застынал кто-то рядом, и она услышала приглушенные голоса, вздохи, осторожные грузные топчушиеся шаги нескольких людей, будто переносили хрупкий, но громоздкий предмет.

— Вы к Ивану Ивановичу? — спросила Ольгу Варвара, вышедшая из этой палаты. — Он только что закончил операцию, и его вызвали для консультации в поликлинику. Вам подождать придется. Хотите, я провожу вас в комнату отдыха?

Она открыла дверь и направилась впереди Ольги по такому же светлому, но короткому коридору.

Ольга шла за ней и смотрела на ее косы, уложенные в рабочее время большим узлом под белой косынкой, на узкую ее руку, которой она поправила на ходу воротник и поясок халата. В другой руке Варвара несла тарелку-подносик с лекарствами и пустым шприцем. В каждом движении девушки чувствовалась спокойная уверенность.

— Сюда! — сказала она и посторонилась было, чтобы пропустить Ольгу в комнату, но, увидев кого-то среди находившихся там больных, вошла и сама.

У стола, вполоборота к двери, в кресле-каляске сидел Тавров. Он что-то писал в блокноте, положенном на полу согнутое колено здоровой ноги. Вторая нога, толсто забинтованная до кончиков пальцев, лежала неестественно прямо и неподвижно.

Напротив сидел человек атлетического сложения и огрубелыми руками, так и выпиревшими из рукавов, неловко потягивал, запахивал полы белого халатика, напяленного на него. Повидимому, это был рабочий с фабрики.

Варвара заговорила с Тавровым. Он слушал, прекратив писать, явно не согласный с нею, насупившийся, но вдруг покраснел и лицом и шеей и быстро обернулся к Ольге.

— Здравствуйте! — сказала она, подходя ближе. — Сколько мы переволновались из-за вас! Как же вы потерялись тогда?

— Пошел и потерялся, — ответил он смущенно, но тоже радостно глядя на нее. — Мне раньше казалось, что в горах заблудиться невозможно, а это так легко. В туман особенно.

Варвара еще стояла возле, посматривала доброжелательно на Таврова и Ольгу.

— Знаете, какой он больной? — сказала она Ольге. — Такой, которого следует привязывать к кровати. Немножко лучше стало, и ему сразу надо работать, вызывать своих людей, устраивать здесь заседания. Он не считается с тем, что это вредно отразится на его здоровье.

— Очень считаюсь, Варенька! Я же берегусь. Вот владел коляской, езжу, будто в машине...

— Все равно нельзя. Вы нарушаете предписания врачей. Я доложу Ивану Ивановичу... Возможно, он разрешит вам принимать ваших работников в палате.

Варвара умолкла и заторопилась уходить, видимо вспомнив о других делацах, порученных ей. Поднялся и рабочий; осторожно тронув Ольгу за локоть, показал на стул, освобожденный им, и, стараясь не топать, вышел, предварительно громко пошептавшись с Тавровым. Угроза Варвары явно подействовала.

— Видите, как нас тут притесняют! — шутливо пожаловался Тавров, обращаясь к Ольге. — А вы? Что у вас?

— Работаю, — ответила Ольга. — Напечатали один очерк о старателях, а сегодня опять пришла газета... Вы не читали еще?..

— Теперь довольны? — спросил Тавров.

Люди в фланелевых пижамах и халатах теснились тут же вокруг стола, медленно прохаживались по веранде за широкими окнами, но они, двое, чувствовали себя точно наедине, понимая друг друга с полуслова.

Ольга рассказывала о своих сомнениях и планах, о новых переживаниях в связи с работой.

— Мне было то жарко, то холодно, когда я увидела очерк напечатанный... Ведь такая ответственность!

Она испытывала теперь ощущение полного счастья. Впервые с тех пор, как потерялся Тавров, она дышала свободно. И встреча их обошлась хорошо: ни упреков, ни стесненности, которых Ольга боялась.

Задумавшись на минуту, она подняла на Таврова ласково блестевшие глаза. Он смотрел на нее. Взгляды их встретились на одно короткое мгновение, но Ольга чуть не вскрикнула, так остро дрогнуло ее сердце. «Зачем это!» — прозвучал в ее душе отчаянный возглас.

Словно она открылась Таврову в утаенном ею даже от самой себя. Она хотела подняться, ноги отказались повиноваться ей.

— Я все время там думал о вас, — произнес он чуть слышно.

46

— Ты уже здесь? Варя сказала мне... — говорил Иван Иванович, идя навстречу Ольге по синей дорожке большого коридора. — Давно ждешь? — Не выслушав сбивчивого ответа, он подхватил ее под локоть и повел в отделение для больных, страдающих цингой, заранее торжествуя. — Вот ты посмотришь... Мне уже памекали, дескать, стлаником лечились давно; мол, это не новость. А я ответил: мы часто не обращаем внимания на то, что подмечено народом. Однако мало найти средство: надо знать, как применить его.

Ольга слушала мужа, плохо понимая смысл его слов. Какое значение для них обоих имело то, что совершилось в ее душе?

В большой палате, в которую он ввел ее, находилось много людей в больничном белье, сразу потянувшихся к своим койкам.

— А неделю назад они лежали! — сказал Иван Иванович, твердыми шагами направляясь к большому человеку, который сидел точно в люльке, опираясь огромными ладонями в края кровати.

— Здравствуй, Фирсов! Поправляешься?

— Понемножку, Иван Иванович! — ответил тот, широко, но как-то жалко улыбаясь.

— А ну-ка встань! — уже озабоченно приказал Иван Иванович.

Тот приподнялся с заметным усилием и проковылял на костылях меж коеч, радуясь судорожным движениям своего громоздкого, точно связанныго еще тела.

— Молодец! — одобрил Иван Иванович. — Приподними руку... правую, отведи ее назад. Еще разок...

— Яков у нас — герой, — произнес за спиной Ольги сосед Фирсова по койке. — Прямо из могилки выбрался. Только вот зубы у него...

— Да, действительно... — промолвил Фирсов, сразу омрачаясь. — Были одни к одному, а цынга вылуцила. В случае, если и нам придется воевать, не возьмут меня теперь, поди-ка?

— Ясно! — отозвался сосед. — Куда уж без зубов-то!

Ольга взглянула пристальное на Фирсова и поняла, почему его молодое лицо имело странное выражение: щеки втянулись, нижняя губа запала, словно у старика, это и делало его улыбку жалкой.

— Покажи, что у тебя осталось, — сказал Иван Иванович и, взявшись обеими ладонями голову Фирсова, заглянул в его широкий, готовно раскрытый рот.

У Ольги даже слезы навернулись от волнения. Ей стало стыдно. В самом деле, может ли быть что-нибудь прекраснее сознания важности и нужности своей работы?! Медицина, как занятие, ее никогда не привлекала, но вот же результат — живой человек!.. Разве сй, Ольге, безразлична судьба этих людей? Так почему же у нее нет чувства признательности к мужу-доктору?!

— Зубы тебе вставим, — уверял Фирсова Иван Иванович, — или из пласти массы, или металлические. У нас же в больнице сделают.

Фирсов тяжело сел из край койки. Подошли другие, пестукувая костылями.

— Попробуй без палочки, — предложил Иван Иванович больному, побойчее на вид.

И тот, отложив палочку, опасливо и охотно зашагал по палате.

— А ты уже совсем без подпорок ходишь? — говорил доктор третьему. — А сюда как прибыл? — он сам помнил «как прибыл» больной, но ему хотелось, чтобы слышала Ольга.

— На носилках доставили. Ни рукой, ни ногой не мог ишевельнуть. Дома меня нарили да патирили, а вся болезнь внутри оказалась.

— Этот из неверующих — сообщил Иван Иванович. — Сначала не хотел принимать стланиковую настойку. Очень уж простое, мол, лекарство!

Ольге вспомнились рассуждения Павы Романовны, все знавшей с чужих слов, будто применение стланика вредно отражается на сердце и почках.

«А разве цынга меньше отражается на сердце, — подумала Ольга, — разве она не разрушает всего человека? Пустая болтовня бездельников может подорвать доверие к любому начинанию». — И опять то, что она убеждала себя, когда следовало просто порадоваться вместе с Иваном Ивановичем, бесприятно поразило Ольгу.

47

— Мне душно здесь становится, Платон Артемович! — неожиданно сказал Иван Иванович Логунову.

Они сидели в коридоре райкома и курили, передыхая после головомойки, заданной им Скоробогатовым. Логунову попало за предложение устроить на руднике центральный водоплив и за недостаточное якобы использование оборудования; Ивана Ивановича Скоробогатов долго и нудно отчитывал за «выпад» в местной газете. Выпад усматривался в статье по вопросу о местных заболеваниях, в частности о цынге. Будто он, Аржалов, сеет панику среди приского населения, «распространяя вздорные и вредные базисы».

— Я хотел обратить внимание на профилактику, то есть на предупреждение болезни, — угрюмо оправдывался Иван Иванович. — Замазывание, лакировка действительности никогда не приводили ни к чему хорошему. — Тут он умолк, перебитый собственной мыслью... Какое-то смутное соображение об Ольге промелькнуло в его голове, но пока он тщился уловить эту мысль, Скоробогатов уже твердо занял позицию.

— Вы коммунист и должны прежде всего считаться с местным руководством, — сказал он, поблескивая немигающими глазами (обычно он обращался к партийцам

на «ты» и только с Аржановым так почему-то не получалось). — Вы хотите стать народным героям! — говорил он явительно, намекая на популярность доктора среди якутов и эвенов. — Герои создаются большими делами. — Скоробогатов поджал тонкие губы, лысина, увеличивавшая его большое, красное, обвегренное лицо, побагровела от раздражения, и он закричал, срывааясь на фальцет: — Я, как секретарь райкома, предупреждаю вас, что ваши поступки будут, наконец, истолкованы нами в настоящем свете, и мы сделаем, наконец, соответствующие оргвыводы...

— Я же работаю... — сказал возмущенный Иван Иванович, — работаю не за страх, а за совесть...

— Мы все работаем за совесть, — перебил Скоробогатов. — Это наша обязанность, и гордиться тут нечего. Каждый отдает по способности. Мы вам прощаем кое-что, — добавил он, глядя на доктора. — Мы вам многое прощаем как крупному специалисту. Но если вы хотите, не считаясь ни с чем, создать особый ореол вокруг своей личности, то это понахивает очень плохо. Для вас же нехорошо... В первую очередь...

«И чего он ко мне привязывается?!» — думал Иван Иванович, выходя от Скоробогатова.

В приемной он столкнулся с Платоном Логуновым. Ему захотелось посоветоваться с этим симпатичным человеком...

Логунов удивился, увидев через час Ивана Ивановича, сидевшего на диванчике в коридоре.

— Вы еще здесь?

— Да, ждал когда вы закончите беседу. Как вас проработали?

— Здорово, да бестолково, — ответил Логунов, еще не остывший после столкновения со Скоробогатовым. — Что-то ему наговорили, сам он в технике производства ничего не смыслит...

— Зачем ему смыслить, — с горечью промолвил Иван Иванович. — На то есть знающие люди, а он их «прорабатывает».

— Он только в этом и видит свое назначение секретаря райкома, — сказал Логунов и невесело улыбнулся. — Распекать, разносить, ставить на вид. Захожу к нему на днях, у него накурено, аж сине! «Что, — спрашиваю, — сидишь словно в тумане?» — «У меня, — говорит, — бой быков сегодня...»

— Сам он бык, — мрачно буркнул Иван Иванович. — Ейка, да еще мороженый!

— Как? — переспросил Логунов. — Почему мороженый?

Они посмотрели друг на друга, обоим представилось красное большое лицо Скоробогатова, его немигающие круглые глаза, и вдруг в коридоре раздались взрыв такого холода, что пооткрывались двери кабинетов, из которых выгляднули недоумевающие и даже испуганные сотрудники.

— Да-да-да! — басил протяжно Иван Иванович, тесня Логунова при выходе на крыльце.

Оба торопились, как наозорничавшие школьники.

с шахтерами прииска, не беглый пересказ событий, по которому скользнет торопливый взгляд читателя. Нет, читатель должен остановиться тут и задуматься. Как достичь этого?

— Оля, принеси мне стакан чаю! — попросил из своего кабинета Иван Иванович.

— Сейчас! — рассеянно ответила она, не поднимаясь с места.

«Можно дать портреты живых людей — будет интереснее, но тогда я выйду из рамок обычной заметки...»

— Если тебе некогда, тогда не нужно! — услышала она возглас мужа.

Конечно, он мог прекрасно обойтись без посторонней услуги, но ему приятно было получить стакан чаю из любимых рук.

— Я пью сам, — добавил он невольно обиженно.

— Да зачем же! — крикнула Ольга почти с раздражением. — Я же сказала — сейчас!

Она быстро встала и пошла на кухню. Чайник уже остыл, она поставила его на электрическую плитку и снова задумалась.

«Отбросить показ работы и жизни разведчиков в тайге — это здесь все знают. Дать несколько строчек о моменте торжества — открытии богатого золота. А цифры, как быть с цифрами?...»

— Ты не помнишь, куда я положил папку с конспиративного письма в обком... такая синяя. Что-то я ее не вижу, — говорил в соседней комнате Иван Иванович.

— Я ее убрала в стол, в правый ящик, — сказала Ольга, входя к нему.

Она достала папку, принесла стакан чаю и остановилась в сторонке, отчужденно наблюдая, как большой, сильный мужчина, с прической ежиком и яркими глазами — ее муж, — энергичными движениями перелистывал бумаги.

О письме в обком Ольга узнала не от него, а от Елены Денисовны, которая, будучи в курсе всех больничных дел, со страстным нетерпением ожидала ответа и в нем подобающего виушия Скоробогатову. Елена Денисовна не допускала мысли о том, что Гусева могут сделать снова заведующим больницей. Она была оптимисткой и верила в справедливость.

— Все у нас делается к лучшему, — говорила жена Хижняка, — и каждый обязательно получит по заслугам. Но она не терпела проволочек. Промедление заставляло ее страдать.

— Конечно, надо разобраться как следует, — рассуждала она скрепя сердце. — Хозяйство огромное, дел множество. Шутка ли, целая область!

«А муж мне ничего не рассказал, — с горечью подумала Ольга. — Он даже закричал на меня тогда. Конечно, он делает большое дело, а у меня пустячки! Да спроси ты меня о чем-нибудь, — взмолилась она к нему мысленно, охваченная сожалением об утерянном чувстве, — поинтересуйся хоть чуточку, чем я сейчас занята. И тебе десять стаканов чаю принесу, я тебе все подам и найду, ты же так мало требуешь от меня! — Душевный порыв, желание снова обрести ощущение полноты жизни подтолкнули ее к мужу, она шагнула и обняла его обеими руками.

— Ну, что, писательница моя? — промолвил он, поворачивая лицо и целуя ее гладкую над сгибом локтя руку. — Соскучилась? Мне сегодня так влетело от Скоробогатова за мой литературный опус в газете, даже вспомнить

тошно. Сразу отбьет охоту писать. Сейчас пойду к Логунову. Надо посоветоваться.

Лицо Ивана Ивановича сделалось далеким, рассеянным, и на сердце Ольги снова стало холодно.

На заседании райкома с беспартийным активом вопрос о стахановском движении неожиданно обернулся для Логунова неприятностью. Его обвиняли в верхоглядстве, в разбазаривании средств, чуть ли не в растрате, и особенно жестоко насыпал на него Скоробогатов.

— Нам отпускаются большие деньги на капитальное строительство, на рационализацию производства, но нужно и использовать их рационально, памятуя о необходимости беречь народные денежки, — убежденно говорил Скоробогатов, обводя присутствующих немигающим взглядом. — Зачем понадобилось Логунову заменять четыре исправных водотлива или заменить половину буров-перфораторов новыми? Ведь меньшая производительность старых может с избытком компенсироваться повышением производительности труда бурильщиков! Полсотни новых перфораторов! В какую копеечку они обойдутся! Логунов плохо, очень плохо использует внутренние ресурсы, все бьет на внешний эффект. Такое отношение тормозит внедрение новых методов труда.

«Вот и докажи ему, что ты не верблюд! — возмущенно думал Логунов, слушая эти рассуждения. — Мы же все используем по части внутренних ресурсов. Ремонтируем, переделываем, изловчаемся использовать инструмент и оборудование до полного износа... После нас хоть сразу в лом на переплавку. Интересно, что скажет наш финансист, главбух!»

Но Пряхин, явно не желая ссориться с секретарем райкома, занял нейтральную позицию.

Тут-то и попросил слова смелый мастер и партторг рудника Петр Мартемьянов. Поднявшись с места, он твердо встал между скамьями, ярко чернел над его широченной грудью оклад густой бороды.

— Моя речь, товарищи, будет небольшая, — промолвил он хорошо слышенным голосом, но, прежде чем продолжать, еще помолчал, теребя концы кавказского ремешка. — Мы, дорогие товарищи, растем не по дням, а по часам, — сказал он наконец, — а то, что мешает нам расти, связывает нас, бесполезно отбрасываем. Правда ведь? — спросил он, метнув вокруг взглядом. — Смотрите, как все меняется! Техническое оборудование, методы работы и руководства... Было время, когда мы старались во главе предприятий ставить хоть и незнающих, но своих, партийных людей, лишь бы заменить ераждебно настроенных спедов. Потом от руководителей потребовались и специальные знания...

— Ближе к делу! — перебил Скоробогатов, поворачиваясь к Мартемьянову красным лицом со спокойным сейчас, даже удовлетворенным выражением.

— Я к делу, — кратко возразил Мартемьянов. — Делом я интересуюсь прежде всего. Доказательства этому есть. За полугодие наш рудник вышел по всем показателям на первое место, и не только в своем приисковом районе. Программу по золоту мы перевыполнили досрочно. Себестоимость добычи тонны руды снизили на восемь процентов.

Бурильщики у нас стали сплошь многостаночниками. Насколько я понимаю, такое не достигается одними благими пожеланиями... И по крайней мере странно теперь слушать, когда заведующего этим рудником обвиняют чуть ли не во вредительстве!

— Вот у вас и сделалось головокружение от успехов. Потому ты и идешь против общего мнения! — произнес Скоробогатов.

— Общее мнение пока еще не выпесено, а я высказываю свое. Вы, Никанор Петрович, привыкли диктовать каждому. Но это не метод руководства. Нам от такого руководства тяжко приходится, тесно, я бы сказал, потому что мы растем не по дням, а по часам.

— Я попрошу беспартийных покинуть заседание, — властно потребовал Скоробогатов, нахисая над столом президиума грузно приподнятым телом. — Можете продолжать! — бросил он в сторону Мартемьянова, после нескольких минут движения, сдержанного топота и кашля в комнате. — Что вы еще намерены преподнести нашему вниманию? — съязвил он, подчеркивая тоном переход из «вы».

— Вашему вниманию я хочу предложить следующее: чтобы правильно руководить таким огромным предприятием и внести партийный дух во все наши дела, большие и малые, надо первому секретарю райкома тоже освоить технику производства. Чтобы он понимал, почему проводится то или иное мероприятие, разбирался с толком, а не заставлял опытных работников краснеть за него.

— Ты это про кого? — в напряженной тишине спросил Скоробогатов, барабаня до синевы.

— Про вас, Никанор Петрович. Вы же, как первый секретарь райкома, во все сами вмешиваетесь, секретаря по промышленности даже в угол загнали, а производства-то не знаете. Вот, к примеру, о центральном водотливе! — Мартемьянов, размыкая, посучил конец бороды и снова продолжал: — Если уж говорить об экономии, то с одним центральным водотливом вместо четырех, крепко поношенных, получится несравненно больше выгоды: в обслуживании на каждом горизонте — раз, экономия по ремонту — два, по расходу энергии — три. А эти «старички» пошли бы на другие участки: в шахты, в старательские артели. В большом нашем хозяйстве всему найдется подходящее место. Только знать надо, что к чему. Теперь в райкомы выбираются партийцы, знающие дело своего участка: в колхозах — сельское хозяйство, на приисках или угольных боязях — горное дело. Вы у нас задержались, значит пора и вам поучиться.

— Вот рванул! Молодчина какой! — сказал с гордой радостью Логунов, выходя вместе с Хижняком из здания райкома.

Радоваться собственно было почему. Мартемьянову, поддержанному лишь меньшинством, среди которого находились Логунов, Иван Иванович и Хижняк (выступивший с критикой вмешательства первого секретаря в больничные дела), дали выговор за дискредитацию партруководства. Проект Логунова о разработке нового участка на руднике, уже отправленный в трест на утверждение, осудили задним числом как «нерентабельный», а его автору попутно высказали порицание за перерасход денежных сумм на оборудование. Скоробогатов пригрозил даже «поставить вопрос» на бюро. И все-таки Логунов был настроен бодро: стенограмма заседания пойдет в обком, и это будет второй открытый удар по Скоробогатову.

— Вот такие доводят любое дело до крайности! — говорил Логунов, шагая вместе с Хижняком по присековой улочке. — У него это называется прямолинейностью. Ну и прет напролом, пока не упрется лбом в стену. Есть директива об использовании внутренних ресурсов — разумная, нужная, а Скоробогатов ставит вопрос так: теперь ничего неизвестно. Значит, работай до той поры, пока не получится полный износ оборудования. Тогда останавливай производство и начинай хлопотать. А почему? Ильзя же вечно цепляться за свои прошлые заслуги. Отстал — подтянись. Не хочешь — все равно разойдется наши пути. Тем, что ты не пьешь и не блудишь, нечего кичиться, это не заслуга для коммуниста, а простая норма поведения каждого человека.

50

— Что же ты не интересуешься, как подвигается перевод научной работы, который ты мне поручил? — спросила Ольга.

— Да? — рассеянно отозвался Иван Иванович.

— Нужен он тебе или нет? — сдерживая досаду, продолжала она.

Они сидели под огромным тополем на солнечном припеке. Тополь, поднимавшийся над ними, отбрасывал всю тень по другую сторону скамейки.

— Видишь ли, — спокойно заговорил Иван Иванович. — Мне сначала рекомендовали именно эту работу, но потом я получил другую, написанную нашим советским пейрохирургом и, по всем отзывам (даже за границей), несравненно более талантливую и значительную. И я, естественно, забыл про англичанина.

— Почему же ты не предупредил меня? — сердито сказала Ольга.

— А почему ты сама ни разу не спросила? — с искренним удивлением ответил Иван Иванович. — Я ведь думал, что это и тебе полезно для практики. А потом, когда отпала надобность, просто забыл...

— Я могла выгнать на этой проклятой работе, — дрожащими губами промолвила Ольга. — Я ее перевела все-таки, но мне тоже ни к чему: узко специальное, столько терминов...

— Бедная моя жена! — смущенно сказал Иван Иванович, беря ее за руку. — Отчего же ты не напомнила мне?..

— Я решила проверить твоё отношение к моим занятиям, — ответила Ольга, вырывая руку и отодвигаясь. — Теперь я совершенно убедилась в твоем безразличии к тому, на что я трачу время, свою жизнь. Лишь бы сохранилась видимость семьи, семейного уюта. Лишь бы тебе было хорошо.

— Ольга! Как не стыдно, Ольга! — сказал оскорблённый Иван Иванович. — Разве я живу исключительно для себя?

— Ты интересуешься лишь своим делом и хочешь, чтобы все интересовались только им. Откуда такая ирония к моей попытке писать в газету? «Писательница», «сочинительница»! — со злостью передразнила Ольга. — Ты всегда старался приспособить мое стремление работать к собственным удобствам. Вспомни, как ты уговорил меня поступить в медицинский институт? Ты говорил: «Зачем тебе возвращаться в машиностроительный? Окончишь —

пошлют куда-нибудь совсем в другую область». Я за тобой всегда езжу, а ты со мной разве не смог бы поехать?

— Ты же сама говорила, что там неинтересно, что сухой предмет.

— Это я уже после говорила. Надо же было как-то оправдать свой уход.

— А зачем ты сейчас вспоминаешь? — спросил Иван Иванович, тоже начиная сердиться. — Если ты собираешься работать в газете, зачем сожаления о том, что уже непоправимо?

— Затем, что тебе и тогда было все равно, как я себя чувствовала, и сейчас тоже. — Ольга помолчала, но, не в силах совладать с горькой обидой, добавила: — Я уже сколько раз заговаривала с тобой... Если бы ты хоть чуточку понимал, ты бы сам давно серьезно предложил... уступил мне написать о цыганах.

— С этого и надо начинать, а не крутиться вокруг да около с таким злом!

Ольга снова всхлипала:

— Я больше не стану даже начинать, раз ничего, кроме взаимных оскорблений, не получается.

Лето проходило. Иван Иванович, поглощенный делами, и думать забыл об отдыхе. Ольга тоже не напоминала ему об этом. У нее были свои трудности и складывалась своя, отдельная жизнь.

— Ты стала заправской домохозяйкой! — сказал однажды Иван Иванович, отведав варенья из морошки, заготовленного ею. — Я не ожидал, что ты основательно занимешься этим.

Ольга выслушала молча, не понимая одобрял или осуждал он ее поведение.

— Занятия в кружке английского языка у меня тоже не плохо идут, — сказала она небрежно.

О том, что занимало ее воображение и за чисткой картофеля, и по пути в магазин, она промолчала. Теперь она просто боялась разговоров с мужем на литературные темы. При нем она хлопотала о всяких мелочах, и это еще больше отдало их друг от друга, потому что Ивану Ивановичу самому уже не приходило в голову делиться с ней большими заботами. Но он любил ее и такую, погруженную в мысльную суету, озабоченную покупками или деловито обсуждающую с приходящей работницей очередное домашнее мероприятие. Тем более ему нравилась ее скромная общественная деятельность, в которую он включал и газетные статьи.

Но он был чуткий человек и быстро обнаружил подозрительную брешь в, казалось, мирном семейном существовании: сначала еле уловимый сквознячок, затем нарастающее ощущение холода и открытая отчужденность.

Иван Иванович удивился и огорчился.

— Чего тебе нехватает? — спросил он Ольгу после очередного, нелепого, по его мнению, столкновения.

— Совершенного пустяка — побольше внимания, — ответила она бледнея.

Ее бледность яснее всяких слов показала Ивану Ивановичу серьезность положения, но очевидная вздорность обвинения рассердила и возмутила его.

— А если бы ты работала столько, сколько я, — невольно вырвалось у него, — чего ты потребовала бы тогда от близкого человека?

— Я бы не только потребовала от него, по и ему удавляла бы частицу своего духовного богатства.

— Значит, близость со мной не обогащает тебя?

Ольга с минуту молчала, пока молчание стало невыносимым для обоих. Тогда она сказала быстро и нервно:

— Да, не обогащает.

Дни три после этого они не разговаривали.

51

Положив в карман блокнот и пару карандашей, Ольга вышла из дома. На крыльце она остановилась, глядя на серые вершины знакомых гор. Внизу, в лесистых распадках, уже сверкала осенняя позолота: начинали желтеть листья ольхи и тополей, побурели лиственницы.

«Туда бы, в горы!»

Но иная потребность толкала Ольгу в другую сторону, и она легко зашагала вниз с береговой террасы, потом улицей, по дорожке вдоль старого русла реки, где светлели груды промытых песков. Люди присека, их быт и труд привлекали Ольгу. Теперь она уже не стеснялась ходить с блокнотом и записывала все, что заслуживало внимания. Она спускалась в старательские шурфы, заходила в будки мотористов на гидравликах, пробовала овощи, выращенные в якутском совхозе, помогала портнихе-якутке подобрать фасон платья для румянощекой скучастой бригадирши-огородницы с косами цвета воронова крыла. Она была приветливо-общительна, и каждый, с кем она заговаривала, охотно делился с ней своим трудовым и жизненным опытом.

«Обед сегодня я разогрею вчерашний, — подумала Ольга, проходя по узкой дощечке через мутный поток водоотводной канавы. — Хорошо, что Ваня не привередлив, но почему он не верит в серьезность моей работы? Мы становимся чужими. Нам уже не о чем говорить, когда мы остаемся вдвоем. Мне приходится читать свои вещи Паве. Она хоть ничего не понимает, но все-таки слушатель».

Старатели из новой, но уже знакомой Ольге, артели рвали рядом с водоотводной канавой другую, маленькую. Они собирались принять часть воды на свой участок. Проходя мимо, Ольга поздоровалась с ними.

— Жена доктора Аржанова, — произнес за ее спиной старческий голос.

— Писательница, — добавил другой, помоложе, — в газету пишет.

Ольге стало неловко, хотя это слово было произнесено с большим уважением.

— Я не писательница, — сказала она, обернувшись к рабочим. — Тех, кто пишет в газету, называют сотрудниками или корреспондентами.

И она в раздумье пошла дальше. Есть люди — писатели!.. Но Ольга даже не мечтала попасть в эту категорию: там нужен особый талант.

«Для меня будет огромным достижением, если я добьюсь звания заправского корреспондента».

Ольга взглянула в ту сторону, где серели над взгорьем высокие корпуса флотационной фабрики, вспомнила встречу с Тавровым в больнице, и чувство нежной признательности к нему овладело ею.

После той встречи она была у него еще раз с Павой Романовной, потом его выписали домой, приставили к нему санитарку, и он совсем исчез из поля зрения Ольги. Но

он жил тут и продолжал работать. Пава Романовна в качестве «жены-общественницы» навещала больного вместе с другими приисковыми активистками, следила за его питанием, «создавала ему уют» и, между прочим, сообщала Ольге о его состоянии. Сама Ольга почему-то не могла осмелиться побывать на его холостяцкой квартире.

«Хорошо бы посоветоваться с ним о работе над очерком, показать ему черновые варианты, поделиться планами. Почитать, а он сидел бы и слушая». Даже при одной мысли о такой возможности Ольге стало радостно.

День уже клонился к вечеру, когда она возвращалась. Воздух, свежий и чистый, был наполнен терпким запахом спелых трав и листьев, тронутых увяданием. Ольга быстро ила, дыша всей грудью, счастливая сознанием своей причастности к окружающему. Она много сделала сегодня и теперь торопилась почасть домой раньше Ивана Ивановича.

С какими людьми удалось ей поговорить!.. Правда, это замечательный народ, — серьезный и жизнерадостный, уже вросший корнями в северную не очень-то ласковую землю. Каждый имел, помимо трудовых интересов, особые наклонности: тот, увлекаясь футболом, являлся гордостью районной команды, та побивала рекорды на лыжных состязаниях, старый таежник со старательской шахты, впервые в жизни занявшийся огородничеством, передал в пользование своей артели целое парниковое хозяйство. Разговоры с ними хорошо настроили Ольгу.

Ее сапожки и походный мужской костюм были запачканы грязью, светлые волосы растрепались. Подойдя к центру присека, раскинувшегося на несколько километров, она извлекла из грудного кармана крохотное зеркало и начала приводить в порядок прическу, стерла землю со щеки, поправила воротник ковбойки... И вдруг совсем близко услышала голос Таврова.

Она перепрыгнула через канаву на обочину шоссе, окаймленную кустами ольхи и шиповника, глянула вниз... За выступами обломанных камней, меж которых поднимались сохнущие метелки иван-чая, окутанные кудреватым серебряным пухом, на старой береговой тропе, проложенной еще первыми чажминскими старателями, она увидела Таврова рядом с пожилой крупной и прекрасной женщиной.

— Ну, теперь я попробую пройтись без костылей, — говорил он немного вззволнованным голосом. — Подержите их, нянечка!

Ольга вцепилась обеими руками в мешавшую ей ветку и, почти не дыша, следила за первыми шагами Таврова. Он двигался неуверенно, видимо, еще опасаясь ступить на ногу, недавно освобожденную от гипсового сапожка. Может быть, его цугали простор вечернего пеба, радостно рдевшего над ним, и возможность самостоятельного движения без опоры и поддержки, прекрасная возможность, чреватая сейчас опасными неожиданностями.

Ольга видела его лицо, чуть улыбающееся и удивленное, лицо ребенка, начинаящего ходить. Сходство довершила нянечка в белом халате, озабоченно глядевшая на своего питомца и тихонько шагавшая за ним с костылями в руках, чтобы в любую минуту прийти на помощь.

Но он шел все увереннее, почти без признаков хромоты. Улыбка красила его похудевшее лицо. Он не заметил

Ольгу, скрытую кустарником. Санитарка смотрела только на него, а сама Ольга не смогла отвлечь их от такого серьезного дела. У нее перехватило дыхание. Она отступила. Ветка, высвободившись из ее рук, еще долго покачивала легкое золото своих листьев над красными ягодами неподвижного шиповника.

52

— Я человек прямой, — часто говорил Скоробогатов.

Его самоуверенность, замедленный взгляд властных с красноватинкой глаз, большое лицо, багровевшее в минуты гнева, подавляли и далеко не робких людей.

Игорь Коробицкий просто боялся Скоробогатова, но когда тот поставил на-днях вопрос о невыгодности нового метода использования топлива на электростанции, Игорь со всем пылом заступился за проделанную им работу. Скоробогатов, будучи побит техническими расчетами, не теряясь, сказал:

— Мое дело — проверить. Я в этом отношении, как профессор, выступающий против при защите диссертации. Ваша обязанность — защититься и убедить меня в своей правоте. Мое дело — не механизмы, а человек, который этими механизмами управляет. Мне нужно вникнуть в самую сущность человеческой души.

И механик Коробицкий, победив как специалист, сразу ступешевался перед проникновением в его сущность и снова стал побаиваться секретаря райкома.

С таким привычным чувством робости он и вошел в солидно обставленный кабинет Скоробогатова, заранее отыскивая и взвешивая свои возможные погрешности.

Скоробогатов разговаривал по телефону.

— Да, да, секретарь райкома! Пора бы знать, — говорил он, кося одним глазом на вошедшего.

Нотом голос его еще повысился.

Игорь осторожно снял соринку с праздничного kostюма и, ступая на цыпочки, отошел к дальнему окну.

— Если ты не выполнишь, то имей в виду, что у тебя не два партбилета, а один, и тот отберу, — строго говорил Скоробогатов. — Надо понять... смотри! — говорил он минуту спустя. — Ты идешь против партии.

У беспартийного Игоря заныло под ложечкой, и он первым движением поправил галстук. Ему уже хотелось, чтобы разговор по телефону продолжался дольше. Но в трубке как раз заглохло, и после встряхиваний и сильных продуваний она была энергично водворена на место.

— Вот! И того не можете, — язвительно сказал Скоробогатов, уставясь немигающим взглядом на Игоря. — Механики! Инженеры! Второй день мучаюсь с телефоном...

— Я пришлю мастера, Иванов Петрович.

— Присыпали уже! — Скоробогатов махнул рукой и, достав платок, крепко вытер раскрасневшееся лицо и лысину.

С минуту он в упор глядел на нерешительно подошедшего Игоря, поджимая тонкие губы, кивнул чисто выбритым подбородком на кресло, затем спросил:

— Что у вас происходит?

Игорь неловко и готовно подскочил:

— Где?

— Ну, у вас... Там... Вы же все крутитесь около жены Аржапова, — грубо, от внутренней досады на бесцоковость собеседника, пояснил Скоробогатов. — Все эти интеллигентские штучки... Забываете о рабочей среде. Сплошные выпады!

«Какие выпады? Чего он выдумывает?» — подумал Игорь.

— Я не допущу разводить безобразия! — продолжал Скоробогатов.

— Позвольте! — прервал его возмущенный Игорь. — При чем же здесь я?

— Вот как? Вы серьезно полагаете, что вы ни при чем?

— Да... Собственно, — замявшись, промолвил Игорь, задетый за живое. — Я очень уважаю Ольгу Павловну...

— Хм! — произнес Скоробогатов скептически. — Красивая, молодая женщина и одинокие молодые мужчины! Я вижу: Аржапов уже почернел, буквально почернел от вашего уважения и в своем физическом и моральном облике. Но о нем разговор впереди. Его я еще рубану! Сейчас речь о вашем поведении.

— О моем поведении... — повторил Игорь, взбешенный бесцеремонным вмешательством в самые, казалось, тонкие его переживания, но обескураженный сознанием какого-то неписанного права у Скоробогатова на это вмешательство.

— Я предлагаю вам серьезно подумать! Вы нарушаете этические нормы! — продолжал греметь тот. — Эх вы-ы, культурные люди!

53

— Я не пойду! Вот еще новости! — вскричала Ольга. Какие такие нормы я нарушила?

— Он очень просил...

— Вы хотите, чтобы он прочел мне проповедь о добродетели? — спросила Ольга с неожиданным вызовом.

Игорь молчал. Он действительно уважал Ольгу. Только здесь, где все жили на виду, могли пойти разговоры о ее неладах с мужем. И то было непонятно, чем вызваны эти толки: вниманием, которое она вызывала, или знакомством с болтушкой Тавровой Романовой? Поведение ее не давало поводов к дурным толкам.

«Почему же я отступил перед Скоробогатовым?» — мучительно думал Игорь, не глядя на Ольгу; он вздрогнул, когда она спросила:

— А вы..? Отчего собственно вы заинтересованы в моем объяснении с ним?

«Оттого, что я растерялся и не сумел защитить вас, — мог бы ответить Игорь. — Мне вспомнилась ваша дружба с Тавровым, и я в тот момент решил: мне не все известно. Если это не так, то пойдите и защищайте себя».

— Хорошо, я пойду к нему, — задумчиво сказала Ольга, взглянув на попургоя Коробицкого.

— Ну-с? — пропиес Скоробогатов, слегка приподнявшись в кресле и протягивая руку для приветствия. — Как поживаете, Ольга Павловна?

Ольга не ответила, и, пока она собиралась с мыслями, Скоробогатов без помехи рассматривал ее. До него дошли слухи о ее необычных отношениях с Тавровым, и он решил

сразу вмешаться. Не ожидая мгновенного раскаяния, он все-таки рассчитывал на признание, смущение, по крайней мере на согласие соблюдать внешнее благообразие.

Однако на лице Ольги выражалась лишь гордая, даже злая настороженность.

Скоробогатов смотрел и думал. Он усматривал, в данном случае, возможность нарушения общественной этики и ополчился против нарушителя вне зависимости от пола. Вид Ольги задел его за живое, и он сказал жестче, чем рассчитывал:

— Что там у вас происходит?

— Мне кажется, у нас ничего плохого не происходит, — возразила Ольга, смело взглянув из него из-под тяжелых ресниц.

Скоробогатов побагровел:

— Не стройте из себя девочку!

— Я не строю. И вообще... что за то? Мне кажется, вы забыли, кем вы являетесь: вы же секретарь райкома.

— Нет, это вы забылись! — крикнул Скоробогатов. — Мне не нравится ваше поведение.

— А мне не нравится ваше, — ответила Ольга твердо, но сердце у нее почти до дурноты заколотилось. — В чем дело?

— Вот именно: в чем дело? — перебил Скоробогатов, тоже разгорячаюсь. — У нас семья составляется по свободному выбору. Вы же знали, кого выбрали. Раз так, должна быть любовь, ясность, взаимное уважение. Что же получается? Муж — крупный работник, а вы компрометируете его, снижаете его рабочий потенциал. А ведь вы тоже человек не без задатков: статейки пописываете. Устраивать свидания с посторонним мужчиной в частном доме! Мало того: превратить больницу в дом свиданий! Ну, уж знаете!.. А ведь это отражается на коллективе через настроение вашего мужа. Но с ним я еще поговорю особо! Сейчас речь о ваших... выпадах. Ведь это же пошлость! Поймите, по-оцельству, — подчеркнул Скоробогатов с брюзгливым выражением. — Если легкий флирт, тем более. Сегодня Тавров, завтра Коробицын. Раз...

— Замолчите! — сказала Ольга тихо, но столько негодования было в ее лице и голосе, что даже Скоробогатову стало неловко. — Пошлость в том и заключается, что может загрязнить самые прекрасные отношения. Да, я дружу с «посторонним» мужчиной. Но этот «посторонний» помог мне в главном: найти в себе человека-работника. Теперь передо мной цель большая, и нехорошо... вам-то особенно нехорошо бросать мне такие упреки.

— Зачем ему понадобилось вызывать ее? — сказал изумленный Логунов, выслушав Игоря, пришедшего к нему с жалобой; брови Логунова сошлись в одну прямую линию. «Безусловно, честен, деятелен очень», — подумал он о Скоробогатове, — но в своей деятельности похож на крыловского медведя, взявшегося гнуть дуги: гнет, пока не переломит».

— С одной стороны, понятно: семья — это дело общественное, и забота о ней должна нас волновать, — словно нехотя заговорил он, посматривая на Игоря горячими угольно-черными глазами. — Но если речь идет о большом чувстве, то как можно вмешиваться?! Тем более, детей здесь нет, а все взрослые, серьезные люди. Да, по-

моему, и вряд он поднимает шумиху. Иван Иванович сам сумеет поговорить с Ольгой Павловной, если понадобится.

— Но-моему, он лицемер, — решительно высказался Игорь.

— Кто?

— Скоробогатов.

— Ну, это вы тоже загнули! — хмуро возразил Логунов. — Я думаю, он от всей души хлопочет...

— Почему же он не хлопочет о Павле Романовне... — серьезно начал было Игорь, но спохватился и умолк, точно поперхнувшись словом. — Вы не подумайте, я не осуждаю Павлу Романовну, — добавил он, извиняясь за свою обмывку. — В конце-то концов это — глубоко личное дело, и всякий сам расплачивается за свои грехи. Что? — спросил он простодушно, заметив движение Логунова. — Вы не согласны?

— Не согласен. Это — дело личное, пока оно соответствует нормам поведения общества, но, коль скоро происходят какие-то нарушения, общество вмешивается.

— Значит, вы поддерживаете Скоробогатова? — с явным прискорбием спросил Игорь.

— Нет, мне не нравится метод его вмешательства, — сказал Логунов.

Оба стояли на площадке рудничного двора, в стороне от работавших моторов. Уже спустилась вечерняя смена, отшумел встречный людской поток, и у подъемников установилось сравнительное затишье, только подходили непрерывно вагонетки с рудой.

— Это не метод, — повторил Логунов. — Скоробогатов не думает о тактичности и чуткости, которые должны быть органически присущи ему по роду работы. Уж если потребовалось, так надо было вызвать самого Ивана Ивановича или Таврова, членов партии, и поговорить по-товарищески, а не стучать кулаками. Тем более, что совсем нет основания к стуку и крику. Скоробогатов кричит о нарушении этики только потому, что кто-то прошелся под руку с чужой женой, а глубже он не видит.

— Не видит, — как эхо, откликнулся Игорь Коробицын, сам ничего не понимавший. — Когда я встретил Ольгу Павловну после ее разговора со Скоробогатовым, она вся дрожала. Она не плакала, не сердилась, но просто была подавлена, значит он основательно потолковал с нею. Надо призывать к порядку того, кто распутничает, хотя бы и шито-крыто, кто действует как зараза.

— Вы так и сказали Скоробогатову?

— Нет. Он сбил меня с ног сразу. Вы же знаете его приемчики!..

— Однако он не сбил вас, когда речь шла о методах сжигания топлива на электростанции, — напомнил Логунов.

— Еще бы! Там я точно господь бог, а в этом деле сознаю себя подкидышем.

«Да, это — дело сложное! — думал Логунов, выходя из штолиин рудника. — Находятся умники, изображающие нас, советских, особенно партийных людей, сухарями, которые глушат в своей душе живое чувство. Или они представляют нашу жизнь как сплошной подвиг самоотречения, как жертву, принесенную ради будущего. А мы живем, правда, напряженной, но полной, интересной жизнью, любим и радуемся со всеми силой человеческих чувств, не стесненных никакими условностями, кроме блага ближнего».

— До свидания, Юрий Гаврилович! — сказал улыбаясь, Иван Иванович и, взяв мальчика на руки, легонько потрепал, погладил его. — А ты ничего стал: жирком оброс, — промолвил он шутливо. — Но только, чур, беречься! Иока не научишься ходить по-настоящему, не прыгай, не взбираяя высоко, чтобы не упасть. Ну да ладно, Денис Антонович твоей маме расскажет, как тебе нужно вести себя.

— Я теперь сам знаю, — ответил мальчик и неожиданно охватил цепкими ручонками крепкую как столб шею Ивана Ивановича.

— Ты что? Испугался? Думаешь, уроню?

— Нет, — маленькие губы приблизились к лицу Ивана Ивановича, блестящие глазенки заглянули, казалось, в самую его душу. — Можно? Я чуть-чуть!

Иван Иванович кивнул и даже зажмурился от волнения и рассмеялся, ощущив милое торопливое прикосновение к щеке, к уголку рта.

— Сильные вы! — сказал мальчик со вздохом, проводя ладошкой по плечу своего исцелителя. — И... колючие...

«Не успел побриться сегодня! — подумал Иван Иванович, оставшись один. — Плохой признак для женатого человека... Да... чувствую — испадно, а что — не пойму! Здесь несколько дней, недель проведешь с человеком и то словно кусок жизни своей отрывашь, расставаясь с ним. Вот Юрек — птаха малая. Иока выходили, привыкли к нему! И он пригрелся... «Я чуть-чуть!» Разве забудешь такого? А там восемь лет душа в душу...

— Письмо! Иван Иванович, письмо! — запыхавшись от волнения и спешки, проговорил глазной врач, входя в кабинет.

— Какое письмо, Иван Нефедович?

— Из обкома, в ответ на наше!..

Иван Иванович побледнел. Глаза его сделались совсем черныхи.

— Где же оно?

— Сейчас Хижняк песет. Да куда он запропал?!

Иван Нефедович высунулся в коридор, нетерпеливо замахал рукой.

— Иду, — сказал совсем близко Хижняк и рыжий, солнечно сияющий показался в дверях.

— Что? — спросил Иван Иванович. — Хорошее?

— Не знаю. Не смотрел. Из выше ведь имя.

— Что же вы сияете заранее? — сердито сказал Иван Иванович, протягивая руку.

— Думаю — нечто хорошее. Привез его работник обкома. Двое оттуда проехали. Созывается внеочередная районная конференция, а такое спроста не бывает.

— Внеочередная, районная?.. — повторил Иван Иванович, еще медля вскрывать конверт, словно боялся заглянуть в него.

— Не тяните, ради господа! — взмолился глазной врач, который при своем плотном сложении отличался тощей, нервозной психикой.

— Ну-ка, что нам пишут? — спросил еще с порога невропатолог Валерьян Валентинович, на ходу протирая очки в ярко-золотой оправе.

Следом за ним вошел раскрасневшийся Сергутов, светло блестя глазами. За его плечом мелькало взволнованное

лицо Елены Денисовны. Варвара и Никита Бурцев явились тоже.

Может быть, им не следовало входить сразу целой гурьбой... Может быть, в письме содержалось что-нибудь тяжелое, унизительное для их главного хирурга, но они подписали обращение к областной партийной организации не ради простой формальности и, ожидая ответ, искренне болели за дело, в котором каждый из них с радостью принимал посильное участие. Поэтому никто не подумал: тактично или нетактично он себя ведет. Отрицательный ответ одинаково огорчил бы всех.

Затаив дыхание, медики следили за движениями рук своего хирурга и не узнавали их: такими неловкими, копотливыми стали они вдруг. Он даже упустил пустой конверт, и тот, перевернувшись в воздухе, с шелестом скользнул по полу.

Сначала Иван Иванович пробежал глазами по строчкам молча, потом лицо его ожило, окаменевшие было челюсти разжались, и в комнате прозвучало знакомое, но давно уже не слышанное:

— Да-да-да! — сопровождаемое приглушенным, басовитым, счастливым смехом.

— Нам дают полную свободу действия под нашу личную ответственность...

55

— Я от всей души хочу сказать, — заговорил на внеочередной районной конференции забойщик с рудника Терентий Пятиволос, молодой по производственному стажу, но известный далеко за пределами области стахановец. — Живем мы хорошо, работаем здорово. Однако могли бы работать еще лучше. В чем же тормоз? В отчетном докладе товарищ Скоробогатов упомянул, между прочим, о своем конфликте с нашим рудником. Этот конфликт и послужил тормозом. И пусть мне не пытаются зажимать рот, как Мартемьянову и Логунову на заседании райкома. Взысканиями нас не укротишь: невозможно молчать, когда общее дело урон терпит. Пусть товарищи из обкома послушают... Наш рудник идет первым в тресте по всем показателям? Идет, правильно! Но если бы нам не положили палки в колеса, мы программу первого полугодия выполнили бы еще раньше.

— Конкретнее! — привычно, но не совсем бодро бросил Скоробогатов, заметно приисмировевший.

Он был насторожен и чаще моргал, посматривая то на представителей обкома, то на делегатов от партийных организаций предприятия, колхозов, совхозов и рыболовецких артелей. Решительно во всех выступлениях по его докладу прорывалось недружелюбное отношение. Скоробогатов искренно недоумевал: почему нашлось столько недовольных? Раньше восставали только одиночки, вроде Логунова, а тут конференция... лучшие представители партийных организаций района... Иногда Скоробогатову хотелось вскочить, ударить по столу и крикнуть, как частенько криковал он у себя в райкоме: «Вы против партии!» Но тут, похоже, партия против него...

Ему вспомнились взбесившие его в свое время слова доктора Аржанова: «Вы точка по сравнению со всей партией».

«Да, только точка!» — покорно подумал Скоробогатов, обегая взглядом людей, собравшихся в зале. Суровое осу-

ждение было на их лицах, а то и презрение. Осуждение пугало Скоробогатова, презрение возмущало. Он мог бы по пальцам перечесть недостатки тех, кто теперь судил его.

«Тот же Мартемьянов любит иногда заглянуть в рюмочку. Знаем мы эти замашки! Сегодня рюмочка, завтра рюмочка, а там, глядишь, и спился! Логунов не пьет, даже не курит, но легкомысленный фантазер, режим экономии у него не на первом плане... Пряхин любит перекинуться в картишки и подхалим... Теперь уже прячет глаза, а раньше, кажется, готов был в огонь и в воду. Да, недаром его жена такая вертушка. И очень жаль, что в свое время это как-то ускользнуло от моего внимания... Вот делегат от совхоза — хромает в политическом развитии. Тот приволокнуться любит... А у того социальное происхождение... да, отнюдь не трудовое!»

Блуждающий взгляд Скоробогатова столкнулся с отчужденным взглядом раскосых глаз председателя эвенской охотничьей артели.

«Этот тоже считает меня конченным человеком! — подумал Скоробогатов, стараясь восстановить в памяти фотографию делегата. — Да, тоже какая-то темная история произошла с деньгами... не то расстрата, не то перерасход...»

Все сидящие в зале райкома представились Скоробогатову неполноценными людьми, и он немного ободрился. Ему в голову не приходило, что он всегда преувеличивал недостатки товарищеской, потому что превозносил самого себя. Глядя на людей свысока, он не замечал в них ничего положительного. А ведь это они создавали заново жизнь целого района! Они прокладывали дороги через болота и горы, строили поселки, корчевали тайгу и распахивали холодные земли, снимая урожаи невиданных здесь овощей и зерновых. Они болели за свои планы по добыче золота, мехов, рыбы; они выполняли их, поднимая на творческий труд тысячи людей, которые сами росли вместе с цифрами программ. Это были те, кому Центральный Комитет партии большевиков доверил освоение Севера.

«Не угодил! — с горестной иронией думал Скоробогатов, слушая выступление районного агронома, с которым у него тоже было немало столкновений за полгода работы. — Всякому хочется, чтобы его по шерстке гладили. Я-то вот терплю же, пока вы меня прорабатываете?..»

— Зажимал всякую инициативу! — говорил с сильным акцентом якут, директор животноводческого совхоза. — Мы приезжали в райком со страхом. Разве так годится? Был товарищ Скоробогатов сам у нас в совхозе, посмотрел, дал указание отвести землю в долине под посевы. Мы доказательства представили, что там нельзя. Никаких доводов. Мы вснахали часть лугов. Летом, когда оттаяла почва, пошла «черная вода», речка наша поднялась. Погубила посевы. Совхоз понес убыток. Теперь будет беда с сеном...

«Не ошибается тот, кто ничего не делает», — подумал Скоробогатов, занося в блокнот отметку для заключительного слова.

Но заключительную речь Скоробогатов произнес почти машинально. Он был убежден теперь, что его слова ни до кого не дойдут, и потому только пытался пояснить конференции отдельные «выпады» против него.

Подкосило его выступление представителя обкома. Когда тот поднялся из-за стола президиума, Скоробогатов со

смутной падежкой уставился в энергичное лицо, увенчанное пышной шапкой седоватых волос. Крепко сколоченная фигура обкомовца, неторопливые движения его рук, уверенная походка и открытый, немного усталый взгляд — все вдруг привлекло Скоробогатова.

«Наш, рабочий парень! — проникаясь симпатией, подумал Скоробогатов, растерявшийся было от неожиданного одночества.

Именно этот короткий самообман усилил жестокость удара. Обкомовец, действительно рабочий в прошлом, кратко суммировав отдельные выступления, прямо обвинил Скоробогатова в диктаторстве.

— Такие методы руководства, — сказал он, — нарушают отношения партии с массами. А чему нас учили товарищ Ленин? Он говорил, что эти отношения определяются взаимодоверием, что партия должна, чутко прислушиваясь к массам, не командовать ими, а убеждать прежде всего. Скоробогатов же установил особый стиль работы: угрозы, окрики, оскорблении, со ссылками на неограниченные права секретаря райкома. Он просто требовал признания своего авторитета, а не стремился заслужить его. Подобное руководство не может быть длительным. И мы видим это на данном, конкретном примере. Политическая активность партийной массы, рост сознания рабочего класса и нашей интеллигенции, перемена в психологии и положении крестьянства — все это требует от нас, членов партии, особенной чуткости и новых методов руководства. А Скоробогатов преступно зазнался; величивая свое я, оторвался от партийной и беспартийной массы. И это поставило обком перед необходимостью сделать соответствующие оргвыводы.

После такой отповеди трудно было выступать, и кое-как «округлив» заключительное слово, Скоробогатов пошел на место. Вся его внушительность сразу пропала: плечи съежились, глаза утратили неподвижно-холодное выражение.

— Спасибо! — шепнул Мартемьянов Логунову, который без злорадства глядел в ссутуленную спину Скоробогатова.

Мартемьянов находился в приподнятом настроении. Он знал, что недолго продержится этот секретарь райкома. Так и вышло. Но-настоящему, по-партийному получилось.

Логунов вышел из машины и осмотрелся: перед ним в лесистой долине, тронутой пятнами осенней желтизны, раскинулись постройки якутского наслега. Одиночные юрты серели кое-где и по берегу речки, окруженные стогами уже побуревшего сверху сена.

— Пошли! — сказал Логунов спутникам и, взяв из машины портфель и небольшой сверток, первый двинулся по узкой тропинке вниз. Влюбленный в горное производство, неожиданно став секретарем райкома, он все еще чувствовал растерянность. Ему вручили сложное большое хозяйство, в котором не так-то легко разобраться. Хорошо, что раньше, работая инженером, он не ограничивался интересами только одного рудника. Рудник был местом его деятельности как специалиста, производство же в целом и сельское хозяйство интересовали потому, что Логунов никогда не отделял свою работу от жизни всего района. Он знал соседей по встречам на совещаниях, партийных кон-

ференциях и сессиях райисполкома и принимал близко к сердцу их успехи и неудачи.

— Этот феодал Куприенко, разогнал-таки кадры совхоза, — с горячностью высказывался он в свое время о бывшем директоре якутского совхоза. — Надо убрать его самого, пока не поздно. Я бы рекомендовал вниманию товарищей кандидатуру агронома Амосова.

И Логунов не ошибся: Амосов, молодой якут, направляемый в совхоз, блестяще выправил пошатнувшееся хозяйство.

Да разве только однажды приходилось Логунову вмешиваться в общерайонные дела! Но теперь он непосредственно отвечал за деятельность всего района.

«А опыта нехватает! — думал Логунов, шагая по плотно утоптанной дорожке. — Как найти основное звено, за которое следует ухватиться?»

Машинистко придержавшись за куст на крутом уступе, он наколол руку и лишь тогда обратил внимание на густой кустарник, затянувший склоны горы — шиповник в изобилии тонкой листвы, унизанный алыми, прозрачными на солнце ягодами.

— Сколько его тут! — пробормотал Логунов, срывая и пробуя спелый плод. — А по берегам рек смородины гибель! Организовать бы выработку витаминов! Приятнее страпника, особенно для ребятишек. Надо будет поговорить с Иваном Ивановичем и с председателем райсовета. Здесь же в наслеге и организовать.

Логунов попытался припомнить лицо председателя здешнего сельсовета, но не вспомнил. Председателя колхоза он тоже не знал. Это огорчило и насторожило его.

«Скоробогатов по крайней мере знал всех работников района по их недостаткам!» И Логунов обратился с вопросом к шагавшим позади районному агроному, тоже члену партии, и секретарю по сельскому хозяйству.

Агроном, уже обрисовавший в общих чертах состояние колхоза, о руководителе его ничего толкового рассказать не смог. О председателе сельсовета оба почти не имели представления.

— Что же так? — сказал Логунов с открытой досадой. — Ведь в этом наслеге даже партбюро имеется. Значит, довольно крупная партийная организация... Кто же является секретарем?

— Не помню... — смущенно ответил секретарь по сельскому хозяйству.

— Теперь понятно, почему дела в этом колхозе в последнее время пошли хуже, — задумчиво промолвил Логунов, замедляя шаги и тем задерживая спутников. — Нельзя утрачивать связь с низовыми партийными организациями. Когда я работал на руднике, то хорошо помнил людей, с которыми был связан. Иначе невозможно. Ведь мы проезжаем по району, чтобы убедиться, как идут дела, и дать общее направление, а проводить мероприятия будет местный актив. Он поднимает на выполнение мероприятий всю массу. Значит, в первую очередь надо изучить актив! — И Логунов неожиданно улыбнулся, поняв причину собственной слабости: он еще не знал людей, которых ему доверили.

После осмотра крупной молочнотоварной фермы Логунов побывал на раскочковках под огороды и пашни. Два трактора из МТС, съехавшие с шоссе не по зимней, грязной сейчас дороге, а прямо целиной, пробили в лесных за-

рослях первовую траншею, ощетиненную поломанными и примятymi деревцами.

— Вот здесь вам и надо будет проложить свою ветку от шоссе, — посоветовал Логунов председателю сельсовета. — Тракторист правильно выбрал направление.

Потом они осмотрели начальную школу, магазин, баню, место, где предполагалось заложить теплые помещения будущей свинофермы, поговорили о кормах и подсобном значении огородов. О свиньях якуты-колхозники имели слабое представление.

— А не замерзнет он у нас? — недоверчиво спросил щеголеватый счетовод. — Говорят, больно жирный, да шерсти на нем нет.

Логунов рассказывал о выгодности свинофермы для колхозов, сообщил, откуда будет проведено сюда электрическое освещение. Сам расспрашивал обо всем и в заключение, найдя хорошую переводчицу, сделал на общем собрании доклад, прослушанный с живейшим вниманием. «Еще задача, — отметил у себя в блокноте Логунов, — овладеть якутским языком». «В этом мне Варя может помочь», — подумал он.

— Ваш доклад очень понравился нашим товарищам, — говорила ему по дороге из юрты, где помещалосьправление колхоза, учительница, мать того Юрия Гавриловича, к которому Логунов обещал заглянуть по просьбе Барбары.

Учительница была молода, со скуластым и горбоносым миловидным лицом, хорошо одета и прекрасно говорила по-русски.

— Мои ученики очень охотно обучаются русскому языку. Они в этом странных заинтересованы, — ответила она, заметив удовольствие, с каким Логунов слушал ее.

Возле небольшой юрты, обмазанной глиной, с высокой побеленной трубой на плоской крыше, она остановилась, открыла дверь в покатой стене.

Их встретила чистенькая старушка-якутка в пестро вышитых замшевых туфлях, окаймленных мехом, в белом платочек и сатиновом платье.

— Это моя мать, — сказала учительница. — Ей уже семьдесят лет, к сожалению, она плохо понимает по-русски (все время жила у брата в дальнем улусе), а то вы бы ее не переслушали, столько она знает разных сказок и историй. Юра от нее не отходит.

Только тут Логунов увидел Юрия. Мальчик сидел возле нар на низком стульчике и чуть исподлобья настороженно посмотрел на вошедшего. Но он сразу узнал Логунова: на лице его вспыхнула улыбка, глазенки засияли.

Он встал и, придерживаясь за пыжиковое одеяло, постланное на парах, сделал навстречу несколько шагов. Итти было явно трудно: искривленные ноги слушались плохо, однако пациент Ивана Ивановича остался верен своему характеру. Уже без улыбки, он сделал еще два шага. И все-таки ему пришло бы опуститься на четвереньки, если бы Логунов, чутко уловивший борьбу физической слабости и почти мужского самолюбия, не пришел на помощь, бесцеремонно подхватив на руки маленького знакомца.

— Начинает ходить! — Со слезами на глазах радостно промолвила мать. — Я просто боюсь верить такому счастью!

Иван Иванович и Ольга, возвращаясь домой с производственного совещания, опять чуть не поссорились. Выручило их появление Логунова. Он издала окликнул доктора, идя по мостику, перекинутому через осущенное русло речки.

— Как поживаете? — спросил он Ольгу, присевшую в ожидании на скамейку.

— Хорошо, — ответила она и вздохнула. — Очень хорошо, — повторила она с холодным ожесточением.

— А на вас настоящее покушение затевается, — сообщил Логунов, обрачиваясь к Ивану Ивановичу.

— Какое же?

— Приехали якуты с Учахана. Просят дирекцию и нашу местную советскую власть прислать к ним доктора Ивана, хотя бы недельки на две. Пригнали нам пятьдесят диких лошадей. Целый табун! Где доктор получал за один выезд такую оплату?! И оленей на мясо пригнали...

— Что это они надумали? — спросил Иван Иванович, еще сердясь, хотя выдумка и щедрость якутов польстили его докторскому сердцу.

Ольга отчужденно промолчала.

— Слухом земляолнится, — промолвил Логунов, тоже присаживаясь на скамейку. — Помните слепых от трахомы женщин, которых вы здесь вылечили? Они вернулись в тайгу, и к ним началось настоящее паломничество. Всем хочется расспросить, убедиться. И вот на Учахане собралось много людей из разных районов. Они постановили послать на Каменушку делегатов и просить вас приехать.

— А где этот Учахан?

— Отсюда километров шестьсот с лишком. Там теперь строится районный центр. Имеется даже электростанция.

— Шестьсот километров! — повторил Иван Иванович. — На чем же ехать?

— Да уж на чем придется!

— Вот беда с ними! — сказал доктор и невольно улыбнулся, вспомнив сбивчивый и восторженный рассказ Варвары о песне, сложенной про него прозревшими женщинами. — Электростанция... Вот это хорошо! Я уже привык работать с электроприборами... Какая экономия сил и для больного и для хирурга! Есть там кто-нибудь из медицинского персонала?.. Кто сможет помочь при операциях?

— Весной был фельдшер. Потом туда ездила бригада врачей из Укамчана и оставила опытную сестру: там готовится открытие крупного больничного пункта.

— Совсем замечательно! — задумчиво сказал Иван Иванович. — Но нельзя ли отложить это дело до зимней дороги? И легче будет поездка и скорее.

Лицо Логунова выразило признательность, хотя иного отношения он и не ожидал.

— Ну, что же, наметим время поездки по первопутку или чуточку позднее, как вам будет удобно, — произнес он весело. — Сегодня же дадим ответ делегатам. Учаханцы рады будут очень и подождут. А за лошадей и оленей Октябрьское управление возместит им полностью.

— Теперь я говорен и просватаан, — не без гордости сообщил Иван Иванович, входя с Ольгой в квартиру Хижняков. — Еду на Учахан.

— Слыхали! Еще утром. Я знал, что вы не откажетесь, — отозвался из дальнего угла комнаты Денис Анто-

нович. Он сидел на полу и играл в куклы с Наташкой. Елена Денисовна возилась у кухонного стола. — Слыхали уже, — повторил Хижняк, все еще прижимая к груди замурзанную резиновую собачку, запеленутую в дочернюю кофточку. — Ради такого случая Елена Денисовна стряпает колдуны, а по-нашему, просто-напросто вареники с мясом.

— Да ведь я еще не скоро поеду...

— И про это знаем. Когда поедете, мы еще состряпаем.

— Вы с Наташкой состряпаете! — промолвила жена Хижняка. — Всю муку у меня порастягли! Горе с вами.

— Небольше бы такого горя! — проговорил Хижняк и, растирая ногу, затекшую от неловкого сиденья на полу, подошел к Ивану Ивановичу. — Ну, как стланик-то на побережье? Гремит?

— Гремит, — повторил Иван Иванович, пытливым взглядом следя за Ольгой.

Он видел, как она сняла и перевязала по-иному косынку, подобрав под нее волосы, отчего ее лицо стало еще моложе, как надела чужой, но сразу приставший к ней передник и принялась лепить крохотные пирожки вместе с Еленой Денисовной, которая делала их с диковинной быстротой.

«Что-то чуждое в ней появилось, далекое, — подумал Иван Иванович о жене с чувством обиды за эту ее отчужденность. — Она здесь, и словно нет ее. Откуда появилось такое? Все разговоры о работе... Непскренни они! Почему их не было раньше?»

— Стланик во всю идет, — подтвердил он. — Да, знаете, какое интересное дело! Получил я сегодня письмо с побережья. Сообщают, что нашлась там одна старая книжка «Описание Камчатки», изданная лет двести назад. Так в этой самой книжке говорится, что стланик — лучшее лекарство от цынги и что матросы в экспедиции на Север делали из него квас и пили его теплым вместо чая.

— Значит... — промолвил удивленный Хижняк.

— Значит, мы заново открыли то, что было известно двести лет назад, — сказал Иван Иванович чуть смущенно. — Стланик — стлаником, а с другой стороны, пойдет борьба за обеспечение витаминами, — продолжал он. Огородные площади в будущем году увеличиваются почти вдвое. Организуются в области новые овощные совхозы, птицеводческий, два животноводческих, рыболовные артели. Отпущены колоссальные средства на организацию МТС и освоение целины в тайге. А Платон Артемович хлопочет сейчас о создании производства витаминов из шиповника.

— Здорово! Здорово! — повторял Хижняк, потряхивая головой, точно утверждая каждое из этих мероприятий. — Я, правда, не ожидал, чтобы Логунов так крепко ухватился и за сельское хозяйство: все же таки он горячак, производственник по натуре. Говорят, с рудника уходил чуть не со слезами. Но поскольку партийные дела того требуют, он и сельским хозяйством овладевает. Раз цынготный район, то здесь сахаром, макаронами да консервами не обойдешься. Именно так: зелень сюда надо двинуть, молочные продукты.

— Да, зелень... — промолвил Иван Иванович, взглянув на жену и мрачнея, и тут же обратил внимание на Наташку.

Девочка еще спала на полу, повернув к взрослым головенку. В этой ее позе, в поднятой руке, в которой она

держала какую-то игрушку, выражались терпеливое ожидание и уверенность... В другое время Иван Иванович тоже поиграл бы с ней, но сейчас так муторно было у него на душе, что он не подошел: оправдать ожидания ребенка можно было только притворством.

— А мне передавали, в Укамчане говорят уже так: «аржаповский метод» лечения стланником, — сообщили Хижняк, весело блестя синими глазами, словно такое говорили о нем самем. — Мало ли что происходило двести лет назад! — продолжал он, обеспокоенный мрачностью Ивана Ивановича. — Мы не знаем, как они тогда лечились, а своих больных мы всех поставили на ноги. В Укамчане много ведь с весны собралось цынготников, и тамошних, и тех, что из тайги вывезли. Только поместить куда-то надо столько людей!

— Да-да-да, — рассеянно поддакивал доктор, думая о странном поведении жены.

«...Картофель глазками до двадцати клубней в гнезде... Индивидуальная посадка... Огромное распространение глазками. Верхушки сохранять... — доносился до его слуха отдельные слова из рассуждений Хижняка, сопровождаемые звоном тарелок и вилок. — Поставить на должную высоту... Одних привозят, других вывозят... Пустое круговоротение...»

«Что он говорит?» — спохватился Иван Иванович, окинув проясневшим взглядом широкую спину Хижняка, который влез под белоснежную занавеску и с грохотом высвобождал что-то на полке.

— Тише, Деня! Так ты всю посуду переколотишь! — крикнула Елена Денисовна.

«Вот она всегда хорошая, — подумал о ней Иван Иванович, ловя смутно промелькнувшую мысль. — Одних привозят, других увозят... Это он о рабочих. Да... Ольга сказала однажды о стланнике: когда вы успели сделать все? Хотя мы каждый день тогда говорили об этом, а она ходила между нами и слушала... Так же наверно, как я слушал сейчас Дениса Антоновича; значит, до нее не доходило то, о чем мы говорили. Выходит, она тоже занята была и теперь занята чем-то другим! Здесь не только увлечение сочинительством... Что же у нее?» — ужаснулся Иван Иванович и такими глазами посмотрел на Хижняка, вынырнувшего, наконец, из-под занавески, что тот поперхнулся словом и чуть не выронил из рук плоский черпак.

— Вы заболели? — спросил Хижняк и деловыми шагами направился к Ивану Ивановичу.

— Ничего... — ответил тот, успев одуматься, — больнуло не то в бок, не то в спину. Прошло уже! — торопливо добавил он, видя готовность фельдшера что-то предпринять.

— Нет уж! Давайте я послушаю, — сказал Хижняк, решительно оттесняя его к дверям своей комнаты. — Как же это «ничего»?! Прямо на глазах весь перевернулся! Конечно, так уж принято: сапожник ходит без сапог, а зубной врач без зубов... Но я тоже кое-что в медицине понимаю, — и он почти насильно стащил с Ивана Ивановича пиджак и заставил его снять рубашку.

— Та-ак! Так! — бормотал он, прижимая трубку твердым ухом. — Дышите! Еще разок! Не легкие, а мокрый кузнецкий! — Он снова послушал, постукал, повернул доктора, стоявшего со скрещенными на груди руками. — Дайте я сердце еще послушаю. Да-а... И сердце стучит, как молот по наковальному. Не организм, а настоящая кузница.

Ей-богу! Этакий вы красавец! — восхитился он, любуясь гладким торсом Ивана Ивановича, связками его могучих мускулов, туго обтянутых атласной кожей, и сурово нахмуренным лицом.

— Какой уж там красавец! — сказал Иван Иванович, криво усмехнувшись. — Впервые слышу.

— Я вам не ради приятности, а от души говорю. Только где и что болит, не понимаю. Переутомление разве? Выпейте сейчас хорошую стопку водки для... дезинфекции, и все пройдет.

58

Приняв эту стопку из рук Хижняка за обедом, Иван Иванович задумчиво посмотрел сквозь нее на стол, на дымящееся блюдо с горячими пельменями-колдунами, окруженное тарелочками с закуской.

— Чистая! — сказал Хижняк. — Прозрачная, как слеза.

— Почему в женском роде? — грустно пошутил Иван Иванович. — Это же «он»!

— Точно! — подхватил Хижняк. — Разведененный, но даже в таком виде силен. На прошлой неделе одна гражданичка зашла в магазин, постояла у прилавка, где продавали спирт, и упала в обморок.

Елена Денисовна удивленно покачала головой:

— От одного запаха опьяняла!

— Ну, положим, не от одного запаха... Тут как раз по твоей части... На материке ее лечили от радикулита, с ногами у нее плохо. После того, как упала в магазине, совсем обезножила и слегла.

— Так это дочь Мартемьянова! Я уже смотрела ее, — сказала Елена Денисовна с живостью. — Я говорила вам, Иван Иванович... Та, которой придется делать кесарево сечение; у нее почти полный паралич обеих ног, и мышцы брюшные парализованы, а беременность первая. Сама она ни за что не разродится.

— Сколько месяцев?

— Восемь исполнилось. По-моему, ошибается она в сроках. Похоже, что вот-вот и родить пора.

— Невропатолог наш уже смотрел ее?

— Сегодня дал заключение, — ответил за жену Хижняк.

— Завтра я сам займусь ею, — решил Иван Иванович. Совсем не нравятся мне такие симптомы.

— А помните, что было в прошлом году с женой геолога с Холодника? — напомнила Елена Денисовна.

— Еще бы не помнить! Я обследовал ее вместе с Валерьем Валерьевичем...

— Валентиновичем, — вставила акушерка.

— Нет, ему, как невропатологу, так больше идет... Обследовали и поставили диагноз: менингитома в правой лобно-височной. И я оперировал, — Иван Иванович оглянулся всех, увлеченный воспоминанием. — Полностью удалил, а опухоль была почти с кулак. Хорошее чувство, когда операция сделана радикально!

— Четвертого мая вы взяли больную на стол, а шестнадцатого июня начались роды, — любовно припомнила Елена Денисовна. — К этому времени она уже сделалась нормальной: начала интересоваться своим состоянием, спрашивать о семье. И мальчишку какого хорошего

родила! — Елена Денисовна хотела еще что-то сказать, но в дверь постучали, и вошел Игорь Коробицкий.

На него, редкого гостя в этой комнате, посмотрели удивленно.

— В субботу у Павлы Романовны маленькая вечеринка, — сообщил он, обращаясь главным образом к Ольге. — Она очень просила меня передать вам... Если вы желаете принять участие...

Было ясно, что-то оскорбительное было в выражении его маленького рта и черных глаз, когда он смотрел на Ольгу.

«Неужели он?» — подумал Иван Иванович, переводя взгляд на жену. Да, с нее точно спала завеса отчуждения, и лицо ее светилось живой внимательностью. «В самом деле он!» — ахнул про себя пораженный Иван Иванович.

— Так вы согласны? — спросил и его Коробицкий.

— Нет, я не могу, — глухо ответил доктор, с трудом удерживаясь от желания наговорить грубостей.

— Напрасно, будет очень весело...

— Не могу, не могу! Занят. У меня работа. Ежели Ольга Павловна хочет, ее воля...

Может быть, Ольге следовало сказать, что ей тоже некогда. Но она, сразу взволнованная, подумала о выздоровлении Таврова, о том, что теперь он обязательно придет к Пряхиным и она встретится с ним!..

— Передайте Павле Романовне — я приму участие, — сказала она Коробицкому.

59

«Да, он обязательно пойдет к этой попытке!» — в каком-то угарном состоянии размышлял Иван Иванович об Ольге, уставясь невидящим взглядом в молодое испуганное лицо женщины, лежавшей перед ним на больничной койке.

У женщины пыльный узел светлых волос, сбившийся к плечу, светлые глаза, и вся она светлая, милая, с высоким животом будущей матери.

— Как звать? — встрепенувшись, ласково спросил Иван Иванович.

— Маруся... Мария Петровна.

— Ну... Маруся Петровна, на что вы жалуетесь?

— Ноги у меня...

— Ноги у меня, — пошутил Иван Иванович, начиная осмотр больной. — Попевелите пальцами. Еще попробуйте. Поднимите правую ногу, согнув в колене. Не выходит? А левую? Тоже не можете! Мы поможем вам. Попробуйте теперь разогнуть самостоятельно. Не получается? Онемели и ноги и живот... Когда же это у вас началось, Маруся Петровна?

Невропатолог Валерьян Валентинович стоял рядом с выражением напряженного интереса на веснушчатом лице: он еще раз проверял, наблюдая со стороны, данные своего предварительного заключения.

— По-моему, поражение спинного мозга, — сказал, наконец, Иван Иванович после тщательного обследования и расспроса больной, взглянув на невропатолога.

— Я думаю так же, — ответил тот. — Начало и развитие заболевания и вся клиническая картина сейчас говорят за то, что здесь, повидимому, опухоль в средне-грудном отделе спинного мозга.

Иван Иванович кивнул одобрительно. Он уже читал заключение невропатолога. Веснушчатый Валерьян отличался глубоко серьезным и сердечным отношением к больным, которое помогало ему делать выводы на основании, казалось, незначительных признаков, ускользающих от невнимательного врача. Иногда хирург и невропатолог крепко спорили при постановке диагноза, но это не мешало их дружной работе. Сейчас мнения совпадали.

Они говорили при Марии Петровне, не скрывая от нее правды. В таких случаях больные подписывали согласие на операцию, удостоверяющее, что они извещены о форме предстоящего хирургического вмешательства. И только сожаление о запущенной болезни в связи с беременностью Иван Иванович выражал по-латыни:

— Следовало сразу же, при первых признаках слабости и болях в ногах, подумать о серьезном заболевании и начать лечение по-настоящему.

— Лечили от двустороннего радикулита, — сказал Валерьян.

— Да-а, — задумчиво произнес Иван Иванович. — Начались боли в стопе и онемение пальцев левой ноги, потом это распространялось по всей конечности, захватив и часть живота. Потом та же картина с правой стороны. Какой же радикулит?! На рентген! — приказал он дежурному врачу. — Сделаем рентгеновский снимок, затем спинномозговой прокол — тогда будет ясно.

Вернувшись к себе в кабинет, он несколько раз прошелся из угла в угол, потом присел к столу со стаканом горячего чая, который, как обычно, принесла сестра, но лишь взялся за него, отставил и снова стал ходить по комнате.

«Ольга уходила опять к Павле Романовне. Пришла домой совсем чужая, — недобroe выражение промелькнуло в карих глазах Ивана Ивановича. — Ну что я могу сделать?!»

— Рентген показал изменение костной ткани в области шестого грудного позвонка, — сказал Сергутов, взглянув на Гусева, который сидел нахолясь в глубоком кресле. — Вот посмотрите! — И он поднял к свету два больших рентгеновских снимка.

— Да, теперь сомневаться не приходится, — промолвил Иван Иванович, всматриваясь в мутно просвечивающие на черном фоне очертания костей. — Можно с уверенностью поставить клинический диагноз: опухоль шестого грудного позвонка с сжатием спинного мозга. Надо готовить больную к операции.

— Я бы советовал отложить операцию на послеродовой период, — сказал Гусев. — Пусть она сначала разрешится...

— Она не сможет, — возразил Иван Иванович. — Ей в таком случае придется делать кесарево сечение.

— Сделайте кесарево. Нельзя же подвергать человека крайнему риску! А ну как начнутся роды на операционном столе? Неужели вам хочется опять иметь смертный случай?

— Будет присутствовать акушер.

У Гусева от возмущения покраснел большой нос, и пальцы рук первно засутились.

— Вы, конечно, новаторы-нейрохирурги. Но за меня солидный опыт общей хирургии. Имейте в виду: я вас

предупреждал... Вы хотите, чтобы роды прошли сразу после вмешательства в сложнейшую область, в спинной мозг. Какая опасность после вскрытия позвоночника и наложения свежих швов!

— Опасно не это, — ответил Иван Иванович. — Кстати, по общей хирургии у меня тоже порядочный стаж. И мне представляется, что большой легче будет перенести операцию, а потом естественные роды, нежели два тяжелых хирургических вмешательства подряд. Одним словом, я за немедленную операцию, учитывая и ваше предупреждение.

«И почему он так любит предупреждать? — думал Иван Иванович, выходя из больницы. — Ну как он мыслит?! Устроить во всем порядок: картотека образцовая, полочки, тумбочки... не больница, а загляденье. Это у нас уже есть на общую радость и пользу. А дальше что? Ведь болезни-то не разложишь по полочкам, по шаблону! — Вспомнив последнюю размолвку с Ольгой, Иван Иванович еще больше взъерошился. — Вот бы Гусеву стать литератором, — подумал он и сердито фыркнул. — Героя у него были бы скромные, выражения гладенькие, конфликтов никаких, и такая получилась бы в книге скучища, что каждый, посмотрев, отложил бы ее в сторону...»

Последние рассуждения сбили доктора с пути: вместо того чтобы идти сразу домой, он зашел в библиотеку. Иван Иванович любил читать в часы досуга, особенно радовался, когда ему попадался хороший современный роман и даже гордился тем, что и здесь «был в курсе».

— Ведь у нас столько выходит своей специальной литературы, — говорил он, — чтобы не отстать от жизни, надо читать ее.

Сейчас он шел с намерением взять толстый журнал, полученный с последней почтой, полистать, представить, насколько возможно, атмосферу сегодняшнего литературного мира, может быть с этой позиции взглянуть на «ребячество» Ольги.

За новыми декорациями, занимавшими половину фойе, временно превращенного в мастерскую, он услышал звучный голос Павлы Романовны.

— Вполне могу справиться, клянусь честью! — быстро говорила она. — И правда, я никогда не работала, но заведовать клубом... Это у меня вышло бы. Создать такой уют, чтобы каждый, прийдя сюда, действительно отдыхал душой.

«Ты уж создашь! — неприязненно подумал Иван Иванович, проходя дальше. — Тоже, как Гусев, свела бы всю работу к диванчикам да занавесочкам. А самоуверенности сколько! Конечно (лишь пожелай она), дело и для нее найдется. Все доступно, вот она и думает, что все легко!»

В библиотеке у читального стола сидела Ольга в темном плаще из плотного шелка и что-то записывала в блокнот. Рука ее, державшая карандаш по-ученически цепко, так и сыпалась узкие первые буквы. Иван Иванович часто подшучивал над почерком Ольги, но любил и его: сколько радости испытал он за последние два года, получая ее письма, внешне похожие на послания иерадивого ученика четвертого класса, но полные чувства и беспокойства.

Иван Иванович читал ее заметки, пачечатанные в областной газете, но ему казалось, что Ольга раздувает свой

случайный и незначительный успех и уже вообразила себя гением, непопятным в семье. Разве не от этого начались у них размолвки?

Сейчас, увидев жепу по-деловому пристроившейся к столу, уставленному стопками книг, он вдруг остро пожалел ее. Если она увлекалась чем-нибудь, то умела заниматься, не щадя сил и времени.

Он подошел к Ольге и, как тогда, когда впервые застал ее за письменным столом, опустил руку на ее склоненное плечо. Она вздрогнула, но глаза, обратившиеся к нему, уже не просияли лаской, а глянули настороженно. И она не заслонила исписанный листок с той порывистой стыдливостью любящей души, которая говорит о боязни показаться в смешном виде дорогому человеку. Сейчас Ольга не стеснялась мужа, повидимому уже безразличная к его мнению, и это, больно уязвив Ивана Ивановича, снова застроило его скептически к ее занятиям.

— Понимаешь? — спросил он с легкой иронией.

— Ишу, — ответила Ольга твердо, хотя лицо ее выражало досаду.

— Ну, что же, хорошо... пиши! — сказал он со вздохом и, отвернувшись, зашагал к барьерчику, за которым сидела старушка-библиотекарь в очках и теплом жилете — безрукавке, совершенно погруженная в чтение нового на-шумевшего романа.

«Из-за каких пустяков можно портить отношения... Ломать всю жизнь! — с горечью думал Иван Иванович, рассеянно перебирая книги, возвращенные читателями, но еще не дошедшие до полок. — Ну, что я... разве я мешаю ей?»

Из одного из вновь полученных «толстых» журналов, не оказалось на месте: все были «на руках».

— Нет, это я не смогу одолеть! — сказал Иван Иванович, с сомнением посмотрев на предложенный ему объемистый роман современного американского автора.

Не имея времени разбираться в достоинствах неизвестных авторов и боясь зря потерять его, он предпочел брать вещи, уже одобренные читателями.

Возвращаясь, он снова задержался возле Ольги. Она торопливо заканчивала выписку цитаты из огромной книги об Якутии. На минутку прекратив писать, она кинула на свободный стул, стоящий поблизости, и Иван Иванович несхотно, но покорно присел, повинуясь томительной потребности договориться. Теперь он смотрел прямо в лицо жены, как-то по-новому видел ее миловидность, подчеркнутую выражением задумчивой сосредоточенности, и ему стало обидно, что она в последние дни совсем забросила его. Ведь он шел домой с работы, устал, был голоден, а она спокойно сидела, не проявляя никакой заботы.

— Ты еще не ужинал? — спросила она, точно угадала его мысли.

— Нет... — сказал он с невольным смущением.

— Тогда ты не жди меня. Ужин в духовке, наверно еще не остыл. Кофе в термосе горячий. Я тороплюсь просмотреть нужный мне материал, пока не закрылась читальня, — пояснила Ольга, заметив нетерпеливое движение мужа и выражение недовольства, промелькнувшее у него.

— И долго это будет продолжаться? — спросил Иван Иванович сдержанно. — Такое вот пренебрежение... Отчуждение такое...

— Пока ты сам не перестанешь относиться с пренебрежением к моей работе, — заносчиво произнесла Ольга.

— До сих пор я не вижу никакой работы, — раздраженно сказал Иван Иванович поднимаясь.

— Не удивительно! — промолвила Ольга. — Другого ответа от тебя нельзя было ожидать!

61

Она долго сидела неподвижно после того, как затихли твердые шаги уходившего Ивана Ивановича, опущая тоскливыми холодок в сердце, забыв, что ей надо торопиться, «пока не закрылась читальня». Потом она решила итти домой и уже собрала книги, но передумала и снова уселась за стол, однако сколько ни вчитывалась, сколько ни принуждала себя, первоначальной ясности и способности делать выводы из прочитанного не было.

Заниматься дальше с подобным настроениемказалось невозможным. Ольга вздохнула, сдала книги и медленно пошла из библиотеки.

«Хорошо. Раз это необходимо для твоего спокойствия, я могу отложить свои занятия», — казалось, уже говорил мужу ее унылый вид. Но едва она приблизилась к выходной двери клуба, как та разом распахнулась и на пороге (точно он бежал от кого-то) появился Тавров. Почти по инерции Ольга сделала еще несколько шагов навстречу... Паве Романовне, которая осматривала в это время новые декорации, составленные у сцены, показалось, что Тавров и Ольга бросаются друг другу на шею.

Кроме них троих, в зале не было ни души. Под высоченным куполом некрашеного потолка светилась лампа, одноковая, круглая и большая, точно луна. Огромное здание таило чуткую тишину, вдруг потревоженную за сценой молотком столяра-декоратора.

Бойкой Паве Романовне стало не по себе, когда те двое, встретясь лицом к лицу в этой пустыне, остановились внезапно, словно слепые.

«Удивительный народ! — с досадой подумала она. — Зачем такое мучение?! Впору выскочить отсюда и столкнуться с ними. И то, наверно, только стукнулись бы лбами. — И она совсем опешила, увидев, как они, обойдясь даже без рукопожатия, пошли рядом и сели на скамейку посреди зала. — Им, наверно, кажется, что они в тенистой роще, в беседке где-нибудь, клянусь честью!.. — мысленно произнесла Пава Романовна, забиваясь в щель между декорациями. — Расселись, как два голубя на крыше».

— Вы меня звали? — спросил Тавров.

— Нет, хотя я очень хотела увидеть вас, — ответила Ольга с простодушной искренностью.

Все, что волновало ее недавно, сразу отошло, забылось, и лицо ее, после первой вспышки удивления и даже испуга, сияло радостным оживлением.

В каждом взгляде ее, обращенном к Таврову, выражалось глубокое чувство.

— Зачем вы так быстро ходите? Вам надо беречься, — сказала она с ласковой укоризной, заметив испарину на его лице.

— Боялся не застать вас. Мне позвонили, что вы уже давно здесь и ждете меня. Конечно, Пава Романовна... — пояснил он, уловив первое движение Ольги. Затем он достал белоснежный платок, по-мальчишески скомкал его,

вытер лоб и крепкий подбородок. — Я не просто... — добавил он, заливаясь румянцем смущения, и пытливо исподлобья глянул на Ольгу. — До клуба доскакал на костылях. Он там... на террасе. Все еще пользуюсь ими, когда тороплюсь.

— Я видела, как вы учились ходить, — тихо отзвалась Ольга. — Вы шли и улыбались, и смотрели только себе под ноги. Вечер был такой хороший! За вами следом шла нянька...

— Почему же вы не окликнули меня?

— Не хотела смущать...

— Я несколько раз собирался вам позвонить... Много раз. Но почему-то тоже боялся. Так, наверно, отсиживается в конуре пес, которому отдавили лапу: и погавкать хочется и в драку бы ввязался, а лапа-то мешает... не дает.

Оба рассмеялись.

— Ну, что у вас? — спросил Тавров, снова обретая свободный дружеский тон. — Где очерк, который вы обещали написать о Чакме?

— Пока в столе, — с живостью ответила Ольга. — Я уже раз двадцать приступала, столько бумаги извела, а зря, — самой не правится. Кажется то напыщенно, то серо, мелко. А в газету посылаю, и каждую неделю печатают. Не все, конечно, принимают, но не меньше половины. Как вы думаете — это не плохо? Ведь я еще не научилась по-настоящему!

— Это хорошо! — горячо возразил Тавров. — Я знал одного известного журналиста... Его впервые напечатали после сотни попыток. Без преувеличения: он послал около трехсот очерков в мусорную корзину редактора. Вы начали правильно: не пренебрегая простой газетной заметкой. Очерки ваши еще слабоваты: то многословно, то какая-то связность чувствуется. Надо не выдумывать холодным умом, а каждый раз итти от самой жизни, только прежде изучив ее основательно.

— Я изучаю! — сказала Ольга. — Но странно: теперь, когда я подхожу к ней по-деловому, рыская повсюду, чтобы подсмотреть самое главное, интересное, я чаще испытываю приступы чувствительности. Не сентиментальная умилость, а такая первоздная взвинченность, какое-то потрясение радостное. И вот тут я снова теряю верный тон.

— Пичего. Горячность — неплохое свойство, — произнес Тавров одобрительно, но без покровительства: он сам был взволнован. — Так и надо: писать о том, что волнует, затрагивает за живое. — И опять вынул платок из кармана и, вытирая лицо, глубоко вздохнул: повидимому, все еще не мог прийти в пору после пережитого напряжения. — Вот насчет очерка о Чакме. Вам нужно...

— Мне кажется, я поняла уже, что нужно, — перебила его Ольга. — Написать о крае вообще — в небольшом очерке трудно: ведь здесь добыча золота, рыболовные артели, совхозы, природа особенная. А я решила все охватить, и получился огромный ком, который придавил меня. Слишком много я пагромоздила.

— Найдите интересного человека и через него покажите остальное, — посоветовал Тавров.

Ольга задумалась:

— Я была в одном эвенском колхозе. У них богатое хозяйство: олени, огороды, молочная ферма. Там эвены.

Я их сначала путала с эвенками, но оказывается, это совсем разные народности. Эвенков раньше называли тунгусами. Они кочевали по Восточной Сибири — от Енисея до Охотского побережья. А эвены — ламуты. На их языке Охотское море называется Ламским морем... Так вот... Если взять этот колхоз и его связи с производством...

— Возьмите лучше председателя нашего райисполкома, — сказал Тавров серьезно. — Через него вы сможете показать все. Иначе, если вы начнете с колхоза, вы с ним не скоро расстанетесь, а когда доберетесь до производства, богатство материала вас опять подавит.

— Я попробую, — нерешительно пообещала Ольга.

— Нет, вы прежде представьте, что это за человек! — увлекаясь, заговорил Тавров. — Он из тех советских работников, о которых в улусах складывают песни. Между прочим, организация облюбованного вами колхоза произошла при его живейшем участии...

— Клянусь честью, я помешала деловому разговору! Несколько мне удалось расслышать, тут рассуждают о географии, — произнесла Нава Романовна, неожиданно появившись из-за декораций.

Она обошла вокруг скамейки и остановилась перед собеседниками — настоящая кукла в своем коротеньком, едва до колен, платье и в парандже распашонке, именуемой «труакаром», скрывавшей временную полноту ее фигуры. Пышные буфы на рукавах расширяли плечи; высокие каблуки туфель делали неуверенной походку; шляпка, похожая на опрокинутое ведерко с узким донышком, косо держалась на пышных кудрях. Так одевались модницы сорокового года, а Нава Романовна считала бы себя совершенно несчастной, будь она одета не по моде.

— Вы святого выведете из терпения, — сказала она благодушно. — У меня устали ноги на этих ходулях. Все же я в таком положении... Да и какой толк из того, что я застряла в щели между березовой рощей и гостиной Бит Китыча? Чего ради я торчала бы там еще?!

62

Когда Иван Иванович вошел в операционную, больная уже лежала на столе на правом боку, ярко освещенная высокой стоячей лампой-рефлектором.

Заслышав шаги и голос хирурга, она насторожилась. Все ее существо, потрясенное неожиданным несчастьем, напряглось в томительном ожидании. Она без колебаний подписала согласие на операцию. Что ж, раз иного выхода нет!.. Доверие к хирургу было большое, но Маруся опасалась за свою беременность: она очень хотела иметь ребенка и заранее любила его. Все его шевеления и торможения умиляли ее; прислушиваясь к нему, она представляла, как он укладывается поудобнее, толкая ее то локотком, то ножкой... Лежа на операционном столе, она продолжала свою непрерывную беседу с ним, неслышную для посторонних, просила его вести себя спокойнее, боясь сейчас сильных его движений. Они оба должны потерпеть...

Ассистент Сергутов уже заканчивал анестезию: уплотненная припухлость после уколов новокаином вздулась вдоль позвоночника. Иван Иванович на минуту остановился за плечом Сергутова, сверился взглядом с рентгеновскими снимками, приболотыми на оконную раму.

Черные глаза и румяные щеки Варвары, оттененные белизной маски, закрывавшей всю нижнюю часть лица, промелькнули над стерильной простыней, распяленной в ее руках.

— Гексонал попадобится, имейте в виду, — напомнил Иван Иванович.

— Да, я уже приготовила, — кратко ответила Варвара, накидывая простыню так, что «окно» в ней легло на операционное поле.

Елена Денисовна, хлопотавшая по ту сторону стола, пальцы подхватила свой край, прикрепила его зажимами к платформочке над изголовьем больной. Никита измерял давление крови.

Все были на местах, все в порядке, а тревога нет-нет да и ходила Ивана Ивановича, пока он заканчивал обычный туалет хирурга. Он хорошо представлял, какую ответственность брал на себя, но не это беспокоило его сейчас, а общее состояние больной и желание избежать возможных осложнений.

— Трясет, — тихо сказала Маруся, чутко прислушиваясь к звуку, происходившему около нее, и к прикосновениям врачей, и к слабым теперь движениям ребенка, которые она ощущала как будто под самым сердцем. Может быть, ей, правда, удалось уговорить его... И без того становилось страшно.

— Дайте сий адреналин, — сказал Иван Иванович, отвечая на взгляд акушерки. — Ничего, голубушка, — добавил он, обращаясь к больной. — Мы все вам сделаем быстро и аккуратно.

Он сел на винтовой стульчик и принял от Варвары нож-скальпель и тупой широкий крючок. Сергутов тоже подготовился с крючком в одной руке и металлической трубочкой электроотсоса в другой. Тот включал Никита Бурцев, в качестве сестры, следивший за общим состоянием больной. — Хирургическая сестра — Никита!.. Он даже не решался иногда моргнуть во время операции, но действовал с необычайной чуткостью и быстротой. Варвара ревновала немножко, когда в ее выходные дни инструмент Ивану Ивановичу подавал Никита...

Прямой разрез вдоль припухлости над позвоночником. Края разреза сразу раздвигаются крючками.

— Ток! — коротко бросает Иван Иванович...

— У Марии Петровны необычно развитые вены, — негромко говорит он Сергутову, осторожно работая скальпелем. — Смотрите, какие тут разветвления. Венозная сеть сильно расширена. Значит, имеется сосудистая опухоль — гемангиома. Поэтому и кость на пораженном участке позвоночника будет усиленно кровоточить.

К операционному столу подходят невропатолог с вымытыми на всякий случай руками и глазник Иван Нефедович, оба тоже в масках. Присутствие глазника не обязательно, но он является яро заинтересованным болельщиком. Нахмурив белесые брови на широком добром, немножко обрюзгшем лице, он следит, как хирург делает в глубине раны мелкие разрезы иглой электроножа, останавливая кровотечение током; как накладывает расширители и, придерживая большим крючком, отслаивает ткани влево и вправо от позвоночника большой лопаточкой. Теперь уже видна обнажаемая кость.

— Больно! — произносит Маруся.

— Новокаин! — отрывисто бросает Иван Иванович Варваре и мягким голосом: — Сейчас, Мария Петровна,

не будет больно. Вы нам сразу говорите, когда вам становится неприятно. Терпеть не надо. Это сто лет назад, когда не было анестезии, пациентов привязывали к столу и резали по живому мясу. Тогда терпеть приходилось поневоле, зато и хирургов боялись, как палачей. — Разговаривая, Иван Иванович принимает от Варвары шприц и делает два укола справа и слева от позвоночника.

— Сто лет назад за такую операцию и не взялись бы, — замечает невропатолог.

— Двадцать лет назад не взялись бы, — бурчит средоточенный Иван Иванович, продолжая кропотливо, словно ювелир, заниматься своим делом.

Операция идет быстро, потому что движения хирурга при всей их нежности, точны.

Снова разрез электроножом. По ту сторону стола происходит маленькая суетня. Елена Денисовна хотя внешне и спокойна, но в душе встревожена очень. Больную тошнит. А операция идет своим чередом.

— Воск! Ножницы! Ток!

63

Мартемьянов имел ладную семью. Кроме дочери Маруси, было у него четыре сына-подростка и добрая жена, большеглазая, большерукая, жадная и на работу и на веселье.

— Бодайбinka! — с гордостью говорил о ней Мартемьянов. — Приискательница коренная.

Он тоже родился и вырос в Бодайбо и участвовал в Ленских событиях, хотя ему в то время было только четырнадцать лет, да три года нарочно приписанные, чтобы прощашить его на подземные работы: очень молодых, как и пожилых, там принимали неохотно. Широкоплечий и сильный, он легко сходил за семнадцатилетнего, но после расстрела забастовщиков, когда выволок из общей свалки убитого отца-забойщика, отревелся в полную меру четырнадцати мальчишеских лет — тогда сразу повзрослел и душой. С тех пор запала в его грудь неугасающая искорка ненависти. Поэтому и в партию он вступил с самого начала своей несостоявшейся юности.

Маруся росла общей любимицей в семье, но такое отношение не избаловало ее: она была девушка с твердым характером. Поэтому, после окончания семилетки, ее охотно отпустили на учебу в Приморск. Вернулась она оттуда с дипломом экономиста, уже замужней, беременной женщиной, но радость свидания омрачилась ее болезнью.

— Вот беда! — говорил в райкоме Логунову грустный Мартемьянов, терзая в горсти пышную бороду. — Опухоль! Да еще в позвоночнике, в спинном мозгу! Жена прямо извела за эти дни, так и ходит за акушеркой. Я уж ее пристыдил, хотя язык не поворачивается попрекнуть: вижу, почернела даже. Конечно, женщине, да еще рожавшей, трудно представить, как это получится сразу после операции... Швы и всякое такое прочее... — На лице Мартемьянова промелькнула болезненная гримаса, но он доказал, явно крепясь: — Раз операция прошла удачно, и уж если перетерпела Маруся под ножом... значит теперь обойдется. Иван Иванович, он свое дело знает.

В четверг Маруся стонала от резких болей в области операционной раны, в пятницу они стали меньше, а общее состояние заметно улучшилось. Особенно обрадовало всех

появление движения в ее парализованных до сих пор ногах. Даже Гусев не мог скрыть несколько смущенного удовлетворения, глядя, как четко шевелились ступни и потешлившие пальцы больной. Разгибание ног было почти нормальное, хуже делалось сгибание, но оспаривать результаты операции не приходилось.

— Что ж, посмотрим, как пойдет дело дальше, — сказал Гусев.

— Теперь рожать будет, — ответил Иван Иванович.

— Побаиваешься? — тихонько спросил Гусев, всматриваясь в невеселое выражение его лица.

— Конечно, не так это просто, — промолвил Иван Иванович, — но раз Мария Петровна хочет иметь ребенка, она его будет иметь. Брюшные мышцы у ней теперь могут сокращаться.

— От души желаю! — проговорил Гусев и добавил тихонько: — А все-таки лучше было бы сделать кесарево сечение.

И вот в субботу, на третий день после операции, у Маруси начались родовые схватки. В четыре часа утра Елена Денисовна, не отходившая от больной и тут же, в изоляторе, почевавшая, записала в историю болезни:

«Схватки средней силы через десять — пятнадцать минут».

Елена Денисовна даже побледнела за эти дни от утомления и беспокойства. Теперь она чувствовала себя командующей парадом. Все должно пройти благополучно, иначе стыд и срам.

— Ну-ка попевели пожками! — просит она роженицу: У нее вдруг возникло сомнение, действительно ли они стали подвижны.

Маруся послушно и охотно шевелил ногами, но на ее миловидном, слегка припухшем лице появляется выражение боли: очередная схватка.

Иван Иванович делает в этот день обход не как обычно, а начиная с родильного отделения.

— Ничего, — говорит он своим глубоким баском, заметив плохо скрытое беспокойство акушерки. — Мария Петровна держится молодцом, объем движений в ногах нарастает.

Но долго задерживаться ему не приходится, даже обход отложен: привезли больного с прободным аппендицитом, и требуется срочная операция.

Елена Денисовна остается с роженицей. Она привычно хлопочет возле родильного стола, но потуг нет, и акушерке кажется, что она бездействует. В двенадцать часов она снова записывает: «Схватки через пять — восемь минут».

— Муж спрашивает, как чувствует себя больная, — говорит дежурная сестра, появляясь в дверях, точно тихое привидение.

— Скажи, что начались роды, — коротко отвечает Елена Денисовна.

В шестнадцать часов та же лаконичная запись: «Схватки через шесть минут». Приходил и снова ушел Иван Иванович: у него очень беспокойный день: опять привезли тяжело больного. Снова мать и муж Марусиправлялись о ее состоянии.

— Рожаем, — еще короче возвестила акушерка.

— Ну, как вы думаете: рожу я? — спрашивает Маруся, когда очередная боль отпускает ее. — Смогу я родить?

— Конечно, голубушка! — отвечает Елена Денисовна, с трудом выдергивая ее ясный взгляд, как будто очищенный мукой материнства. — Все благополучно пройдет. Вот начнутся потуги...

В девятнадцать часов при записи в историю болезни внесены два новых слова: «Схватки через три — четыре минуты. Слабые потуги».

Когда они начались, эти усилия, — живое стремление матери помочь, превозмогая страдания, движениям своего ребенка, — у Елены Денисовны от радости навернулись слезы. У нее не то что отлегло на душе, а пропало чувство беспомощности, она почувствовала себя вооруженной.

Потуги были слабы и коротки, но они подтолкнули ребенка. Потом опять произошло замедление.

Скрепя сердце Елена Денисовна послала санитарку за Иваном Ивановичем. Он пришел странно тихий, точно пришибленный. Осмотрел свою пациентку, прослушал сердцебиение плода.

— Ну, что же, придется помочь мамаше немножко. Давайте щипцы!

Щипцы он наложил легко, и в двадцать один час по записи в истории болезни, а попросту в девять часов вечера, у Маруси родилась здоровая девочка.

— Прекрасная! Прямо как бархатная! — ликующим голосом сообщала Марусе Елена Денисовна, с помощью санитарки обмывая ребенка на особом столике.

Иван Иванович тоже мыл руки и устало думал о трудном, но удачном дне, о сделанных операциях, о лампе-рефлекторе, разбитой вчера во время работы молодого хирурга Сергутова.

«Вот взыскать бы из заработной платы! — думал он, вскипая запоздалым раздражением. — И у сестры вычесть, и у Сергутова. Не могут проверить лишний раз. Варя этого бы не допустила. Прямо сердце болит: такое ценнейшее оборудование, так трудно его доставать. Как не стыдно!»

Потом Иван Иванович сидел у себя в кабинете, курил и опять раздраженно думал об Ольге, ушедшей на вечеринку к Павле Романовне. И возникало постепенно чувство тоски, ощущение забытости и... даже старости. Тридцать шесть лет. Скоро сорок... Уже пять лет прошло с тех пор, как он защитил диссертацию на кандидата наук... Иван Иванович вспомнил тот день. Радостную Ольгу в белом платье. Лето. Цветы. Шумное одобрение оппонентов. Его работу называли событием в медицинском мире. Много ли он успел сделать после того?

Раньше ему бывало обидно, когда он наталкивался в своей практике общего хирурга на случаи, которых не мог разрешить. Таких больных направляли чаще всего в нейрохирургический институт Бурденко. Отсыпая их, Иван Иванович испытывал чувство неловкости за свою беспомощность. Тогда он решил «подучиться» у пейрохирургов, доквалифицироваться и застрял у них. Теперь он сам нейрохирург, а испытывает тоску, усталость, какое-то душевное одряхление. Неужели это от поведения Ольги? А в работе? И в работе еще столько неопределенного, неустановленного. Иван Иванович хмурится. Он всегда стремился вперед, словно бежал без передышки всю жизнь; и вот добежал, добился поставленной цели...

— Что же дальше? — спросил он, уставясь в пространство строгим взглядом. — Ну, стану еще доктором

наук. А многое попрежнему недоступно. Разрежешь, посмотришь — и зашивай обратно: вот рак, вот трудные случаи аневризмов...

Иван Иванович встал и тихо вышел из кабинета. Пройдя по коридору, он услышал голоса: оправдывающийся дежурного врача и наступательный Елены Денисовны:

— Как в операционную, так и санитарке без маски нельзя войти, — ворчала акушерка, — а к нам готовы всех впустить.

— Муж ведь... трудный случай. Пере волновались... — возражала дежурная.

— Тем более, что такой трудный случай. Занесете грипп или еще какую-нибудь гадость.

Повинувшись неясному, но непреодолимому побуждению, Иван Иванович свернул на звук голосов и, миновав сразу притихших спорщиц, вошел в родильное отделение.

Маруся лежала уже на обычной кровати и, неловко откинув голову на плоской подушке, засматривала в розовое лицо ребенка, примощенного к ее открытой груди. Длинные ресницы ее золотились и вздрагивали, лицо, повзрослевшее после родов, освещалось улыбкой. Она впервые кормила, вся сосредоточенная, смешно и трогательно заботливая, поэтому, лишь мельком глянув на человека, стоявшего перед ней, снова устремилась к жадным губенкам и маленькому носику, пыхтящему у ее груди.

Она даже не потрудилась прикрыться краем простыни, но не оттого, что этот человек уже видел ее обнаженной (еще утром она закрывалась до горла, как только его руки врача прекращали исследование). Слабость не убивала стыдливости, — сейчас Маруся просто забыла о ней, переполненная ощущением материнства. Она осталась жива, сделалась матерью и кормила своего ребенка. Все остальное померкло перед этим выстраданным ею чудом.

— Почему так рано разрешили ей кормить? — вполголоса спросил акушерку Иван Иванович, охваченный волнением.

На душе у него стало тепло, точно от света материнской улыбки прояснил ее пасмурную глубину. Он почувствовал себя счастливым, как художник, увидевший со стороны величие своего творчества. И на минуту все его личные неприятности тоже отступили на задний план.

64

Последние встречи окончательно сблизили Таврова и Ольгу, хотя ни одного слова о любви ими не было произнесено. Теперь Тавров сумел бы доказать, что они сделают преступление, подавив сильное чувство и искалечив свою жизнь. Однако между ними стоял третий человек. При всей ревнивой зависти Тавров не мог не уважать Ивана Ивановича, но это не охлаждало его, а лишь вносило сознание тяжелой ответственности и даже страха в его чувство.

Ольга.. это коротенькое слово звучало для него, как вздох, с которым он и засыпал и просыпался.

Только на флотационной фабрике он временно забывал о ней. Руда текла там по лентам транспортеров из машины в машину, измельчаясь по пути. Камень превращался в зернистую массу, в муку. Вот первая на пути щековая дробилка. Здесь крупное дробление, камни с беспрестанным треском раздавливаются стальными челюстями, словно орехи. Потом они отправляются потоком на две пары дроби-

бильных валков; те делают свое дело — среднее дробление, — и над ними стоит сплошной вибрирующий гул. В следующем отделении тонкого измельчения три шаровые мельницы, три грохочущие красавицы. Здесь любимое имя, произнесенное невзначай, утопет в грохоте. У каждой машины рабочий-мастер, свой электромотор и приводные ремни. Только успевает разворачиваться питающий фабрику рудник, где еще недавно работал Платон Логунов. Но рудник готовится увеличить добычу, и Таврову тоже пришлось пересмотреть производственные возможности фабрики.

Можно было допустить перегруз, но не свыше десяти процентов, иначе ухудшилось бы качество обработки руды. Поэтому встал вопрос о реконструкции фабрики.

«Сейчас главное — успеть закончить до морозов все предварительные работы, — озабоченно думает Тавров, представляя глубокие котлованы, пробитые в вечной мерзлоте рядом с главным кориусом (сооружение фундаментов шло ускоренными темпами). — Надо предложить плотникам делать срубы заблаговременно, а собрать их на месте недолго. Машины установим зимой. Еще одну пару валков (лучше бы, конечно, коническую дробилку), еще одну шаровую мельницу...»

Тавров останавливается у крайней мельницы, прислушивается ухом знатока к грохоту вращающихся шаров, растирающих в пыль мелкий щебень руды. Он вспоминает, что недостаточное снабжение стальными шарами вызвало перерасход электроэнергии в этом месяце, снизив производительность и увеличив себестоимость грамма золота. Теперь он резко поставил вопрос о своевременном выполнении заявок.

Тавров идет в отделение, где работает флотационная машина, состоящая из десятков ячеек, в которых вскипает пеной жидккая пульпа: одна часть измельченной руды и около двадцати частей воды. К пульпе добавляются маслянистые вещества. Лопасти, насаженные в виде маленьких иронеллеров на вертикальный вал флотационной машины, пагнетают в пульпу воздух, который, соприкасаясь с маслом, образует пузырьки, поднимающие на поверхность необходимые минералы с золотом. Вращающиеся гребки сбрасывают пену через порог машины в наклонные лоточки. По этим лоткам, пена самотеком идет в сгуститель, где отстаивается. Потом она извлекается в виде плотного концентратса, сушится и отправляется в плавку. Не чистое золото, а концентрат золотой руды — продукция фабрики.

Лаборантка, румянощекая, синеглазая, с пышно взбитой прической, подходит к Таврову со своими записями. В лаборатории ежедневно делается контрольный анализ. Концентрат должен быть кондиционный: определенное содержание золота, без примеси вредных минералов, мешающих плавке: мышьяка, меди, сурьмы. Тавров внимательно просматривает цифры. Не по-женски четкий почерк у лаборантки. Краем глаза Тавров невольно отмечает красивую форму ее беленькой руки. Хорошая девчина и свободная, но не привлекает, не интересует. Тавров проводил взглядом уходящую девушки, и точно наяву представала перед ним Ольга в легком платье, с открытыми до плеч руками, в летних туфлях на босу ногу. У него ощутимо заболело, заныло сердце, когда он вспомнил ее всю, от светлых волос, блестящих, густых и тонких, до общего выражения милой простоты и значительности. Именно такая, только такая нужна была ему!

— Да, содержание в концентрате опять снизилось, —

говорит он главному мастеру, но взгляд его еще полон пижаности. — Не пришлось бы нам иметь разговор с Платоном Артемовичем! Я уже проследил всю технологию. Попробуем изменить порядок процесса обогащения руды: сократим число ячеек на вторичной, очистной флотации, а на первичной увеличим. Кроме того, на шаровые мельницы материал поступает крупноватый, там ускорим число оборотов до двадцати семи в минуту...

65

— Вы куда сейчас? — спросил Логунов, с которым доктор встретился, выйдя из больницы.

— Я? — Иван Иванович вспомнил, что Ольга у Пряхиных, что рабочий день давно уже кончился, и ему предстоит провести час-другой в одиночестве за письменным столом; вспомнил, и лицо его выразило затаенную печаль. — Домой, — ответил он с тяжелым вздохом, — работать.

— Да, вы умеете работать. Вам надо еще научиться отдыхать, — серьезно сказал Логунов. — Я вижу: вы почти никогда не отдыхаете. Это тоже плохая крайность.

— В городки-то играю...

— А зимой?

— Зимой на охоту хожу.

— Но ведь это редко. Правда? А вам надо организовать себе такой отдых, чтобы и жена в нем участвовала.

— Женя сама найдет... — заговорил Иван Иванович с горькой проницай, но устыдился возможности плоско пошутить и замолчал.

— А зачем оставлять ее в одиночестве в нерабочее время? — с мягкой задушевностью в голосе произнес Логунов. — Часы досуга жнаным людям надо проводить вместе.

— А неженатым?

— Тут и говорить не приходится. Молодой человек каждую свободную минуту стремится к своей избраннице.

— А я другое слышал, — намеренно суховато возразил Иван Иванович, замыкаясь от явной попытки Логунова вызвать его на откровенность. — Жена и муж должны развлекаться отдельно, не надоедать друг другу.

— Чем же вы собираетесь развлекаться сегодня?

— Я уже сказал: буду работать. Приду домой и попробую сделать кое-какие обобщения на основе полученного опыта.

— Готовите докторскую диссертацию?

— Нет. То еще впереди. Для серьезной научной работы статистический метод (какой только и возможен в здешних условиях) тоже приемлем, но для него нужно огромное количество случаев. Иначе выводы не будут отличаться достоверностью. Почему при оценке клинического наблюдения и попытке использовать его для теории получаются разногласия? Потому что у меня, допустим, десять одинаковых случаев, и я делаю свои выводы, а у вас двадцать случаев, и выводы будут другие. Поэтому я мечтаю о докторантуре в Москве, где клиническое наблюдение ведется параллельно с лабораторно-научным экспериментом, до чего нам здесь на Каменушке, как до той вои звездочки!

— А после докторантуры чем займешься? Лекции станете читать в университете?

— Возможно. Но меня больше волнует мысль о научной работе в клинике. Когда человек защищает кандидат-

скую диссертацию, он должен доказать свое умение поставить и разрешить отдельный вопрос. Докторская диссертация ставит, возможно, этот же вопрос, но глубже, шире, превращая его в целую проблему. Получив звание доктора наук, я должен стать знатоком и специалистом в решении своей проблемы, должен искать наилучший путь ее разрешения. Вы понимаете? Возьмите любую отрасль медицины... В каждой стране есть десятки, сотни профессоров. Читают лекции, лечат сами. Что ж, прекрасно. Лечат и лечат. Но вот выдвигается один и делает полный переворот в данной области. Например, наш советский ученый Владимир Петрович Филатов... Он исцеляет слепых, делая пересадку свежей прозрачной роговицы вместо помутневшей над глазным хрусталиком.

— Я слышал! — оживленно отозвался Логунов.

— Для нас, медиков, он является большим авторитетом, — с гордостью продолжал Иван Иванович. — Вы представляете, какой это человек?! Он прошел путь труднейших исследований, пока дошел до способа сохранять материал для пересадки! А усовершенствование техники самой операции? Ведь на это дело надо было затратить по меньшей мере жизни!

— А вы тоже хотите выдвинуться на поприще нейрохирургии?

— Хотел бы! — искренно заявил Иван Иванович. — Но я должен овладеть многими высотами, и мне еще много надо поработать, чтобы внести свое...

— А почему вас потянуло туда?

— Новая область, большие перспективы в разработке научных вопросов. И практически очень важная. Вот, например, операции на периферической нервной системе, на симпатической. Ими мало еще занимались, а в будущей войне это страшно понадобится. Жестокая будет война, как вы думаете?

— Да, конечно, — задумчиво ответил Логунов. — Уж если они между собой так схватились (передавали, что вчера немцы сбили в воздушных боях 147 английских самолетов), то, когда они повернут на нас, бой будет не на жизнь, а на смерть. А ваша нейрохирургия, должно быть, совсем молодая наука?

— У нас она насчитывает около пятнадцати лет. Очень даже молодая...

— Кто она, эта молодая? — спросил из темноты девичий голос.

— Да вот мы с Платоном Артемовичем рассуждаем о нейрохирургии, — ответил Иван Иванович, ласково взглянув на подошедшую Варвару.

— А ты подумала: мы о девушках? — пошутил Логунов, и даже в темнотах было заметно, как прояснили и смягчились черты его мужественного лица.

— Нет, я ничего не подумала, — сказала Варвара, прерывисто вздохнув, как после быстрого бега. — Просто иду и слышу... вы разговариваете. Я с заседания бюро, — пояснила она, посмотрев на Логунова. — Меня сегодня приглашали танцевать, но мне некогда.

— Куда тебя приглашали?

— Меня звала Пава Романовна.

— Отчего же ты не идешь сейчас? Там бал в самом разгаре, — опять с гэречью произнес Иван Иванович.

— Да просто так... Хотя нет, не просто, — волнуясь, заговорила Варвара. — Я не люблю ее. Нам приходится

встречаться в клубе, она много помогает по клубной работе, но я ее не люблю: все делает для собственного развлечения. «Дитя тайги!» — передразнила Варвара. А я не хочу, чтобы на меня смотрели, как на чудо: «Ах, девушка-якутка читает Флобера!» Весь якутский народ способен на это чудо. Разве мы виноваты, что жили раньше в таких жестоких условиях? — спросила Варвара, останавливаясь посередине улицы. — Вы знаете, Иван Иванович, за что вас любят наши курсанты и больные?.. — она стиснула сплетенные пальцы рук и пылко сказала, глядя вверх на высокого доктора: — За то, что вы делаете все не ради себя и даже не ради науки, а для людей, не различая того, узко у них глаза или круглы...

— Хвалить свое начальство в лицо — великий грех, Варюша, — упрекнул Иван Иванович. — Мне просто неловко... Мы же все одинаково работаем. Наука движется народом и для народа, а если Пава Романовна смотрит иначе, таб это понятно: она же ничего не делает.

63

— Мне еще надо зайти к товарищам-курсантам насчет комсомольского собрания, — сказала Варвара Логунову, когда они остались вдвоем.

— Я провожу тебя, — предложил он.

— Нет, тут близко, — ответила она с мягкой уклончивостью. — А потом они меня проводят, если я задержусь.

— Это уже местный национализм, товарищ Варя, — пошутил Логунов. — Что у вас завтра на собрании? — спрашивал он, продолжая шагать рядом с нею и посматривая на ее белевшее в темноте темноглазое лицо с заостренным подбородком и детски припухлыми губами.

«Она и правда еще ребенок!» — подумал Логунов, но тут же ему вспомнился взгляд любящей женщины, каким она посмотрела сейчас на Ивана Ивановича, ее порыв к нему. Логунов знал, что Пава Романовна, по-своему, хорошо относилась к девушке. Значит, пылкая враждебность Варвары вызвана скорее всего нехорошим отношением жены Пряхина к присковому хирургу.

«Твои враги — мои враги!» — с ясной непосредственностью сказалось в поведении Варвары.

«Неужели она полюбила его? — гадал Логунов. — Хотя отчего бы ей не полюбить его? Идеализация, свойственная молодости, чувство благодарности, восхищения... Ведь он для нее да и для остальных курсантов высокий пример!»

— Спокойной ночи, Платон... Артемович!

— Спокойной... — Логунов встрепенулся и, крепко сжав протянутую ему руку и не выпуская ее, задержал девушку: — Ты раньше проще обращалась со мной!

— Да? — промолвила она, доброжелательно посмотрев на него. — Теперь ваше положение обязывает...

— Слушай, — сказал он и умолк, не в силах совладать с волнением. — Скажи, разве тебе не бывает тоскливо одной?..

— Я почти не бываю одна. Мне тепло и радостно среди окружающих людей.

— Но об одном из них ты, наверно, больше думаешь, чем о других...

— Может быть, — сказала Варвара помолчав, лицо ее просияло.

— Кто же этот... счастливый?

— Не все ли равно?.. — произнесла она почти вызывающе. — Он совсем не счастливый от того, что я думаю о нем, — добавила она с наивной и грустной жестокостью.

Логунов стиснул ее руку, точно он хотел сделать больно Варваре за боль, причиненную ей. Но лицо девушки не дрогнуло, и Логунов сразу вспомнил, как она однажды нарочно уколола себя иглой...

Он разжал ладонь; рука Варвары лежала в ней, как смятая птичка, маленькая и теплая. Ему стало мучительно стыдно. Он быстро нагнулся и поцеловал пальчики, склеенные его грубым пожатием.

Он долго стоял, глядя на дверь, за которой скрылась Варвара. Губы его еще ощущали нежную теплоту девичьей руки. Логунов никогда и никому не целовал рук и не понимал, зачем это делают другие. Невольный сердечный порыв раскрыл ему прелесть церемонного, по его мнению, обряда. С ощущением поцелуя на губах он и отправился блуждать по дорогам поселка. Если бы он вел Варвару под своим сильным крылом, каких слов, сроду не говоренных, а теперь так и теснившихся на языке, не наговорил бы он ей!

— Зря увлекаешься, Платон! — сказал Логунов вслух с грустью. — Теперь твое положение, правда, обязывает ко многому: приходится думать и за других. Зачем ты ей, если она любит Аржанова?! «Пустое круговорашение!» — вспомнил Логунов поговорку Дениса Хижняка.

Вспомнив рыжего, спицелазого фельдшера, Логунов сразу потянулся к этой семье. У них в доме, где жила Варвара, он чувствовал себя особенно хорошо.

«Наверно, не спят еще», — подумал он, поднося запястье с тикающими часами к самому носу.

Август месяц уже истек. Белые ночи давно кончились, и земля была окутана тьмой. Но в теплом мягким воздухе чувствовалось не последнее дыхание лета, а ожидание чего-то прекрасного...

«Извечная история, — пронизирия, размышиляя Логунов, сжалев собой, одинокий под нежным сиянием осеннего ночного неба. — Мерцание звезд. Вздохи неудачников и старых дев. Вот луна взойдет, и наши собаки завоют, глядя на нее. Ездовые собаки, они точно волки...» Логунов усмехнулся, но больно-таки щемило в глубине его упрямого сердца, и он, зная теперь, что это неистребимо, и покоряясь тому, улыбался еще насмешливо.

Подходя к дому, где жили Хижняки, он увидел в окне Ивана Ивановича и замедлил, пока не сообразил, что его соперник находится на своей половине.

Доктор стоял, опершись ладонями о подоконник, и, так же как недавно Логунов, смотрел в близкое, дышащее синими отсветами небо. Было что-то особенное в его задумчивой отрешенности от всего окружающего, и Логунов, скрытый аллейкой кустарников, не решился окликнуть его. Минуты две он наблюдал за ним со смешанным чувством зависти и доброжелательства.

— О боже мой!.. — вдруг глухо промолвил Иван Иванович.

Такая скорбь прозвучала в его низком голосе, что Логунов вздрогнул и осторожно отступил в темноту.

«Значит, мне не просто показалось, — думал он, обходя вокруг дома. — У них действительно семейные нелады.

Денис Антонович, без пиджака, в шлепанцах на босу ногу, сидел у большого стола с газетой. Елена Денисовна занималась щитьем — починкой.

— А Вари пет, — простодушно сказал Хижняк, выглядывая из-за газеты, которой он огородил себя.

— Я знаю, — так же просто ответил Логунов, одним взглядом окидывая знакомую ему до мелочей обстановку.

Сколько хороших часов провел он здесь!

Мальчишки уже спали, мирно сопя на кровати, но еще веяло щедрым теплом от притихшей плиты; пахло печеньем и не то земляничкой, не то дыней. Перебивая милые домашние запахи, тянуло от окон, раскрытых в ночную прохладу, чуть горьковатым ароматом левкоев. Цветы эти, выкопанные с огорода в ожидании первого инея, стояли на подоконниках вместе с мохнатыми яркобелыми, синими и красными астрами.

— Как ваши трехпудовые тыквы? — спросил Логунов, присаживаясь к столу.

— А ничего... Расти еще, — сказал Хижняк, быстро глянув на жену.

— Расти. Ну, конечно, расти! — подхватила та, розовея от смеха. — До рождества еще далеко, авось да вырастут! Только вместо рогожек шубой прикрывай. И до чего же ты упрямый, Денис Антонович! Ведь нет там ничего похожего на порядочную тыкву.

— Будет еще...

— Когда же это будет? Вот и цветы уж убрали с грядок, а он все ждет, надеется.

«Вот тоже конфликт!» — думал Логунов, слушая их полууштывные пререкания.

— Значит, я пеладно посадил. Может, навоз надо было не в яму, как в книжке указано, а прямо кучей навалить. А вырасти должны бы обязательно.

— Тебя не переспоришь! — сказала Елена Денисовна с легким вздохом и начала собирать лоскутки, катушки и пожницы. — Давайте лучше чаю попьем со свежим вареньем. У меня сегодня в родильном отделении заскучала одна... молоденькая. Муж в командировке, родных нет. Всем, говорит, передачи несут, всеми интересуются, а коме никто не приходит. Я после работы сварила варенье из голубики, налила в баночку, коржиков испекла. Вот, мол, тебе девчата какие-то послали с твоего присыска.

— Почему же не от себя передала? — спросил Логунов.

— Так интереснее. Меня-то она каждый день видит.

— А вы их любите — своих женщины-рожениц? — попытавшись Логунов, вспоминая слова, сказанные сегодня Варварой Ивану Ивановичу.

— Очень даже. Как же их не любить? Матери ведь они!

— А они вас? — допытывался Логунов, глядя, как прорвороно хозяйничала Елена Денисовна: она и разговаривала и занималась делом, — одно не мешало другому.

— Опп? Меня? — Елена Денисовна остановилась на минуту, занеся тонкий нож над сайдой белого хлеба. — Может и любят, а забывают быстро. Благополучно обошлось, пу и слава богу, скорее домой. Хорошую акушерку редко кто запомнит. Оно и понятно: пока самой тяжко, не до того, кто помогает, а потом все мысли о ребеночке. —

Елена Денисовна сказала это так спокойно и добродушно, что Логунову даже неловко стало.

— Что же вам дает такая работа?

— Все дает! — огрызнулась Елена Денисовна осердясь. — Что это вы сегодня, Платон Артемович?.. Ну-ка я вас начну также высматривать!..

— Да пожалуйста, — ответил он с улыбкой, любуясь ее веснушкой. — Мне хочется знать, как ваша душенька, довольна ли?

— Душенька моя предовольна. Я на работе смысл своей жизни чувствую и благодарности от людей, которым там помогаю, не требую.

— А дома?

— И дома тоже! Если удалось кому помочь, не напомирай об этом. Людям неловко, когда они обязаны. Гордый и честный сам отблагодарить торопится, чтобы избавиться от долга. Другому хоть масло на голову лей — все равно, а бездельник тебе же врагом будет.

— Этак недолго договориться и до того, что человеку — волк, — серьезно сказал Логунов.

— А вы не переиначивайте, — быстро возразила Елена Денисовна. — Моя работа не терпит плохого отношения к людям. Я не говорю, что они злые. А только так понимаю, что благодарность родилась при большом неравенстве. Чем лучше мы станем жить, тем меньше будем чувствовать себя обязанными перед другими.

— А Иван Иванович?.. — заговорил было Логунов.

— Иван Иванович под эту статью совсем не подходит, — молвил Хижняк, аккуратно свертывая прочитанную газету. — Его вмешательство в человеческую жизнь — большое событие. Как советский врач, он, конечно, не ограничивается одним блеском своего хирургического мастерства. Ему мало, чтобы больной благополучно сошел с операционного стола. Он заботится о его дальнейшей судьбе. Восстановить трудоспособность, наладить отношения с родными, насколько можно сохранить внешние данные. Но есть у него выраженьице «интересный больной». Как может быть болезнь интересной?

— Для науки, — сказал Логунов.

— Определенно! Когда у него серьезная операция, он весь горит. И мы его понимаем. И те больные тоже понимают! — Хижняк поднял без того вздернутый широкий нос, прищурился многозначительно. — Они потом чувствуют себя вроде сопричастными к науке! И хвалятся тем. Да и всякий, при случае, расскажет вам о сделанной ему операции с пребольшим увлечением и об ученом хирурге Аржанове отзовется уважительно. Вот в бытовом плане Лена верно сказала насчет благодарности, тут я к ней присоединяюсь, — добавил Хижняк, ласково взглянув на жену.

Слова Хижняка не опровергали юношески возвышенного мнения Варвары. Интересный больной!.. Конечно интересный для клинического наблюдения, которое потом можно использовать для теории. Логунов сам был высокого мнения о человеческих свойствах хирурга Аржанова.

— А насчет остального я с вами обоми не согласен, — сказал он, продолжая думать вслух. — Это злая зависимость тяготит людей, а не чувство признательности. У нас благодарность должна стать в один ряд с верностью и честностью. Почему? Да потому, что мы все трудящиеся люди. Значит, и всякая помощь одного человека другому является в нашем обществе не благодеянием за чужой счет, а затра-

той собственного труда. Тот, кто уважает труд и сам трудится, сумеет быть благодарным и за товарищескую помощь в беде, и за науку в цехе, и за хорошее произведение искусства. Чем лучше мы станем жить, тем краше будет благодарность, потому что больше внимания и времени сможет уделять человек человеку. Не неловкость вызывает такое отношение, а привязанность, дружбу, желание самому стать сильным и в свою очередь поддержать слабейшего товарища, помочь и ему вырасти. Вот это и называется трудовой коллектив!

— Верно! — вскричал Хижняк с увлечением. — Шут его знает, как легко вдаваться в крайности! Я в молодости доверчивый был до смешного. Сколько денег у меня пропадало! Вот Лена знает, не даст соврать. Попросят, бывало, взаймы, и, если есть, никогда не отказывал: совестно как-то отказать. А напомнить потом про долг опять же совестно. Ну и глядишь: рассохлись отношения. Так и суждение возникает: по опыту будто верное, а в корне посмотреть, никаку не годное.

68

В гостях у Пряхиных все чувствовали себя свободно, возможно потому, что Пава Романовна никого не старалась занимать.

— Мое дело — позаботиться, чтобы в квартире чисто было и уютно, стол накрыть как следует. А потом разрешите мне повеселиться, — говорила она знакомым. — Пусть каждый развлекается по способности.

За столом она никого не потчевала, не приставала с уговорами отведать кушанья. Она не забывала подкладывать то того, то другого лишь на свою тарелку. Видя, что на них не обращают внимания, гости торопились порадеть о себе сами, и с блюд все как ветром сметало.

— Богема! — важно сказала Елена Денисовна, побывав однажды у Пряхиных. — Все танцуют, поют, разговаривают, и никто никого не слушает. Не чувствуешь, что находишься в семейном доме. Такие вечеринки только в складчину и устраивать!

На такой вот вечеринке, где действительно все разговаривали одновременно и каждый слушал кого хотел, где не умолкая звучала музыка: то патефон, то радио, то кто-нибудь присаживался к пианино, находилась в это время Ольга. Она сидела рядом с Тавровым и, чуть откинув голову, сощурив блестящие глаза, внимательно выслушивала его. Перед этим он прочел ее маленьку рукопись — последний вариант очерка о Чажме и теперь, не стесняясь окружающего шума, высказывал свои соображения.

— Получилось интересно! — говорил он негромко. — Вы сумели показать живого человека в большой работе. Его видишь. Вот старуха-эвенка благодарит его за поездку на курорт. Как будто пустяковый эпизод, а через него раскрывается новый быт местного населения, и забота советской власти, и даже то, что у нас работает свой прекрасный курорт для ревматиков...

— Довольно о делах! — смеясь сказал над ухом Ольги подошедший Пряхин.

Она оглянулась на кружасшиеся пары, вопросительно посмотрела на Таврова. Тот улыбнулся и развел руками... Ольга встала. Потом ее приглашали снова и снова. Она уходила нехотя и вся сияла, торопливо возвращаясь. Щеки ее разгорелись, щеки и чуть открытая грудь и руки,

обнаженные до локтей, тепло смуглели над бархатом вечернего платья.

— Сегодня вы просто цветете! — громко сказал Пряхин, засматриваясь на нее.

— Может быть... — весело отозвалась она, направляясь к своему месту.

— Не дают поговорить! — сказала она Таврову быстро дыша и легким движением спустилась на стул возле него.

Край ее длинного платья мягкое, но весомо лег на ногу Таврова. Тавров вспомнил комплимент Пряхина и осторожно отстранился.

— Наташа из «Войны и мира»? — переспросила кого-то Пава Романовна. — Что можно возразить против желтого пятна на пеленке? Сколько у нас своих Наташ! И у нас такой образ уже становится положительным, клянусь честью!

— Может быть, их много, но это совсем не положительно! — сказал сидевший напротив Игорь Коробицкий. — Что хорошего, если женщина с головой уйдет в одни грязные пеленки? Нет, я решительно против. Ваши слова даже оскорбляют меня...

— Ну, еще бы, ведь вы поэт, эстет! — язвительно отклинулась Пава Романовна.

— Мне тоже непонятно и даже грустно, когда женщина ограничивает себя ролью домохозяйки, — сказал Тавров Ольге. — Как украшает ее самостоятельное положение в обществе. Когда вы все до одной поймете, что ваша сила в труде, — кончится и возрастное неравенство, — добавил он серьезно.

— То есть?.. — недоумевая, спросила Ольга.

— Очень просто. Допустим, Пава Романовна станет известным журналистом, стахановкой или председателем колхоза и о ней спросят: сколько ей лет? Ответ обязательно будет такой: она еще совсем молодая, ей только тридцать лет. И в сорок так же будет. А взять ее, как она есть, правильно скажут: да что вы, ей уже под тридцать! Мы, мужчины, с годами тоже не молодеем: морщины, лысина или седина, одышка от сжижения. Однако издавна существует мнение, будто мужчина сохраняется дольше. Но в смысле красоты и свежести это неверно, а в долголетии женщины нас зачастую побивают...

— Хорошенько дело! Но семья, дети... — горячилась на другом конце стола Пава Романовна.

— И тут должно быть настояще оправдание, — упорствовал Коробицкий. — Я соглашусь признать «Наташу», если она многодетная мать...

— Да они уже сбрасывают на Лондон воздушные торпеды!.. — гудел кто-то отсыревшим баском.

— А каковы лейбористы-то?..

— Между нами говоря, самые твердые бюрократы — это тупые женщины...

— Взять нижний черпачный барабан, который сделан Иркутским заводом...

— А какие импортные ставили?..

— Отделано чернобурой лисой... Прелестно! Прелестно! — быстро шепелявил молодой женский голос.

— Вопросы обеспечения разведенными запасами играют не последнюю роль...

— Вы, мужчины, тоже хороши!

— Задание по металлу они выполнили...

— И мы выполнили бы, но текучесть рабочей силы на участке...

— Сплавом, сплавом надо было заниматься!.. — говорил Пряхин, прижав в угол огромного как слон, неповоротливого человека. — Вы, снабженцы, никогда не имеете точного представления...

— Я предлагаю тост за женщин!.. — задорно воскликнула Пава Романовна. — Довольно о фураже и текучести рабочей силы!

Тост был принят недружно, но охотно. Ольга, чуть пригубив, отставила бокал. Тавров, совсем трезвый, последовал ее примеру.

— Для меня главное в женщина — самостоятельность мысли и чувства, — сказал он, продолжая начатый разговор.

— Мысли? — переспросила Пава Романовна, услышав его в миг краткого затишья, нарушающего лишь звяканье ножей да вилок. — Где это вы видели женщину, умеющую самостоятельно мыслить? Слава богу, если она чужое, готовое усвоит! Недаром же великие люди — мужчины — считали, что нам не свойственна логика. И я совсем не в претензии, клянусь честью! Что есть, то и существует. Вот насчет самостоятельности чувств — другое дело! Чувства, как говорится, — стихия женщины!

— Теперь такие высказывания устарели, — спокойно восразил Тавров.

— Больше всего я люблю пирожные, — сказала Пава Романовна, пережевывая вязкую конфету. — Это некрасиво — быть сладкоежкой, правда? — Вечно что-нибудь жуешь, но я не могу иначе: просто болею, когда нет сладкого. Клянусь!

— Охотно верю, — ответил Тавров, со снисходительной улыбкой глядя, как засветилось от удовольствия ее толстощекое лицо с нежным и жирненьким подбородком, когда она осторожно, чтобы не стереть с губ помаду, положила в рот вторую конфету.

За разгромленным столом, уставленным пустыми и полупустыми бутылками и массой посуды, сидели подвыпившие люди и упорно старались спеться. Но почти все они фальшивили и пели нестройно. Толстый снабженец, которого Пряхин попрекал недостатком внимания к сплаву, сидел, упершись кулаками в край стола, точно хотел подняться, и, прижмурив глаза, распустив большие губы, ревел басом, вовсе уже не приложиваясь к хору.

— Ну, что он ревет! — сказала со смехом Пава Романовна, взглянув на него. — А вот уж совсем новости! — промолвила она, когда гость, перестав петь, но все так же жмурясь, затянулся раз-другой напирской и воткнул окунок в стоявший перед ним торт.

— Действительно... вер-ро! — проговорил он при этом, с усилием приподнимая брови и подбирая отвисшие губы. — Дело рабочего снабжения, оно играет не последнюю... струну... и... и является поставщиком топлива организма живого человека,.. которого оно воодушевляет и внушиает ему инициативу... — На этом красноречие снабженца исчерпалось, и он умолк с видом усталым и безнадежным.

— Интересно, что он может здесь еще выкинуть? — уже сердито сказала Пава Романовна, убирая торт от захмелевшего гостя. — Распорядись, пожалуйста, чтобы Пенкина отвели домой... — обратилась она к мужу, засевшему было в кабинете за преферанс.

И Пепкина увели...

Тавров ходил по комнатам, наблюдал за всеми. Женщины приглашали его танцевать, но он с улыбкой отказывался:

— Побаиваюсь еще.

Иногда он хмурился, но приближалась Ольга, радостная, светлая, и лицо его сразу прояснялось.

Здесь, среди хмельного гомона, топота и шарканья танцующих, взрывов смеха, музыки, песен и веселых женских взвизгов, им было так просто, легко и спокойно, когда они находились друг подле друга. Проводя Ольгу среди тесной суетолоки, бережно придерживая ее за теплый локоть, Тавров вел себя, как юноша, который боится исповеди порывом отшутнуть свою избранницу, впервые доверчиво склонившуюся к нему.

69

Маленькая толпа людей, вышедших из дома, сразу разбралась по разным направлениям. После прокуренной духоты комнат ночной прохлада опахнула лица ласкающей свежестью.

— Как хорошо! — сказала Ольга, глубоко вздохнув, и сама взяла Таврова под руку.

Синее ночное небо тоже словно дышит, оживленное движением тончайших облаков, пронизанных светом звезд. Пахнет сохнущими на корню травами, вянущим листом и корой срубленного на плетень пняка. Осенью пахнет. Тишина. Будто и нет в теплой получьме большого людного поселка. Или кажется, что тишина... Только не хочется парушить ее, и двое идут молча по слабо белеющей песчаной дорожке.

То же было вчера: и осень, и запах вянущих трав и срубленных кустарников, перевитый дымком жилья, и белый песок на дорожке. Но теперь, слитое с ощущением глубокого чувства, все стало необычайно прекрасным.

Кусты и деревья темнеют по сторонам. Над ними светятся звезды... Если бы ити вог да утра... Но дом Ольги уже близко. Там ее ждут. Там она должна забыть о Таврове. То, что связано с ним, останется за порогом. Шаги Таврова замедляются: все в нем протестует при этой мысли. То же переживает Ольга, и, не сказав ни слова, они поворачивают обратно на круг береговой дорожки. И снова плывет над ними прозрачная синева звездного неба, снова похрустывает речной песок под ногами. Мягкая ветка задевает лицо Ольги, и она вздрогивает. Тавров тоже вздрогивает. Каждое движение Ольги отзывается нежностью в его сердце.

Дорожка на этот раз как будто еще скорее выводит их на развилик. Они останавливаются. Оба почти одного роста. Ольга даже кажется выше в своем черном длинном платье. Всходит ущербная луна, и в ее неверном свете ярко блестят глаза Ольги. Нервно склоняя протянутую ему руку, Тавров всматривается в очертания дорогого лица. Оно строго и печально.

— Мне пора! — прошептала она.

— Ольга! — сказал Тавров. — Ведь вы же любите меня, а для меня нет никого на свете дороже. Останьтесь! Ведь вы тоже хотите, чтобы мы были вместе!..

— Да, но я не могу сразу, — ответила Ольга и отошла, оборачиваясь, чуть не плача. — Нельзя так сразу!..

Иван Иванович отставил пишущую машинку, перечитал письмо, написанное им в адрес Приморского городского совета. Речь шла о трудовом устройстве человека, которому он сделал нейрохирургическую операцию полтора года назад. Будучи убежден, что посильный интересный труд тоже является лечебным средством, Иван Иванович продумывал иногда на досуге, как лучше использовать работоспособность некоторых своих пациентов. Особенно заинтересованный их жизнью и состоянием здоровья, он отвечал им без промедления, считая это нормальной нагрузкой избранной им профессии.

Сейчас, когда он, подведя очередной итог работы за последнее время, снова прослеживал пройденный им путь и ясно представлял дальнейшую перспективу, он чувствовал себя счастливым. Да, он хорошо врезался в жизнь, он не скользил по ее поверхности, а шел, как добрый плуг по целине. Это сознание напряженности всех сил, насыщенности и полноты жизни было прекрасно.

— Все-таки ты молодец, Иван Иванович! — сказал он вслух.

Он вспомнил Лешу Зонова... Давно следовало произвести второй этап операции: это, предотвратив развитие гангрены на левой стороне, закрепило бы результаты первой операции, однако Леша упрямится. Признаки болезни на левой ноге, правда, очень незначительны, и Иван Иванович не настаивает слишком упорно. Но опыт, уже полученный им, заставляет его тревожиться. Его также волнует мысль о травматических повреждениях периферических нервов, создающих контрактуры конечностей, параличи, трофические язвы, не заживающие годами, ведущие иногда к гангрене. Как лучше срастить концы прерванного, перебитого нерва? Чем заменить недостающий кусок? Пробуют разное: спинной мозг кошки или кролика, седалищный нерв теленка... Лучше бы, конечно, обходиться без таких вставок. Иван Иванович думает и хмурится, и руки его, активные руки хирурга, думают вместе с ним...

Он потянулся за стаканом давно остывшего чая. Ощущение холодного во рту напомнило ему о времени. Захотелось есть. Иван Иванович посмотрел на часы, улыбнулся, пошел в спальню, но уже по пути вспомнил, что Ольги нет дома... С минуту он стоял, глядя на несмятые подушки, белевшие словно кучи снега на широкой кровати. От этих гладких подушек повеяло холодом.

Он прошел на кухню, умело разжег примус, нарезал ломтями чайную колбасу, уложил на сковородку, достал из банки ложку масла и вместе с ложкой поставил сковородку на гудящий сине-зеленый огонь. Потом Иван Иванович сел рядом на стул. Светлозеленый пол, покрашенный совсем недавно, напомнил ему о работе со столяром. Отсюда его мысли вполне естественно перешли на больницу и на операцию, сделанную им Марусе Мартемьяновой.

— Что это у тебя? Полная квартира дыма, а он сидит и смотрит! — вдруг громко сказал за его спиной голос Ольги, и ее рука с золотой браслеткой часов над смуглым запястьем протянулась возле и погасила примус.

Иван Иванович очнулся и увидел густой столб черного дыма, поднимавшегося перед ним со сковородки. Он засмеялся, ловя ускользнувшую руку жены, и встал.

— Вот так настрипал! — говорила она, подхватывая сковородку и быстро унося ее куда-то.

— Зачем же ты примус погасила? — спросил Иван Иванович, шагая сквозь медленно двигавшиеся клубы дыма.

— Сейчас я все устрою, — глохо ответила Ольга из другой комнаты. — Переоденусь и все устрою. Пусть только дым выйдет.

«Хорошо, что мне не пришлось сразу смотреть на него и говорить с ним! — думала она, лежа в постели. — Надо еще продумать, как мне рассказать ему. Подготовить его надо».

Теперь, когда она лежала в темноте рядом с мужем, но не прикасаясь к нему, звездное небо словно придвигнулось к самому ее изголовью. И ощущение лобви и нежности к Таврову, слитое с представлением этой светящейся синевы, полностью овладело ею.

Иван Иванович, сонно вздохнув, положил на нее руку, обнял ее. Ольга замерла. Он продолжал спокойно спать, и она вспомнила, как он иногда смеется и ругается во сне. Ему нехватает дня...

Она взяла его покорную сейчас руку, тихонько отвела в сторону. Снова почувствовала жалость к нему и страх перед значительностью того, что возникло между нею и Тавровым, но ощущение счастья боролось с этой жалостью и страхом. Оно звучало в ней, точно песня. И все, наконец, разрешилось тихими, тяжелыми слезами. Но Ольга уже сознавала, что решать придется иначе.

70

Она не спала до утра, то радуясь, то холода от боязни перед тем, что предстояло ей впереди. Сомнения мучили ее. И опасения за человека, который доверчиво грел ее своим дыханием, тоже сжимали сердце. Чем он особенно пропинился перед нею? Разве он так уж плохо относился к ней? Но именно эта готовность оправдать подсказывала ей самой, до чего далека она теперь от него. Когда она обижалась, сердилась, негодовала, то делала это любя, желая перенести на себя, как можно больше его человеческой теплоты. А теперь она в ней не нуждалась. Не нуждалась и в нем самом и, отходя (может быть, и для собственного спокойствия), хотела ему только хорошего.

«Пусть я слабое существо и эгоистка, а он в тысячу раз лучше меня, — думала она. — Тем более я не имею права оставаться с ним, полюбив другого».

И все уже кажется ясным, пока новые мысли и чувства не потрясают ее опять отчаянной тревогой. Как он отнесется к ее сообщению? Что будет при его встрече с Тавровым? Холодный пот проступает на лбу Ольги, воротник ночной рубашки давит шею, пуховая подушка горячит. Все неудобно, неуютно.

Ольга переворачивается с боку на бок, подкладывает ладонь под щеку, потом обе ладони, взбивает подушку. Ей уже досадно становится, что Иван Иванович спит и она не может сразу начать разговор.

Быть четыре часа.

Ольге вспоминается недавнее: дождь шелестит за стеною, ночь, воет сирена, и где-то бродит Тавров... А сейчас он здесь. Вскочить бы с постели, перебежать через мост, мимо темных тополей и спящих домов... Наверно, он также не спит. Может быть, ходит из угла в угол по тихой комнате или ушел в горы, на фабрику. А что, если он стоит

тут, под окнами?! Ольга уже готова встать, чтобы выглянуть в окно...

— Ах, глупая! — говорит она себе и проводит ладонями по разгоревшемуся лицу.

Почему она не поцеловала его на дорожке, где и ночью блестят кварцевый песок, где воздух насыщен запахами увядальных трав и листьев. Среди кустов и деревьев сереют кое-где плетни крохотных огородиков, оттуда тянется шафраном и вялым укропом. И звезды там над купами тополей...

Быть пять часов, шесть часов... Сентябрь не торопится с рассветом. Однако небо уже мутнеет. Золото звезд осыпается и, падая, звенит вокруг Ольги. Или это бывают часы?..

Когда Ольга проснулась, Иван Иванович уже ушел на работу. Она встала, старательно оделась, привела в порядок комнату. Но странно было ей заниматься будничными, обычными мелочами, когда вся жизнь ее стронулась с места. Потом так же обычно она пила кофе на кухне. От ярко-красной спиралы электрической плитки струился легкий жар, тепло шло и от чашки с кофе, которую Ольга держала в обеих ладонях.

Шебо за окном обещало дождь; ветер, вдруг поднявшись, нес пыль. Ольга рассеянно смотрела сквозь закрытые наглоухо створки на серое небо, на красную гвоздику, увидавшую в горшке на подоконнике, и думала о Таврове, о своем незаконченном очерке и предстоящем тяжком разговоре с мужем.

«Я прежде закончу работу, а потом уже буду разговаривать с ним, — решила она. — Если развлечусь, то ничего не сделаю».

С этой мыслью Ольга достала тетрадку, испанную ею, с пометками Таврова на полях, несколько листов чистой бумаги и направилась к письменному столу.

Когда в квартире зазвонил телефон, не о времени вспомнила она сразу, а о необходимости откровенно говорить с мужем. Нехотя взяла телефонную трубку, но едва поднесла к уху, точно живой водой омылось преображенное лицо, губы раскрылись в улыбке и певозванный ей, но всем идущий румянец окрасил щеки.

— Да, да! — сказала она по-особенному зазвучавшим голосом. — Я вас слушаю. Я вас слышу!

И человек на другом конце провода мог воспринимать ее слова так:

«Да, я вас люблю! Да, я о вас думаю!»

Тавров так и воспринимал и оттого радостно сообщил совсем не радостную весть:

— У нас сегодня было заседание... — громко и, повидимому, улыбаясь, сказал он. — Получена телеграмма — вызов из треста. Нет, нет! Меня не отзывают совсем! — торопливо прокричал он, словно почувствовал испуганное движение Ольги. — Нас человек шесть срочно вызывают в Укамчан на совещание по поводу выполнения программы четвертого квартала. Это по всем приисковым управлениям. Сейчас уже выезжаем, — на этих словах Тавров осекся. — Дней на пять.

— Дней на пять, — повторила Ольга растерянно, как если бы он сказал не дней, а лет.

— Я уже на пороге, — отвечал он, снова безотчетно радуясь печали, прозвеневшей в ее голосе. — Машина ждет.

— Ждет... — откликнулась она, все еще собираясь с мыслями.

— Ольга!.. — произнес он и умолк: приисковые телефонистки любили подслушивать разговоры.

— Да, — ответила Ольга, чутко улавливая его колебание. — Я ни в чем не раскаиваюсь. Я та же, что и вчера!

Когда она положила трубку, мысль о том, что они не встретятся ни сегодня, ни завтра, испугала ее. Она нуждалась сейчас в его поддержке, а он уезжал почти на неделю. Ей даже захотелось побежать на квартиру Таврова, — может быть, она еще застанет его! Но он сказал: «Машина ждет». Разве мог он так сказать, если бы имелась хоть маленькая возможность увидеться перед отъездом? Значит, собирались, говорили, говорили и прямо с заседания перекочевали в машины. Лицо Ольги немножко просветлело, но сердце ныло не переставая. Теперь она по-настоящему поняла, какое огромное место занял постепенно Тавров в ее жизни. Еще недавно чувства ее двинулись, теперь он притянул ее целиком со всеми помыслами. Началось с благодарности за открытый мир больших интересов, работы любимой и нужной. Перешло в дружбу, а потом в любовь. Дальше она должна была идти только с ним вместе. Но для этого надо было порвать прежнюю живую связь с человеком, который по-своему тоже крепко любил ее.

«Не могу же я обманывать и его и свои чувства!» — подумала Ольга.

Возле дома, а потом на крыльце послышались знакомые, твердые шаги, и точно ветром сдуло ольгины бумаги и тетради с письменного стола.

Иван Иванович нашел ее уже в спальне: она доставала из шкафчика туфли. С минуту он задержался в дверях, пытливо всматриваясь в склоненное лицо жены. Еедержанность задела его еще вчера, и сегодня она опять не встретила его ни лаской, ни приветом. Туфли вот срочно понадобились...

— Почему ты не позвонила мне сегодня? — спросил он.

— Я же не спрашиваю, почему ты мне не позвонил? — ответила она холодно.

— Я был очень занят.

Ольга промолчала. Она уважала работу мужа, но ведь и она не бездельничала. Однако то, что делает она, ему не интересно, поэтому он считает, что только он вправе требовать исключительного внимания.

— Нагулялась! — сказал он с горечью, не дождавшись ответа.

Ольга, закончившая возню с туфлями, стремительно выпрямилась.

— Да, нагулялась! — сказала она с каким-то дерзким отчаянием.

Ее наступательный тон и вид странно подействовали на Ивана Ивановича, она явно вызывала его на ссору, а он, заметив такое, отступил, пришибленный ее почти открытой враждебностью.

«Ну спроси меня. Я все тебе скажу!» — выражало неизвестно чужое лицо Ольги.

«Не могу. Это неправда: ведь ты же любишь меня! — взмолился растерянный голос в душе Ивана Ивановича. — Я не хочу думать иначе. Верю: никого и ничего постороннего нет между нами».

Взаимное напряжение ослабело.

— Что ты все злишься, Оля! — вырвалось у Ивана Ивановича с мягким укором.

— Я... Нет, я совсем не злюсь!.. — сказала она.

Прошло три дня. Пять дней прошло... За это время Ольга закончила работу над очерком, и сама перепечатала его на машинке по всем правилам: на одной стороне листа, с большими полями слева для редакторских заметок. Когда она запечатала конверт с адресом центральной газеты и уже собралась отнести его на почту, счастливое волнение отразилось на ее лице, и так с минуту стояла она, глядя на свое послание и словно не веря собственным глазам. Напечатают или нет — другое дело! Но вот она написала. Вот результат ее серьезной напряженной работы! Это уже было счастьем!

И вдруг она затосковала, перестала выходить из дома и сразу как-то опустилась. Но уже наступил срок вернуться Таврову. И он вернулся! Ольга узнала о том от Елены Денисовны, обеспокоенной ее странным состоянием и искренно заботившейся о ней. Уже неделя прошла после памятной вечеринки у Павлы Романовны. Другая началась. Звенел телефон. Ольга не подходила к нему, только руки ее слегка сутились, когда она напряженно вслушивалась в его тоскливое дребезжание. Неприбранныя, с потухшим взглядом, она то ходила из комнаты в комнату, то сидела в углу дивана, зябко кутаясь в теплый халат. И погода заскучала по-осеннему. Зарядили дожди. Помутнели плакавшие с утра до ночи оконные стекла.

— Что с тобой, Ольенька? — спрашивал Иван Иванович, тоже помрачневший.

— Ничего. Просто так, — твердила в ответ Ольга.

Однажды Иван Иванович привел невропатолога Валерьяна Валентиновича. Ольга наотрез отказалась от врачебного осмотра.

— Просто хандра. Пройдет и без лечения, — сказала она, с враждебным видом поглядывая на невропатолога, а заодно и на мужа.

— Я пропишу вам все-таки успокаивающие капельки, — дружелюбно говорил Валерьян Валентинович, словно не замечая угрюмого недоверия Ольги, так не свойственного ей в обычное время. — Хороши утренние обтирания водой комнатной температуры. Гулять надо побольше...

— Да, холодные обтирания до пояса, почаше бывать на свежем воздухе, и всю хандру как рукой снимет, — повторил он перед уходом.

— Не нужно мне никаких капелек! — сказала Ольга Ивану Ивановичу, рассматривая свои похудевшие руки.

Колечко, которое она рассеянно вертела, легко соскользнуло с ее пальца и, звякнув, покатилось под диван. Ольга не шевельнулась, чтобы поднять его; слезы хлынули по ее осунувшемуся лицу.

— Мне ничего не нужно, — прошептала она.

Ивана Ивановича неожиданно осенила догадка: «Неудача на литературном фронте», — решил он, почти обрадованной этой мыслью.

— Оля! — промолвил он, порывисто подсаживаясь к жене и обнимая ее. — Скажи мне... поделись со мной тем, что тебя мучает. Ведь я же твой самый преданный друг! Опять тебя литераторы оттолкнули?

Ольга потрясла головой и мягко, но настойчиво высвободилась из рук мужа.

— Не спрашивай меня ни о чем, — тихо сказала она. — Дай мне самой войти в норму.

Прошло еще несколько дней. Ольга попрежнему отсиживалась дома. Однажды она вынула из стола свои записные книжки, последние заметки, сделанные на ходу. Лицо ее оживилось, когда она просмотрела их. Здесь было много еще неиспользованного, нужного и свежего для газеты. Можно поработать, сидя в четырех стенах. И Ольга начала писать... На этот раз она действовала, словно ювелир, кропотливо и любовно подбирая каждое слово, взвешивая каждую фразу и мысль. Она не спешила. Над отделкой маленького наброска в несколько десятков строк она провела целый день, и еще осталась недовольна им. Работа заняла и увлекла ее.

Иногда в типшине квартиры раздавались телефонные звонки. Ольга, не вставая с места, вслушивалась. Когда они звучали особенно долго, она подходила к аппарату, но трубы не снимала. Лицо ее в такие минуты точно каменело.

Пава Романовна, забежавшая к Ольге, была поражена ее строгим, почти суровым выражением.

— Клянусь честью, это никуда не годится! — воскликнула она. — На кого вы стали похожи?! Не женщина, а какой-то аскет несчастный. Что вы напустили на себя? Хандра в наше время совсем не модна: мы жизнеутверждающее поколение!

Когда она попыталась заговорить о Таврове, Ольга остановила ее.

— Я вас попрошу не говорить о нем, — сказала она так холодно, что Пава Романовна сразу осеклась и умолкла, ничего не понимая.

«Действительно, ненормальные люди!» — подумала она.

— А как вы теперь... довольны? — спросила Ольга, пытливо оглядев отяжелевшую фигуру Павы Романовны.

— Я? Чему же мне особенно радоваться? Просто я смирилась со своим положением — я все! — беспечно ответила Пава. — Пусть будет еще один ребенок. Нам он не помешает. Только бы поскорее раздаться, а то уже некрасиво... Правда, дисгармония получается! — Пава Романовна неторопливо поднялась с места и, повернувшись перед зеркалом, промолвила задумчиво: — Похожа на кенгуру. Точно! А что еще дальше будет!

— Но дети заполняют вашу жизнь? Привязывают вас к мужу? — нерешительно, сделав над собой явное усилие, спросила Ольга.

— Привязывают? Да, конечно, все-таки семья... — сумев придать своему хорошенечкому лицу выражение значительности, но, однако, неопределенно сказала Пава Романовна, сбитая с толку серьезностью Ольги, и тут же, словно спохватившись, рассмеялась. — Приходят же в голову душеспасительные мысли! Конечно, дети — надежный якорь. При всех условиях они связывают, а насчет признательности мужу за их появление... Да что вы меня спрашиваете? — возмутилась она, подозревая ловушку. — У вас ведь был ребенок!

— Да, у меня был...

— И вы тогда больше любили Ивана Ивановича?

— Да, — сказала Ольга с тяжелым вздохом.

— Значит, вам надо рожать, — произнесла Пава Романовна, — тогда счастье и покой наполнят ваш дом.

Ольга почувствовала облегчение, выпроводив веселую говорунью. Она собрала и спрятала свои бумаги, взяла книгу и легла на диван в спальню, накрывшись мягким клетчатым одеялом... Этот плед принадлежал покойной ма-

тери Ольги. Когда мать болела, она сидела в кресле, накинув его на колени. Маленькая Ольга любила прикладываться щекой к его ярким клеткам, в то время как легкая родная рука нежно перебирала ее пушистые волосы. У матери часто рождались дети, и она умерла от родов...

Книга, так и не раскрыта, съехала, наконец, на пол. Ольга вздрогнула от шума, но не подняла ее: читать сейчас она не могла. Она вспоминала последний вечер, проведенный с Тавровым, дорожку, слабо белевшую под светом звезд. Она упорно возвращалась мыслями к любимому человеку. Она тосковала о нем, и, хотя твердо решила, что не может, не должна теперь встречаться с ним, сердце ее болело, не переставая. Ей хотелось умереть. Но она сознавала, что надо жить. Пусть она не забудет Таврова, пусть никогда не вернется ее первоначальное чувство к мужу...

— Не все же на свете счастливые! — сказала она чуть слышно. — Я стану жить для работы и для ребенка...

72

Тавров вышел из здания фабрики и остановился на взгорье, на дороге, ведущей вниз, к прииску. Пасмурный день навис над горами. Серые тучи, беловатые по завихренным краям, беспорядочно двигались в вышине. Изредка, точно прорывался, падал дождь, сек желтую траву, шумел по камням и так же неожиданно переставал.

Тавров подошел к прииску и остановился, глядя на потемневшие дома, на грязные дымки над мокрыми крышами. Все выглядело мрачно... Тавров представил унылую типшину своей квартиры... Нет, он не мог сейчас находиться в одиночестве в четырех стенах! Он был подавлен до отчаяния.

Он не понимал поведения Ольги, а послать ей письмо не смел. На телефонные звонки она не отвечала. Итога ему хотелось без предупреждения притти к ней и потребовать объяснения. Он так и сделал бы, если бы не полюбил так крепко. И он покорно томился в неизвестности, боясь подорвать неосторожностью доброе имя Ольги. Поздними вечерами он проходил мимо окон, высматривая хотя бы тень на занавеске, по странно пустой казалась половина дома, где жила она с Иваном Ивановичем. Теперь Тавров испытывал неприязнь к Аржанову: тот имел возможность постоянно видеть ее, быть с нею... Вот выходной день, и они дома... вместе...

Тавров резко повернулся и попал обратно в фабрике. Однако на поддороге он еще раз передумал и свернул в сторону к скалам, где летом он уговорил Ольгу пойти на рудник. Вот камень, на котором она сидела тогда, уронив на колени руки, опустив задумчиво сосредоточенный взгляд. Тавров тоже присел на этот камень, потрогал его, он был сырой и холодный. Тавров вспомнил теплоту рук Ольги, ночную прогулку с ней. Воспоминание превращалось в пытку, но если бы можно было повторить тот вечер!

— Если бы! — сказал Тавров вслух и с минуту сидел не шевелясь.

Звук шагов и знакомые женские голоса вывели его из тяжелого опцепления. Он прислушался. Мысль о возможности желанной встречи обожгла его: он уже отвык радоваться за эти бесконечно тянувшиеся две недели. Он поднялся и, сдерживаясь, чтобы не кинуться навстречу, сделал лишь несколько шагов. Из-за скал показались Варвара,

Елена Денисовна и две санитарки. Тавров еще искал взглядом, еще ждал...

— Пойдемте с нами за брусникой! — крикнула Варвара, улыбаясь ему из-под стареньского полушалка.

На ней, как и на других женщинах, надета стеганая куртка-тэлорейка, шаровары, сапожки и в рюкзаке из мешка ведерная банка за плечами. Но даже в таком неказистом наряде девушка привлекала внимание своей яркой миловидностью.

— Пойдемте! — позвала и Елена Денисовна. — Здесь хоть недалеко, да без мужчин все страшно: вдруг медведь вывернется!

Медведи сейчас съяты, жирные и думают лишь о том, где бы залечь на зиму, — возразила Варвара, поравнявшись с Тавровым. — Попали, Борис Андреевич. Мы покажем вам богатый ягодник, какого вы сроду не видели. Наберем брусники, а потом разведем костер и будем печь картошку. Я умею разжигать огонь в любую погоду. Подумайте, как славно: печеная картошка у костра в такую слякоть!

Слова перепал быстро прошумевший холодный дождь; облака точно кипели, перемещаясь в вышине, а на земле зябко взрагивали кустики каменной бересклеты, роняя капли воды и крохотные желтые листья на глянцовитый брусничник, покрытый тяжелыми кистями красневших повсюду ягод.

Тавров собирая в миску мокрые ягоды исыпал их то в банку Варвары, то к Елене Денисовне. Обе они жили в том же доме, где жила Ольга, обе были причастны к ней в быту, поэтому что-то родственное видел в них Тавров. Руки его озябли. Он взглянул на женщин, их лица тоже стали сизыми. Тавров вдруг понял, что пришел сюда в чаяния услышать от них хоть какие-нибудь вести об Ольге. Болтушка Нава Романовна не смогла сказать ему ничего вразумительного. У него защемило сердце, когда он представил жалкость своего положения. Нехватает еще бегать и подслушивать под окнами! Невольным движением Тавров сжал кулаки. Сок раздавленных ягод брызнул на его кожаное пальто, блестевшее от недавнего дождя...

— Хватит! — сказала Варвара и выпрямилась улыбаясь.

Банка ее, полная с верхом, стояла в приспущенном рюкзаке, словно накрытая красным платком. Остальные женщины еще бродили, кланяясь в пояс косогору.

— Давайте скорее собирать дрова! — сказала Варвара и первая побежала вниз к давно обгорелым кустам стланника, выгорбленного серыми дугами по склону.

В руках ее появился якутский нож-кинжалчик. Вынув из мешка пару сухих палочек, она быстро оперила их застругами, подожгла, обложила пучками мелких, как соломы, хворостинок, потом набросала более толстые ветки — и через несколько минут огонь пылал во-всю...

— Вы здоровы? — спросила Варвара, кидая Таврову картофелины, которые тот зарывал под горячие угли. — В последнее время вы ходите такой мрачный!.. У вас не болит сломанная нога в дурную погоду? — она подгнала и сунула в огонь еще несколько кустов и, шурясь от дыма, прытливо взглянула на Таврова.

Тот молчал, играя палкой-клюшкой, постукивал сю по сушняку, охваченному пламенем, следил, как взлетали и сразу чернели в полете золотые искры.

— Нет, у меня другое, Варенька, — промолвил он наконец. — Скажи, если бы ты полюбила и тебя полюбили и вышла бы какая-то жестокая заминка, по своей непонятности жестокая, — быстро поправился Тавров, вспомнив, что страдательным лицом этой истории является главным образом не он.

Варвара смотрела сочувственно и выжидающе, его дальнейшее молчание она истолковала как боязнь проговориться. Если бы ее полюбили!..

— Я не допустила бы неясности, — сказала она. — Если двое полюбят друг друга, их жизни складываются в одну. Значит, все интересы общие...

— А если есть еще третий? — тихо сказал Тавров, подталкиваемый потребностью поделиться с кем-нибудь хоть частицей своих терзаний.

— Третий? — переспросила Варвара, настороженно глянув на него и нахмурив темные брови; но она подумала не о том, кто же третий у Таврова, а о своем отношении к Ивану Ивановичу и Ольге.

Что, если бы Иван Иванович полюбил ее? Но такое предположение показалось ей просто немыслимым: ведь там семья... жена, которой он очень предан. Варвара ничего не могла посоветовать Таврову.

Но он уже не мог молчать.

— Ты понимаешь, тот, третий — лишний между нами. Она любит меня, а не его. Она сама сказала... А потом...

— Потом? — переспросила Варвара, все еще не догадываясь, о ком же идет речь.

— Нет, ты скажи: имеем ли мы право любить и стремиться к совместной жизни раз она замужем.

Варвара опустила глаза, но тут же посмотрела на Таврова задумчиво и ясно.

— Я простая девушка, я же выросла в тайге. Но мне кажется... Нам очень много прав дала советская власть, однако она не дала нам права обманывать. Нам и не нужно обманывать: у нас же новый закон! Если бы у меня был муж и разлюбил меня ради другой... — лицо Варвары выразило искреннее страдание, словно то, о чем она говорила, уже произошло, — мне было бы тяжело, очень тяжело! Я сделала бы все, чтобы он снова полюбил меня, но если нет, то я сказала бы ему: иди к ней, я не хочу тебе плохого... Варвара задумалась, потом добавила: — Трудно предвидеть, как получится. Наверно, у всех по-разному. Ведь характеры у людей неодинаковые. Но жизнь-то у нас одна: мы все стремимся к хорошему...

— А картошка-то сгорела! — огорченно произнесла Елена Денисовна, выгребая из золы обугленные клубни. — Эх, вы-ы повара-философы!

Ольга равнодушно прислушивалась к шагам Ивана Ивановича, хотя он входил не один (по разговору она узнала Хижняка). Уже поздний вечер и на улице осенняя темь... Мужчины пришли с собрания. Что ж, пусть посидят вдвоем, может быть выпьют по рюмке вина...

Но тут раздались еще шаги и голос, звук которого точно нож резнул сердце Ольги. Да, это, несомненно, голос Таврова, только подавленный, глухой, бесцветный... похоже говорил тяжело больной человек. Вот он спросил о пей...

— Ей незддоровится, — ответил Иван Иванович. —

Пожалуйста, располагайтесь по-домашнему. Денис Антонович, хозяинничай. Сейчас я узнаю, что Ольга Павловна...

— Ты не спиши, Оленька? — тихо окликнул он, войдя и бережно притрагиваясь ладонью к ее лбу. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответила она, не открывая глаз.

— Может быть, ты выйдешь, посидишь с нами немножко. Там Борис Андреевич и Денис Антонович. Мы купили тебе фруктов... и бутылку «Саами» купили. Ты, кажется, любила это вино...

Ольга хотела отказаться, но не смогла выговорить ни слова.

Иван Иванович все стоял возле нее.

— Хорошо. Я приду, — произнесла она.

«А каково же ему, Борису? — подумала она, впервые ясно представив то, что должен был он пережить за это время. — Почему у него так изменился голос?»

Теперь она уже не могла не встать, переоделась, посмотрела на себя в зеркало: старуха глянула на нее издали. Ольга похолодела от страха и подошла ближе. Бледное, даже серое лицо. Щеки ввалились. Под глазами синева. От носа к углам рта прорезались скорбные морщины, и между бровей морщины... Ольга всмотрелась еще, губы ее задрожали: как постарела! но сделав над собой усилие, только вздохнула судорожно и, все не отрывая взгляда от этого чужого, подурневшего лица, прислушалась к беседе в другой комнате. О чем говорил Тавров, она не разобрала, хотя голос его звучал оживленнее: он ждал теперь ее выхода. Ну, что же, пусть посмотрит на нее, безобразную. Может быть, это вылечит его... Ольга решительно двинулась к двери, но у порога опять замедлила: как встретиться теперь с ним при муже?..

С трудом преодолев минутную слабость, она толкнула дверь и, почти падая, хватаясь за косяк, шагнула в ту комнату.

Иван Иванович укладывал на блюдо медово-желтую дыню и яблоки, Хижняк, продолжая разговор, нарезал ветчину. Оба они не сразу обернулись к неслышно вошедшей Ольге. Тавров, повидимому не зная куда себя деть, рассматривал крохотную безделушку из слоновой кости, которую взял с этажерки. Когда Ольга подходила к нему, он стоял не двигаясь, все в той же позе, а руки его дрожали так, что только слепой не заметил бы его волнения. Увидев любимого человека в беспомощном положении, Ольга вдруг обрела твердость: почти непринужденно заговорила с мужем, попуттила с Хижняком и сама начала хозяинничать, отвлекая на себя их внимание. Когда стол был уже накрыт и рюмки наполнены вином, она опять на минуту потеряла равновесие: Тавров глядел на нее, забыв о всяких условностях. Как предупредить, убедить его, что дальше так нельзя?

— Валерьян Валентинович посоветовал мне обязательные прогулки, — сказала она, обращаясь к Хижняку, — а я третью неделю не выхожу из дома. И правда, у меня не проходят головные боли. Завтра с утра возобновлю свой летний маршрут по горам.

День выдался холодный. Пустыни серело высокое, как будто выметенное ветром небо. Печально покачивались у тропы мертвые травы. Куда ни глянь, повсюду ровная желтизна лиственничных лесов: словно диковинные хлеба

выспели по склонам гор; стоят не клонятся, ждут, когда взмахнет над ними белыми рукавами северная жница-метель. Снегопад здесь часто опережает листопад, но быстро сходит молодой снежок, перемешанный с иголками хвои и вялым мокрым листом, и тогда особенно неприятно в тайге. Пусть бы мороз, пусть настоящая пурга, только не эта мозговая слякоть.

Ольга карабкалась на водораздел, оскользаясь на крутых подъемах, хватаясь за ветки кустарников. Ветер с налету подталкивал ее в спину, рвал с нее косынку из цветной шерсти, повязанную концами под подбородком. Когда она добралась до вершины, у нее дрожали и руки и ноги. То ли она отвыкла от таких прогулок, то ли волновалась, ожидая встречи с Тавровым. Они не договаривались встретиться здесь, но Ольга знала, что он придет.

Увидев его среди скал, перегородивших нагорную тропинку, она не удивилась, лишь чуть убыстряла шаги. Он сам уже шел, почти бежал ей навстречу.

Когда Ольга выходила из дома, она подготовила, продумала все, что ей надо было сказать. Но она даже рта раскрыть не успела, как очутилась в объятиях дорогого ей человека. Несколько минут они стояли молча, под порывами злого ветра. Потом тихо поплыли рядом.

Ольга опомнилась не первая. Может быть, она еще медлила, как человек, которому не хочется проснуться. Разбудили ее слова Таврова.

— Хочешь, я сам поговорю с Иваном Ивановичем? — говорил он, лаская ее озябшие руки.

Она понурилась. Прядка светлых волос выбилась из-под платка и волнисто струилась по ветру, падая то на ее лицо, то на склоненное к ней лицо Таврова.

Теперь они стояли в небольшом распадке, заросшем редкими кустами кедрового стланика. Однообразно серые тучи вдруг сдвинулись, снизились и потекли над горами сплошным потоком. Уныло перекликались взъерошенные чечотки, перелетая с камня на камень, да шумела темно-сизая хвоя. Все выглядело грустно, и двое людей, встретившихся здесь, тоже погрустнели, точно подчиняясь природе.

— Почему ты молчишь? — тревожно спрашивал Тавров. — Неужели ты опять уйдешь и спрячешься в четырех стенах? Ведь так же нельзя, Ольга!

— Мы не должны встречаться больше, — с трудом выговорила она. — Я... у меня... Я беременна, — и, точно эти слова подкосили ее, она опустилась на камень и закрыла лицо руками.

— Оля! — вскричал Тавров. — Дорогая!.. — он присел рядом, стараясь заглянуть в глаза, отводил и целовал ее мокрые от слез ладони. — Что же тут плохого? Пусть будет ребенок от него. Я стану его любить.

— Нет, — глухо сказала Ольга, — у меня сердце разрывается, но я не могу! — Она поисками в карманах. Платка не оказалось. Она стащила с головы косынку, вытерла ею глаза и щеки. — Нам надо расстаться, — повторила она.

— Нет, не надо! — убежденно ответил Тавров; он взял косынку у Ольги и сам неумело, но старательно повязал ее. Ведь ты же любишь меня! Я знаю, чувствуешь, ты не шутишь этим!

— Да еще бы! — тихо промолвила Ольга. — Но я и теперь не шучу. Нельзя нам вместе. Невозможно! Иди.

Снова она оттолкнула его захолодевшим тоном и взгля-
дом. Тавров встал и, как тогда, весной, медленно двинулся
под гору.

Ольга, сжав губы, смотрела ему вслед сразу запавшими
в глубину глазами. Глаза звали его обратно. Тавров точно
почувствовал это, обернулся.

— Ольга! — произнес он тем же угасшим, сдавленным
голосом, каким говорил вчера.

Жалость и любовь отразились на ее лице. Но она успела
овладеть собой и, когда он повалился к ее ногам, сказала
с твердостью:

— Перестань мучить себя и меня. Напрасно это.

И он снова пошел. Попал, не оборачиваясь, все убыст-
ряя огруженевые шаги, словно горе тащило его вниз одной
своей тяжестью.

Ольга осталась в каком-то оцепенении. Когда она очну-
лась, начала ссыпать мелкая изморось, потом снежная
крупа. Косяк гусей, запоздавших с отлетом, вырвался из-
под облаков и пошел на посадку на ближнее озеро. Долго
слышался в таежной пустыне их тревожный зовущий пере-
клик. Лиственничные леса желтели в долинах и по склонам
гор, а среди этой чистой осенней желтизны серел сухостой.
Много сухостоя в северо-восточной тайге! Намертво высу-
шиваются деревья жестокие морозы.

(Окончание следует)

отсутствует
часть
страницы

Редактор П. Киселев

отсутствует
часть
страницы

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Книги, вышедшие из печати в 1950 году

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ С.С.С.Р.

Антология Узбекской поэзии.

М. 471 стр. 10 000 экз. 30 р.

Иванов, Константин. нарсы. поэма.

Перевод с чувашского. М. 92 стр. 10 000 экз. 4 р.

Койдула, Лидия. стихи.

Перевод с эстонского. М. 120 стр. 10 000 экз. 3 р. 75 к.

Корнейчук А. Е. пьесы.

Авторизованный перевод с украинского. М. 452 стр. 30 000 экз. 9 р.

Купала, Янка. избранное. стихи и поэмы.

Перевод с белорусского М.—Л. 436 стр. 10 000 экз. 14 р.

Лацис, Виллис. буря. роман в трех частях. часть вторая.

Авторизованный перевод с латышского. М. 616 стр. 45 000 экз. 12 р.

Лацис, Виллис. сыи рыбака. роман.

Перевод с латышского. М. 480 стр. 130 000 экз. 8 р. 50 к.

Малышко, Андрей. стихи и поэмы. 1936—1949.

Авторизованный перевод с украинского. М.—Л. 307 стр. 10 000 экз. 10 р.

Мукили. лирика и сатира.

Перевод с узбекского. М. 111 стр. 10 000 экз. 2 р. 50 к.

Поэты Советской Эстонии. (сборник произведений.)

М. 288 стр. 10 000 экз. 8 р.

Поэты Советского Таджикистана. (сборник произведений.)

М. 112 стр. 25 000 экз. 3 р.

Прошян, Пере. из-за хлеба. роман.

Перевод с армянского. М. 208 стр. 15 000 экз. 4 р. 50 к.

Рыбак, Натан. переславская рада. роман.

Авторизованный перевод с украинского. М. 616 стр. 150 000 экз. 11 р. 50 к.

Степаник, Василь. избранные произведения.

Перевод с украинского. М. 224 стр. 30 000 экз. 4 р. 50 к.

Сютисте, Юхан. избранные стихотворения.

Перевод с эстонского. М.—Л. 176 стр. 10 000 экз. 7 р. 25 к.

Сыдыкбеков, Тугельбай. люди наших дней. роман.

Авторизованный перевод с киргизского. М. 352 стр. 75 000 экз. 7 р. 50 к.

Тычина, Паоло. жить, трудиться и расти. стихотворения.

Перевод с украинского. М. 340 стр. 10 000 экз. 9 р.

Франко, Иван. избранные сочинения.

Перевод с украинского. Том IV. Рассказы и повести. Драмы. М. 736 стр. 30 000 экз. 12 р. Подписанное издание.

Цвирка, Петрас. избранное.

Перевод с литовского. М. 420 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Чаччавадзе, Илья. избранные произведения.

Перевод с грузинского. М. 424 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Чувашская весна. сборник чувашской советской литературы.

М. 431 стр. 15 000 экз. 11 р.

Якобсон, Август. рассказы и пьесы.

Авторизованный перевод с эстонского. М. 556 стр. 30 000 экз. 11 р.

Яновский, Юрий. киевские рассказы.

Авторизованный перевод с украинского. М. 156 стр. 75 000 экз. 3 р. 25 к.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Книги, вышедшие из печати в 1950 году

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бальзак, Оноре. Утраченные иллюзии.

Перевод с французского. М. 600 стр. 75 000 экз. 11 р.

Вазов, Иван. Избранные произведения в двух томах.

Перевод с болгарского. Том I. Повести и рассказы. М. 400 стр. 45 000 экз. 8 р. Том II. Под игом. Роман. М. 456 стр. 45 000 экз. 9 р.

Вазов, Иван. Родине. Избранные стихи.

Перевод с болгарского. М. 268 стр. 10 000 экз. 7 р.

Гете, Иоганн-Вольфганг. Избранные произведения.

Перевод с немецкого. М. 763 стр. 20 000 экз. 38 р.

Гюго, Виктор. Труженики моря.

Перевод с французского. М. 488 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Диккенс, Чарльз. Лавка древностей.

Перевод с английского. М. 568 стр. 30 000 экз. 10 р.

Золя, Эмиль. Западня. (роман.)

Перевод с французского. М. 456 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Каравелов, Люден. Повести и рассказы.

Перевод с болгарского. М. 216 стр. 30 000 экз. 4 р. 25 к.

Конопницкая, Мария. Избранное.

Перевод с польского. М. 644 стр. 30 000 экз. 15 р.

Крашевский, Юзеф Игнацы. Старое предание. (исторический роман.)

Перевод с польского. М. 396 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Неруда, Ян. Избранное.

Перевод с чешского. М. 526 стр. 30 000 экз. 8 р. 50 к.

Норрис, Фрэнк. Спрут. (роман.)

Перевод с английского. М. 456 стр. 30 000 экз. 8 р. 35 к.

Прус, Болеслав. Форност. (повесть.)

Перевод с польского. М. 240 стр. 30 000 экз. 5 р.

Сватоплук, Турек. Ботострой. (повесть.)

Авторизованный перевод с чешского. М. 256 стр. 75 000 экз. 6 р.

Сенкевич, Генрих. Крестоносцы.

Перевод с польского. М. 784 стр. 30 000 экз. 15 р.

Скотт, Вальтер. Пуритане.

Перевод с английского. М.—Л. 540 стр. 30 000 экз. 9 р. 50 к.

Франс, Анатоль. Современная история.

Перевод с французского. М. 584 стр. 30 000 экз. 13 р.

Французская новелла XIX века.

М.—Л. 808 стр. 30 000 экз. 16 р.

Хикмет, Назым. Стихи.

Перевод с турецкого. М. 191 стр. 20 000 экз. 4 р.

Чапек, Карел. Избранное. Английские письма. Война с саламандрами.

Белая болезнь. Мать.

Перевод с чешского. М. 488 стр. 30 000 экз. 9 р. 50 к.

Шекспир, Вильям. Избранные произведения.

Перевод с английского. М.—Л. 648 стр. 20 000 экз. 42 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книги, вышедшие из печати в 1950 году

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антокольский П. Г. стихи и поэмы.

М. 296 стр. 25 000 экз. 9 р.

Васильев С. А. избранное.

М. 272 стр. 25 000 экз. 9 р.

Жаров А. А. избранное.

М. 256 стр. 25 000 экз. 7 р.

Инбер В. М. избранное.

М. 608 стр. 75 000 экз. 12 р.

Катаев В. П. БЕЛЕЕТ НАРУС одиночный.

М. (Библиотека советского романа.) 264 стр. 150 000 экз. 5 р. 25 к.

Крымов Ю. С. ТАНКЕР «ДЕРБЕНЬ». (ПОВЕСТЬ.)

М. 200 стр. 150 000 экз. 5 р.

Лаптев Ю. Г. ЗАРЯ. (ПОВЕСТЬ.)

М. 248 стр. 75 000 экз. 6 р.

Ляпин Н. Н. избранное.

М. 544 стр. 30 000 экз. 10 р.

Михалков С. В. избранные произведения. стихи, басни, пьесы.

М. 248 стр. 25 000 экз. 8 р.

Нопов В. Ф. сталь и шлак. (РОМАН.)

М. 332 стр. 150 000 экз. 7 р.

Прокофьев А. А. стихотворения.

М.—Л. 392 стр. 25 000 экз. 12 р.

Раковский Л. О. ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ. (РОМАН.)

М.—Л. 588 стр. 30 000 экз. 10 р.

Сафонов В. А. ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ.

М. 436 стр. 75 000 экз. 8 р. 50 к.

Светлов М. А. избранные стихи и пьесы.

М. 208 стр. 25 000 экз. 7 р. 40 к.

Серафимович А. С. избранные сочинения в двух томах.

Том I. рассказы, очерки, статьи. М. 652 стр. 75 000 экз. 14 р. 50 к.

Том II. романы и повести. М. 504 стр. 75 000 экз. 12 р. 50 к.

Смирнов В. А. повести. (ОТКРЫТИЕ МИРА. СЫНОВЬЯ.)

М. 568 стр. 150 000 экз. 11 р.

Соколов-Микитов И. С. избранные произведения. (в двух книгах.)

Кн. I. повести. рассказы. М. 472 стр. 75 000 экз. 8 р.

Кн. II. рассказы о родине. М. 672 стр. 75 000 экз. 10 р. 50 к.

Софронов А. В. стихи и песни.

М. 216 стр. 25 000 экз. 6 р. 50 к.

Степанов А. Н. ПОРТ-АРТУР. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ.

Кн. I. М. 640 стр. 150 000 экз. 10 р. 50 к. Кн. II. М. 640 стр. 150 000 экз. 12 р.

Сурков А. А. стихотворения.

М. 320 стр. 25 000 экз. 9 р.

Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. том XIV. Рассказы, очерки

и статьи. 1941—1944.

М. 432 стр. 40 000 экз. 18 р. Подписанное издание.

Фила Г. С. КАМЕННЫЙ БОР. (ПОВЕСТЬ.)

М.—Л. 224 стр. 75 000 экз. 4 р. 50 к.

Фурманов Д. А. ЧАПАЕВ. (ПОВЕСТЬ.)

М. 288 стр. 150 000 экз. 6 р. 50 к.

Эренбург И. Г. БУРЯ. (РОМАН.)

М. 884 стр. 75 000 экз. 15 р.

3 руб.

